

А. И. Моисеев

**ОСНОВНЫЕ
ВОПРОСЫ
СЛОВО-
ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ
ЯЗЫКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ALPHABETICALLY

BY NAME

OF THE

CHURCH

MEMBERS

OF THE

CHURCH

MEMBERS

OF THE

CHURCH

MEMBERS

OF THE

CHURCH

MEMBERS

OF THE

И 16984

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

А. И. МОИСЕЕВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Учебное пособие

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1987

51521
12919

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

В учебном пособии систематически изложены и охарактеризованы средства и способы словообразования, основные понятия, словообразовательные значения, соотношение словообразования и частей речи. В нем рассмотрены также морфонологическое варьирование словообразовательных средств, соотношение словообразования с другими явлениями языковой системы и другие аспекты.

Для преподавателей, аспирантов и студентов университетов и педагогических вузов, учителей школ.

Рецензенты: д-р филол. наук *А. С. Герд* (Ленингр. ун-т),
д-р филол. наук *Л. А. Киселева* (Ленингр. пед. ин-т), канд. филол.
наук *А. Л. Максимова* (Ленингр. гидрометеорол. ин-т), д-р филол.
наук *В. Н. Немченко* (Горьк. ун-т).

460261000 0—147
656(02)—87 КБ—3—38—1987

Издательство
Ленинградского
университета
1987

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. ИСХОДНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Термин *словообразование* неоднозначен: так называется и языковое явление, и наука (лингвистическая дисциплина) об этом явлении. Таковы же и некоторые другие лингвистические термины: фонетика, грамматика, морфология, синтаксис и т. п. Неоднозначность этих терминов в Грамматике-80¹ признана традиционной (т. I, с. 8). Применительно к словообразованию употребляются и однозначные термины, построенные на латинской основе: деривация (слов) и дериватология (наука о деривации), от лат. *derivatio* 'отвод' (образование слов представляется этим термином в виде «отвода» от производящих слов; ср. «склонение» в словоизменении).

Словообразование как языковое явление (деривация) — это образование слов, словообразование как наука (дериватология) — изучение и описание слов со стороны их образования.

Определение словообразования (деривации) как «образования слов» кажется вполне естественным, простым и ясным, однако в понимании и истолковании этого явления нет однозначности.

Формулировку «образование слов» можно, кажется, без изменения основного смысла переформулировать так: «как образуются слова». Но наблюдать, как образуются слова, практически невозможно, поэтому можно говорить лишь о том, как были образованы имеющиеся уже слова и как могут быть образованы новые слова. То и другое, как представляется, есть словообразование: прошлое (но еще живое!) словообразование и словообразование будущее (пока еще не реализованное). Но Л. В. Щерба считал иначе: «Одним из ... основных отделов грамматики являются ... правила словообразования, т. е. вопрос о том, как можно делать новые слова (разрядка автора. —

¹ См. сокращенные обозначения источников на с. 203.

А. М.). Вопрос же о том, как сделаны готовые слова, — дело словаря».² Получается, что словообразование лишь прогнозирующая наука, без конкретного словарного объекта. Надо, впрочем, отметить, что тезисы «как можно делать новые слова» и «как сделаны готовые слова» понимаются Щербой диалектично, в частности — применительно к одним и тем же реальным словам: «...могут быть случаи переходные, когда то или другое слово может забываться и делаться как бы вновь».³

Есть и менее приемлемые решения вопроса: так как все существующие в языке слова были образованы в прошлом, то словообразование в целом находится в истории, в диахронии языка; синхронного словообразования, словообразования для данного периода языка нет.⁴ В этой связи можно заметить, что, напротив, образование новых слов всегда происходит в живой речи, т. е. в синхронии языка, и иным быть не может.

Учитывая изложенное, можно считать, что объектом словообразования являются реально существующие в языке слова со стороны (в аспекте) их образования, т. е. в отношении того, как они «сделаны» и «могли бы быть сделаны» вновь.

§ 2. ОБЪЕКТ И ЗАДАЧИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (ДЕРИВАТОЛОГИИ)

Словообразовательному изучению, вообще говоря, подлежат все слова языка, но так называемые непронизводные (первичные, первообразные, корневые) слова, такие, как *лес, дом, вода, рыба, река*, и т. п., при этом могут получить лишь нулевую или даже отрицательную характеристику, состоящую в констатации их первичности, непронизводности. Но тем не менее и непронизводные слова определенным образом связаны со словообразованием: в подавляющем большинстве они служат базой для образования производных слов, выступая как их производящие. В «Словообразовательном словаре русского языка» (Т. I—II. М., 1985) А. Н. Тихонова указано 18 118 непронизводных (с точки зрения автора словаря) слов, из них 12 542 (69,25%) отмечены в качестве производящих (вершины гнезд). Таким образом, непронизводные слова составляют общий фон и исходную точку словообразования и словообразовательной характеристики производных слов.

Положительную, собственно словообразовательную характеристику получают вторичные, так называемые производные (в широком смысле, включая и сложные) слова: *лесной, лесистый, обезлесить, лесоруб, лесовод, лесотундра* и т. п.

Производные слова составляют преобладающую часть сло-

² Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 51.

³ Там же. С. 51—52.

⁴ Подробнее об этом см. гл. 3, § 5.

варного состава языка: в гнездах «Словообразовательного словаря» содержится 126 690 производных и сложных слов, что составляет 87,5% общего состава Словаря (144 808 слов). Соотношение между непроизводными и производными словами по этому Словарю (18 118 и 126 690) = 1:7. Так получается потому, что при одном исходном (корневом) производящем может быть не одно, а несколько, иногда многие десятки и даже сотни производных: при глаголе *ходить* — 470 производных и сложных слов, при *нести* — 541, при *два* — 547 (Т. I. С. 40). Если сопоставить производящие и производные (12 542 и 126 690), то соотношение будет 1:9,1.

Словообразование (дериватология) должно выявить формальное и содержательное, иначе — структурное (по составу слов) и семантическое соотношение производных слов и их производящих, и на этой основе определить средства и способы образования производных слов, словообразовательные типы производных слов, словообразовательные значения и другие словообразовательные характеристики слов.

§ 3. МЕСТО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Важно сразу же выяснить место словообразования в языковой системе и в системе дисциплин науки о языке.

Обычно дают такую схему языка (и языкознания): язык состоит из слов (словарный состав языка) и правил их употребления (грамматика языка); материально язык воплощается в звуках (звуковая, фонетическая система языка). Соответственно формируются основные лингвистические дисциплины: лексикология, грамматика, фонетика, с их частями или разделами, например грамматика — морфология и синтаксис. Определенного места для словообразования в этой схеме не обнаруживается.

Но язык и его структуру можно представить и по-другому. Язык как средство общения людей (функциональный аспект языка) в материальном (субстанциональном) аспекте может быть определен как совокупность и система слов (и фразеологизмов, в целом — номинативных средств, но далее, для простоты изложения, будем говорить только о словах) в различных их свойствах и характеристиках, включая правила их употребления в речи. Язык так именно нередко и определяют: человеческий язык есть язык слов. Но и при любом другом определении языка (язык — средство общения через обмен мыслями, человеческий язык — система звуковых средств общения и т. п.) слово справедливо признается основной его единицей, все остальное в языке является или частями слова (звуки речи, слоги, морфемы) или сочетаниями слов, словесными произведениями: словосочетания, предложения, тексты. Очень выразительно место слова в системе языка определил Ф. Соссюр: «Слово, несмотря на

все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка».⁵

Показательно в этой связи, что в проектах создания «машинного фонда русского языка» предлагается в качестве основы принять положение, что «любые данные об устройстве языка могут быть представлены в лексикографической форме», а «основной единицей целесообразно признать слово, при котором должна быть помещена вся информация о нем».⁶

Если так, то части, стороны или аспекты языка (и соответственно части науки о языке, лингвистические дисциплины) можно понять и представить как разные стороны или аспекты проявления слов и как характеристики слов с разных сторон, с разных точек зрения: слова обладают (характеризуются) звучанием, включая ударение, значением, правилами вхождения в речь — сочетаемостью (синтагматика), изменяемостью (парадигматика) и т. п. Слова характеризуются также развитием, непрерывным обновлением и пополнением.

Отмеченные стороны и характеристики слов составляют фонетику, включая акцентуацию, семантику (точнее — лексическую семантику) и грамматику языка. На этой же основе формируются лингвистические дисциплины: фонетика, фонология, акцентология, семасиология, грамматика (можно сказать, грамматикология). Последняя из приведенных ранее характеристик слов (их развитие, обновление словарного состава языка) предполагает, или вводит, в частности, и словообразование: развитие и обновление словарного состава языка реализуется главным образом через словообразование. Другими путями и способами обновления и развития лексики языка служат заимствование слов из других языков и семантические изменения уже имеющихся в языке слов. Интенсивность и масштабы заимствования слов из других языков исторически меняются, но оно, видимо, никогда не бывает основным фактором развития словарного состава языка,⁷ а семантическое развитие слов на определенной стадии может перейти в словообразование (так называемый

⁵ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Перевод с фр. М., 1877. С. 143.

⁶ Филологические науки. 1984. № 4. С. 91 (изложение доклада Ю. П. Караулова, и др.).

⁷ Есть, однако, и другие мнения, но, видимо, без четкого разграничения собственно заимствований и словообразования на базе заимствований. Такие мнения обычно отводятся: «Некоторые лингвисты, например, М. В. Панов, полагают, что заимствования являются основным источником пополнения словаря современного русского языка. Однако ведущая роль все же, по-видимому, принадлежит словопроизводству на собственно русской основе (хотя бы и с использованием интернациональных корневых и аффиксальных морфем)» (Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 98).

семантический способ словообразования). Некоторые исследователи языка даже полагали, что всякое более или менее определенно измененное значение слова дает уже другое, новое слово и тем самым является фактом словообразования (так представляли это явление А. А. Потебня, отчасти Л. В. Щерба).⁸ Есть еще так называемое калькирование слов (иначе — буквальный перевод), создание слов по образцу слов другого языка или по образцу заимствованных слов, например, *правописание* — по образцу (калька) слова *орфография* (греч. *orthos* 'правильный' и *grapō* 'пишу'), *словарь* — *лексикон* и т. п. Но это разновидность обычного, морфемного словообразования.

Таким образом, словообразование — отдельное, самостоятельное проявление языковой системы, и схематически это можно представить так:

Язык=слова (и фразеологизмы) в их свойствах и характеристиках

звучание (фонетика)	значение (семасиология)	правила вхождения в речь (грамматика)	развитие (семантические изменения, заимствования, словообразование)
------------------------	----------------------------	---	---

§ 4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АСПЕКТА ЯЗЫКА

Из всего ранее сказанного следует, что словообразование составляет не функциональный, а лишь эволюционный аспект языка. Оно обеспечивает развитие языка (в словарной части), но никак не участвует в его функционировании: чтобы знать язык, уметь им пользоваться, надо (и достаточно) знать его фонетику, семантику и грамматику, т. е. уметь пользоваться звучанием слов, их значением и правилами их вхождения в речь (все это функциональные аспекты языка). Знать же, как развивается словарный состав языка (или язык в целом), какие слова заимствованы или образованы в самом языке и т. п., для пользования языком как будто не нужно. По этому поводу М. И. Черемисина пишет: «Слова мы выбираем сознательно, но самих слов не придумываем и не строим, а пользуемся теми, которые созданы задолго до нас, которые мы усвоили, когда усваивали язык. Если так, то нам не нужно знать правил, по которым они построены».⁹

Но такое отношение к словообразованию неприемлемо: оно

⁸ Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.

⁹ Черемисина М. И. Лекции по лингвистике. Новосибирск, 1970. С. 13 (М. И. Черемисина не согласна с приведенным ею умозаключением).

искажает языковую реальность и обедняет значимость словообразования. Чтобы преодолеть такую односторонность в понимании словообразования, надо иметь в виду уже то, что словообразование расширяет словарный состав языка и тем самым расширяет и обогащает функциональные возможности языка. Но причастность словообразования к функционированию языка этим не ограничивается, так как оно не сводится к механическому пополнению или обновлению словарного состава языка: создавая слова, словообразование предопределяет в основном их значение (значение производных слов мотивировано), их грамматические свойства — распределение по частям речи и их лексико-грамматическим разрядам, сочетаемостные свойства (синтаксические валентности) и т. п. Да и сама новизна слов, созданных в процессе словообразования, функционально значима. Образованием слов предопределяется и их звучание, в частности ударение: ударение производных и сложных слов закономерно и предсказуемо. Суффикс *-тель*, например, образует существительные от глаголов или с сохранением ударения производящего слова (*слушать* — *слушатель*, *сеять* — *сеятель*, *читать* — *читатель*), или с ударением на предсуффиксальном гласном *-и-*: *выпрямитель*, *закрепитель*, *проявитель*, *ускоритель*; суффикс *-ист* «перетягивает» ударение на себя, где бы ни было ударение в производящем слове и как бы длинно ни было производное слово: *арфист*, *гитарист*, *алгебраист*, *велосипедист*, *рационалист*, *интернационалист* и т. п. В целом, как писал еще Н. И. Греч, «ударение получает место преимущественно от образования слов».¹⁰

Распределение производных слов по частям речи основывается на используемых словообразовательных средствах: приставки оставляют производные слова в частях речи их производящих (внутреннее, например, внутриглагольное словообразование: *писать* — *вписать*, *выписать*, *записать*, *написать*, *переписать*, *приписать* и т. п.; то же в других частях речи: *город* — *пригород*, *добрый* — *предобрый*, *хорошо* — *нехорошо* и т. п.); суффиксы, тесно связанные с окончаниями, в большей части отчетливо распределяются по частям речи: суффиксы *-тель*, *-щик*, *-ость* (с нулевыми окончаниями), *-ица(а)*, *-ин(а)*, *-к(а)*, *-о(о)*, *-ние*, *-тие* и т. п. образуют соответственно имена существительные муж., жен. и ср. рода: *выключатель*, *закройщик*, *активность*, *подвеска*, *мыло*, *собрание* и т. п.; суффиксы *-н(ый)*, *-ск(ий)*, *-ист(ый)* и др. образуют прилагательные (*лесной*, *городской*, *гористый*); суффиксы *-и(ть)*, *-е(ть)*, *-ну(ть)*, *-ова(ть)* и др. образуют глаголы: *белить*, *белеть*, *шагнуть*, *беседовать* и т. п. В целом считается, что деривационный (словообразовательный) аффикс — классификационная примета частей речи.¹¹

¹⁰ Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. С. 465.

¹¹ Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М., 1973. С. 352.

Совпадение суффиксов разных частей речи немногочисленно (и это совпадение надо признать омонимией): *-ист-*: *гитар-ист* и *камен-ист-ый*; *-к-*: *перенос-к-а* и *лом-к-ий* и т. п.

Словообразовательная обусловленность синтаксической валентности производных слов, помимо распределения их по частям речи, отчетливо проявляется, например, в приставочных и возвратных глаголах: *служить кому, чему* (неперех.) — *заслужить награду* (перех.); *мыть* (перех.) — *мыться* (неперех.); *думать о чем* — *вдуматься во что*; *идти по улице* — *перейти улицу, подойти к . . . , отойти от . . .* и т. п.

Но особенно отчетливо проявляется семантическая функция словообразования: производящая основа и словообразовательный аффикс в основном уже предопределяют значение производного слова: например, наименование лиц по их отношениям к определенным предметам (*аппаратчик, лесник, столяр*), по действиям (*писатель, возчик, сушильщик*), по признаку (*смельчак, активист*), по отношению к городу или местности как месту рождения и жительства (*москвич, ленинградец, горец, волжанин, сибиряк*) и т. п.; то же в образовании глаголов: *белить* 'делать белым, покрывать белой краской', *белеть* 'становиться белым, проявляться белым цветом'; *цинковать* 'покрывать цинком' *смолить* 'пропитывать смолой'; различные модификации действия: *поговорить* (немного), *проговорить* (охватить действием значительный период времени: *проговорить всю ночь*); в образовании прилагательных: *болотистый, гористый, каменистый, лесистый* и т. д. 'характеризующийся обилием чего-либо: болот, камней и т. д. — того, что обозначено производящим словом' и т. п.

С учетом всех этих свойств словообразования оно должно быть признано уже не только эволюционным, но и безусловно функциональным аспектом языка: чтобы знать язык и уметь им пользоваться, надо знать и словообразование.

Особенно важно знать словообразование тем, кто изучает неродной язык: усвоение неродного языка осуществляется большей частью с помощью правил, и правила словообразования среди них занимают значительное место. На основе этих правил, а также самого словообразовательного материала формируется «догадка» (языковое чутье), широко используемая в методике преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного. Так, например, если известно, что жители Ленинграда называются ленинградцами, и при этом усвоено и понято соответствующее правило, то легко можно «догадаться», что жители Волгограда называются волгоградцами, а жители Лондона и Берлина — лондонцами и берлинцами, или, что лондонцы и берлинцы — это жители Лондона и Берлина; если усвоено, что прилагательные *усатый, рогатый* означают 'имеющий усы/рога', то легко понять значение слов *крылатый* (*мельницы крылаты у Пушкина*), *женатый* (в старину было и прилагательное *мужатые: жены мужатые*) и даже *сохатый* (надо только узнать,

в каком значении тут использовано слово *соха*) и *пернатый* ('имеющий перья', от старого *перно* 'перо').

Надо, конечно, иметь в виду, что правила словообразования, как и многие другие правила языка, действуют не механически, а в значительной мере избирательно, с разного рода ограничениями и т. п. Так, в частности, и названия лиц по месту жительства образуются не только с помощью суффикса *-ц(ы)* (в ед. числе *-ец*: *ленинградец*), а и с помощью других суффиксов: *Москва* — *москвичи*, *Киев* — *киевляне*, *Тула* — *туляки* и т. п.; или: суффикс *-ат(ый)* образует слова не только со значением 'имеющий что-либо' (*усатый*), но и со значением 'имеющий что-либо большого размера': *носатый* ('имеющий большой нос'), а это значение передается еще суффиксом *-аст(ый)*: *глазастый*, и т. п. По-разному образованы близкие по значению слова *сливки* и *сметана*: *сливки* — букв. 'то, что слито'; *сметана* 'то, что сметано, сброшено, снято'. Но при всем этом возможности для словообразовательной догадки о значении слов и других их свойствах остаются весьма широкими. Поэтому ориентация на догадку, обучение ей на основе словообразования является эффективным приемом преподавания языка, особенно иностранных языков и русского языка как иностранного: производные и сложные слова воспринимаются легче, усваиваются быстрее и прочнее удерживаются в памяти.

Словообразовательная догадка может быть двойкой — активной и пассивной. Пассивная догадка — это узнавание слова в речи или в тексте на основе его структуры; активная — умение воспроизводить, как бы строить заново нужное по смыслу слово. Активную словообразовательную догадку И. Г. Милославский назвал словообразовательным синтезом. Сущность словообразовательного синтеза (а попутно и анализа) автор определил так: «...задача ... состоит в том, чтобы, имея индекс морфем русского языка с их значениями и формальными преобразованиями, попытаться определить те правила, с помощью которых можно, во-первых, понимать членимые русские слова (это — анализ. — А. М.) и, во-вторых, образовывать новые слова от данных по заданному семантическому различию».¹²

Пассивную догадку по словообразовательной структуре слов можно показать на примере заимствованных слов. Слова *журнал*, *дежурный*, *тужурка*, *журфикс* без обращения к их словообразовательной характеристике кажутся совершенно не связанными между собой и запоминать их приходится порознь, но все они заимствованы из французского языка, где образованы на базе корня *жур* со значением 'день'. С учетом уже только этого их значение сразу отчетливо проясняется и связывается: *жур-*

¹² Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. С. 4.

нал — букв. 'дневник', *дежурить* — 'то же, что дневалить', *дежурный* — 'дневальный', *тужурка* — букв. 'одежда, платье на каждый день'; *журфикс* 'постоянный, фиксированный день для каких-либо встреч, приемов'.

Таким образом, словообразование — основной путь и способ пополнения языка новыми наименованиями, и при этом оно предопределяет звучание, значение, грамматические свойства образуемых слов, правила их функционирования в речи. Словообразование — эволюционный и функциональный аспект языка, и его изучению должно быть уделено самое пристальное внимание.

К этому призывали еще старые наши грамматики: «Учащемуся... следует заниматься отысканием первообразных слов и производением новых как для лучшего уразумения значения слов, так и для правильного написания».¹³

§ 5. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ДРУГИЕ СТОРОНЫ (АСПЕКТЫ) ЯЗЫКА

Как сказано в предыдущем параграфе, словообразование предопределяет собой многие аспекты образуемых слов: их звучание, включая ударение, значение, грамматические свойства — и в целом влияет на развитие и функционирование языка. Это активное проявление взаимодействия словообразования с другими сторонами языка. Но есть и пассивное взаимодействие: словообразование не только в какой-то степени предопределяет другие стороны языка, но и само предопределяется ими, зависит от них. Можно сказать, что словообразование полностью и самым непосредственным образом зависит от существующей системы языка и обусловлено ею. Конкретно это проявляется по меньшей мере двояко: новые слова образуются на базе уже имеющих в языке и с помощью уже имеющих в языке словообразовательных средств. А это значит, что словообразование связано с лексикой и словозменением (морфологией). Слова проявляют себя в словообразовании и значением, и грамматическими свойствами, например, как слова определенной части речи, т. е. словообразовательный потенциал слов зависит от их семантического статуса (многозначные слова, например, деривационно более активны) и от их принадлежности к определенной части речи (глаголы и прилагательные, например, словообразовательно более активны, чем наречия и существительные, а служебные части речи и междометия характеризуются вообще очень слабой производящей продуктивностью).

¹³ Калайдович И. Ф. Грамматика русского языка. Ч. 1. Познание слова. М., 1834. С. 95.

Словообразование зависит также от семантико-синтаксической валентности слов: замечено, что производящие слова через словообразование как бы самовыражают, лексикализуют свои валентности и актанты. Так, глагол *писать* обладает субъектной, объектной и инструментальной валентностью (кто пишет, что и чем пишет), и производные от него существительные лексикализуют соответствующие актанты: *писец* (*писарь*, *писатель* и т. п.) — субъект действия; *письмо* (*писанина* и др.) — объект (результат) действия; *писало* (Словарь В. И. Даля) — инструмент действия, и т. п. По словообразованию не сводится к лексикализации актантов валентных слов. Это видно и по приведенному примеру: субъект действия *писать* получает несколько разных выражений (*писарь*, *писец*, *писатель* и т. п.), а адресат этого действия — ни одного (ср. заимствованное слово *адресат*). От глагола *светить* также образуется несколько существительных с разным значением субъекта действия: *светильник*, *светило*, *светоч*, *свеча*, *светец* и т. п.

Со словоизменением (формообразованием) словообразование связано, как было сказано, формальными средствами. Средствами словообразования служат значимые части слова — морфемы, но морфемы, говоря в общем плане, служат и средствами словоизменения (формообразования). Словообразование и словоизменение сближаются и некоторыми другими своими сторонами. Кроме того, словообразовательные процессы и словоизменительное варьирование слов через морфемы запечатлеваются в структуре, морфологическом (морфемном) составе слов и далее прямо или опосредованно отражаются в членимости слов на значимые, морфологические части. А в морфологической членимости проявляется членимость семантическая.

Таким образом, по средствам словообразование сближается со словоизменением, а следовательно, с морфологией в целом; с морфологией же словообразование сближается частично и по результату — распределение образуемых слов по частям речи и словообразовательная предопределенность грамматических свойств слов. Другая сторона результатов словообразования (новые слова как лексемы) и база словообразования (существующие в языке слова) указывают на связь словообразования с лексикой, словарным составом языка: словообразование — эволюционный аспект словарного состава.

Словообразование, таким образом, занимает промежуточное положение между морфологией и лексикой (лексикологией). Р. И. Аванесов выразил это в следующей формулировке: «Словообразование стягивает в один структурный узел многие элементы морфологии и лексики».¹⁴ По это промежуточное положение

¹⁴ Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 20.

ние обеспечивает словообразованию и определенную самостоятельность. Словообразование поэтому признается отдельным, самостоятельным разделом грамматики (см. Грамматики-70 и -80) или наряду с грамматикой, лексикологией, фонетикой — отдельным, самостоятельным разделом языка и языкознания в целом. «Наука о словообразовании, выделившись из морфологии и лексикологии, стала самостоятельной лингвистической дисциплиной».¹⁵ В. М. Марков, однако, относит словообразование только к лексикологии.¹⁶

При выявлении соотношения словообразования с другими сторонами языка должно быть отмечено, наконец, и следующее. Словообразование, как и все в языке, с течением времени изменяется. Изменяются не только средства и способы образования новых слов, но и словообразовательный характер (или словообразовательный статус) уже образованных слов: они начинают восприниматься образованными не так, как были в действительности некогда образованы. Например, слова *конюшня*, *овчарня*, *псарня* и т. п. некогда были образованы, видимо, от наименований лиц *конюх*, *овчар*, *псарь*, но слова *конюшня*, *овчарня*, *псарня* обозначают помещения для животных, а не для лиц, ухаживающих за этими животными, поэтому они начинают осознаваться как образованные от названий животных, а не от наименований лиц; при этом различны и суффиксы: *конюх* — *конюш-н* (я), *конь* — *кон-юшн* (я).

Образование слов может полностью забываться, и некогда производные или сложные слова становятся непроизводными, корнесвыми (это называется опрошением): *окунь* (от *око*, букв. 'глазастая рыба'), *кожа* ('шкура козы', ср. *овчина* 'шкура овны'), *вершок*, *вельможа*, *пойма*, *червовый* и т. п. В связи с этим в словообразовании различаются синхрония (состояние, характерное для определенного периода) и диахрония (исторические языковые процессы и состояния, характерные для предшествующих периодов, а пережиточно как-то проявляющиеся и в современном состоянии). В этой же связи словообразование оказывается в определенных отношениях с этимологией, вскрывающей и изучающей забытое словообразование.

В данной книге будет охарактеризовано только синхронное словообразование, т. е. собственно словообразование, без этимологии. Но в общей характеристике словообразования следует рассмотреть его соотношение с ближайшими смежными явлениями — словоизменением, морфологической (морфемной) членимостью и морфемным составом слов, а также и с этимологией,

¹⁵ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 133.

¹⁶ Марков В. М. О семантическом способе словообразования...

тем более, что между прошлым и современным, забытым и актуальным всегда есть переходные состояния, например соотношение *верх* — *вершок* уже не чувствуется, не осознается и относится к этимологии, а соотношение *мех* — *мешок* в какой-то мере еще живо; соотношение *крюк* — *крючок* — вполне актуально. Но все явления, смежные со словообразованием, далее будут рассмотрены, однако, не сами по себе, а лишь в связи со словообразованием. Поэтому прежде всего введем и кратко характеризуем основные явления и понятия самого словообразования.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ПОНЯТИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Основными могут быть признаны следующие понятия словообразования (и словообразовательного анализа): 1) производное слово, 2) непроизводное слово, 3) производящее слово, 4) словообразовательная пара (слов), 5) степень производности, 6) словообразовательное гнездо, 7) словообразовательное средство (формант), 8) способ словообразования, 9) словообразовательное значение, 10) словообразовательный тип (и словообразовательная модель). Должно быть рассмотрено также словообразовательное толкование (семантизация) производных слов, в связи с чем используется еще одно понятие — 11) словообразовательная перифраза, или «объясняющая фраза».

§ 1. ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО

Основным, исходным понятием словообразования (и основной единицей словообразовательного анализа) является понятие производного слова. Производное слово — это слово, образованное, произведенное от какого-либо другого слова или словосочетания: *лед* — *ледник*, *ледяной*, *обледеветь*; *колоть лед* — *ледокол*; *голый лед* — *гололед*, *гололедица* и т. п.

Самой характерной особенностью производных слов (основным следствием их производности от других слов) является их семантическая мотивированность: значение производных слов мотивировано (обусловлено) значением производящих и, как правило, отражено в их собственной структуре: *лед-ян-ой* 'состоящий из льда или покрытый льдом'; *об-лед-ене-ть* 'покрыться льдом' и т. п. Поэтому значение производных слов не произвольно, а осмысленно, подготовлено самим языком. Понятно, например, почему судно определенного назначения названо словом «ледокол» и почему это слово имеет такое значение. Г. О. Винокур об этом писал так: «...значение слов с произ-

водной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы»¹ (точнее — слова с первичной основой).

Производные слова, как правило, характеризуются также усложненной и расчлененной структурой (это второе следствие производности): кроме корня в их составе имеется обычно какой-либо словообразовательный аффикс — суффикс (*город-ск-ой*), или приставка (*при-город*), или то и другое (*за-город-н-ый*); сложные слова (производные в широком смысле) имеют два (реже — три и более) корня и обычно соединительный аффикс: *лед-о-кол*, *земл-е-мер*, *гряз-е-вод-о-леч-ение*, и т. п.

Производное слово иногда и определяют по этой структурной особенности, т. е. как слово, включающее в состав какой-либо словообразовательный аффикс. Но это не собственно словообразовательное, а только структурное определение, соответственно структурный критерий, или признак, производного слова. Структурная и словообразовательная производность, однако, не всегда совпадают: слова, образованные от других слов (словообразовательно производные), по составу (структуре) могут быть безаффиксными (структурно непроизводными) при так называемом безаффиксном словообразовании: *звать* — *зов*, *вопить* — *воплъ*, *новый* — *новъ*, *сухой* — *сушь*, *золото* — *золотой*, *пять* — *пятый* и т. п. Здесь, правда, усматривается нулевой суффикс, точнее — нулевые суффиксы, так как функционально это разные «нули», дающие разные результаты — отвлеченные существительные от глаголов и прилагательных и т. п. Но функциональные нули вскрываются собственно словообразовательным, а не структурным анализом: во внешней, поверхностной структуре их нет. А если признавать и семантическое словообразование (*бык I* 'животное', *бык II* 'опоры моста' и т. п.), то различие словообразовательной и структурной производности слов будет вполне очевидно: *бык II* словообразовательно производное слово, а структурно непроизводное. В целом эти виды производности надо различать. В словообразовательном анализе слов предпочтение должно быть отдано, понятно, словообразовательному определению производного слова. Но и структурная его характеристика имеет смысл и значимость.

Производные слова характеризуют еще как слова с «двойной референцией» (третье следствие их производности, или следствие двух первых следствий) — с референцией (проще — отношением) к миру вещей (лексическое значение) и к миру слов (словообразовательное значение): слово *подосиновик*, например, обозначает определенный гриб (референция к миру вещей) и связано со словом *осина* (референция к миру слов). У непроизводных слов в этом отношении отмечается лишь одна

¹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 421.

референция — к миру вещей: *осина* — определенное дерево. Вообще говоря (или говоря в другом смысле), референцию (отношение) к миру слов имеют все слова, производные и непроизводные, — это так называемые парадигматические связи слов — синонимия, антонимия, тематические объединения слов и т. п. А отличие от этого отношение производных к миру слов отражено в мотивации их значений и обычно в их структуре и направлено на вполне конкретные слова: на слова того же корня (у всех слов одного словообразовательного гнезда) и на слова того же форманта (у всех слов одного словообразовательного типа или одного аффиксального гнезда).

Приведенные характеристики производных слов (особенно две первые — мотивированность и структурная осложненность) могут быть основой и для их «узнавания»: это слова, выводимые из других слов, опосредованные ими по значению и структуре. При этом всегда надо иметь в виду именно двустороннюю зависимость и выводимость производных слов, двустороннее соотношение их с другими словами — по значению и форме; нельзя основываться только на значении или только на форме. При учете только формы могут возникнуть просто анекдотические результаты: если, де, слова *коза* — *козел* связаны отношениями производности, то так же связаны и слова *оса* — *осел* или *лес* — *лесина* и *оса* — *осина* и т. п. Может быть, поэтому прямо этот путь никто не предлагал, но широко распространенное разграничение как несовпадающих семантической и формальной производности (*межворсинчатый* по значению — от *ворсинка*, а по форме — от *ворсинчатый*) есть шаг по этому пути. Ориентация только на значение предлагалась более смело (как супплетивное словообразование): *лечить* — *врач* и т. п. Это совершенно неприемлемо, так как создает явный разрыв формы и содержания.

По разным основаниям производному слову противостоят непроизводное слово и производящее слово.

§ 2. НЕПРОИЗВОДНОЕ (КОРНЕВОЕ) СЛОВО

Общее определение непроизводного слова должно быть противоположным определению производного слова, но в то же время изоморфно ему: оно тоже может быть двояким — собственно словообразовательным и структурным.

Непроизводное слово в словообразовательном отношении — это слово, не образованное от какого-либо другого слова, первичное (оно непроизводно, видимо, и в структурном отношении): *вод(а)*, *дом*, *лед*, *лес*, *гор(а)* и т. п. Непроизводное слово в структурном отношении — это слово, не членимое на корень и словообразовательные аффиксы (словоизменятельные аффиксы (в скобках) при этом во внимание не принимаются): *дом*, *вод(а)*, *лес* и т. п. (непроизводные и в словообразователь-

ном отношении), *зов, новь, сушь, золотой* и т. п. (словообразовательно производные). И здесь предпочтение должно быть отдано словообразовательному пониманию непроизводного слова.

Соотношение между собственно словообразовательной и структурной производностью/непроизводностью производных и непроизводных слов, по-видимому, различно: производные слова, как было показано в § 1, могут быть членимыми: *лес-н(ой)*, и нечленимыми: *звать* — *зов* и т. п.; непроизводные слова всегда нечленимы и в структурном отношении: *лес, вод(а)* и т. п. Но многими высказывается мнение, что и непроизводные слова могут быть членимыми: в частности, явно членимое слово *догадаться* (*до-гад-а-ть-ся* — пять морфем!) считается почему-то непроизводным (в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова оно дано как вершина самостоятельного гнезда). Это очень спорно. Можно утверждать, что словообразовательная членимость слов есть показатель их производности.

Если же принять возможность членимости и непроизводных слов, то соотношение собственно словообразовательной (а) и структурной (б) производности (+) и непроизводности (—) будет иметь четыре разновидности:

	(а)	(б)	Слова примеры	Показ их производности/непроизводности	
1)	+	+	лесной:	а) лес → лесной,	б) лес-н(ой)
2)	+	—	зов:	а) звать → зов,	б) зов
3)	—	+	догадаться:	а) догадаться (?)	б) до-гад-а-ть-ся
4)	—	—	лес	а) лес	б) лес

§ 3. ПРОИЗВОДЯЩЕЕ СЛОВО

Производящее слово — это слово, от которого образовано какое-либо другое или несколько слов (по отношению к этим последним): *лед* — *ледник, ледяной, обледенеть* и т. д. Это, таким образом, не абсолютное, а исключительно относительное понятие: производящее слово является таковым не вообще, а только по отношению к своим производным; по каким-либо внешним приметам нельзя определить, является ли какое-либо конкретное слово производящим или нет. По своим словообразовательным характеристикам производящее слово может быть непроизводным (*рыба* — *рыбак*) и производным (*рыбак* — *рыбачий; рыбацкий*).

Понятие и термин «производящее слово» в широкое научное обращение ввел В. А. Богородицкий.² Позднее (Г. О. Винокур³

² Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Казань, 1904.

³ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

и другие) стали говорить о производящей основе, понимаемой, однако, по-разному: как основа производящего слова или как часть основы производного слова, унаследованная от производящего, что иногда не совпадает, так как основа производящего слова может перейти в производное слово полностью или частично, ср., например, *писа(ть)* — *писа-тель*, *писа-ние*, но *пись-м(о)*, *пис-чий* и т. п. (происходит «усечение» производящей основы). Возникает своеобразная паронимия терминов: производящая основа и основа производящего слова; их надо различать, но они часто смешиваются: «...мотивирующая основа часто нетождественна основе мотивирующего слова... Между тем неразличение двух указанных основ все еще преобладает в трудах по словообразованию».⁴ Термин *производящее слово* в подобную паронимию не входит, поэтому он более предпочтителен.

Производящие слова — это исходная точка, база образования производных слов (в узком смысле — без сложных). Базой образования сложных слов является сочетание слов, два или более слова. Для единообразия терминологии можно говорить о производящих словах и сложного слова. Но и в этом случае часто говорят о производящей базе или основе (конечно, не в смысле «часть слова»).

В Грамматиках-70 и -80, в работах В. В. Лопатина, И. С. Улукханова⁵ и некоторых других авторов вместо терминов *производное/непроизводное/производящее слово* используются термины *мотивированное/немотивированное/мотивирующее слово*. Это связано с тем, что в синхронии языка усматривается лишь структурно-семантическое соотношение слов, а не их образование, не словообразование в подлинном смысле, которое признается исключительно диахроническим явлением. Если так, то и словообразование в целом следовало бы изъять из состава синхронной грамматики, иначе получается словообразование без образования слов. В данной книге характеризуется синхронное словообразование, а не только мотивация слов.

Различие между производящим словом и образованным от него (на его базе) производным в принципе ясно, но практически разграничение их нередко встречается с большими трудностями: трудно бывает определить «направление» производности, определить, что от чего образовано, например *звать* → *зов* или *зов* → *звать*, *борона* → *боронить* или *боронить* → *боро-на* и т. п. В таких случаях учитываются формальная и семантическая сложность слов, их «возраст» (производящим словом признается более старое), стилистическая окрасченность (про-

⁴ Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 107.

⁵ Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфема: Проблемы и принципы описания. М., 1977. С. 8 и др.; Улукханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977. С. 19 и др.

изводящее слово — нейтральное) и другие факторы.⁶ Формальная и семантическая сложность может не совпадать: глагол *катиться* по форме сложнее, чем глагол *катить*, а по значению, видимо, наоборот: *катить* — 'заставлять катиться' (значение глагола *катить* включает в себя значение глагола *катиться*).

§ 4. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРА

Словообразовательная пара — это производящее слово и его производное, или наоборот (и это вернее) — производное слово и его производящее вместе взятые: *лес* — *лесной*, *лес* — *лесник*, *лес* — *лесок* и т. п. Основные «события» словообразования происходят в пределах словообразовательных пар; почти все ранее перечисленные явления словообразования можно обнаружить в этих пределах: производное слово, производящее слово, средство и способ словообразования, словообразовательное значение; а словообразовательные гнезда и типы сводимы к словообразовательной паре, т. е. могут быть равны ей. Можно сказать, что словообразовательная пара — это словообразование в миниатюре. Поэтому основной единицей словообразовательного анализа нередко признается именно словообразовательная пара. Словообразовательный процесс в конкретных случаях может и закончиться на образовании словообразовательной пары: *гавань* — *гаванский* и т. п., и пары становятся гнездами. Если процесс на этом не остановится и будут образованы новые производные слова на базе того же производящего или на базе первого производного, то словообразовательные пары объединяются в словообразовательные цепи (цепочки) слов (последовательное словообразование) или в словообразовательные веера (пучки) слов (параллельное словообразование): *арфа* — *арфист* — *арфистка*; *баян* — *баянист*, *баянный* и т. п. Веера и цепочки слов могут объединяться в более сложные комплексы: *рыба* — *рыбка*, *рыбный*, *рыбак* — *рыбачий*, *рыбацкий*; *рыболов* и т. п. В этом проявляются степени производности, от этого зависят типы словообразовательных гнезд.

Каждое простое производное слово имеет свое производящее, и только одно, образуя с ним словообразовательную пару. Словообразовательных пар поэтому столько, сколько производных слов. (Сложные слова в соответствии со своими корневыми частями входят в разные словообразовательные пары (и гнезда), поэтому словообразовательных пар у сложных слов больше их собственного количества в два-три раза — в зависимости от количества корневых частей в их составе. Здесь следовало бы говорить о тройках и четверках слов).

Количество словообразовательных пар с количеством произ-

⁶ Эти и другие факторы обстоятельно рассмотрены в кн.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 88 и след. — Там же литература вопроса.

стоящих несопоставимо, так как одно производящее может иметь при себе несколько производных и, следовательно, входить в несколько словообразовательных пар: *река* — *речка*, *речной*, *речник*, *заречный* и т. п. Вот почему словообразовательные пары следует определять по производным, а не по производящим: производное слово определимо само по себе, и оно «имеет» свое производящее; производящее, будучи только относителем явления, само по себе неопределимо и поэтому само по себе не предполагает производных. Производящее слово, таким образом, пассивный член пары: от него образуется новое слово, но не оно образует это новое слово.

§ 5. СТЕПЕНИ ПРОИЗВОДНОСТИ

Если производящими могут быть не только непр производные (корневые), но и производные слова, то можно различать степени производности и соответственно производные разных степеней производности. Производные, образованные непосредственно от непр производных производящих, имеют первую степень производности (производные первой степени производности): *сухой* — *сушить*; производные, образованные от производных первой степени производности, имеют вторую степень производности (производные второй степени производности): *сушить* — *осушить* и т. д. Например, *осушить* — *осушение*, *осушка*, *осушитель* и т. п. — производные третьей степени производности.

Степень производности — это, таким образом, степень словообразовательной удаленности производных слов от однокоренного с ними непр производного, измеряемая количеством последовательных словообразовательных актов (шагов).

Непр производное слово по отношению к производным второй и последующих степеней (конечно, при общности корня) можно назвать исходным словом. Исходное слово можно называть также исходно производящим, но при этом собственно производящее надо будет называть с дополнительным уточнителем (собственно производящее или непосредственно производящее). В подходящих случаях эти уточнители можно использовать, но, чтобы не загромождать без нужды терминологию, целесообразнее обходиться без них, тем более, что непосредственно производящие и исходно производящие находятся в многообразных связях между собой.

Корневые, непр производные производящие служат основами (вершинами) словообразовательных гнезд слов.

§ 6. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО

Термин *словообразовательное гнездо* (с соответствующим определением) введен в широкое научное употребление Грамматикой 80 (в Грамматике-70 его не было). В «Словаре лингви-

етических терминов» О. С. Ахмаповой (М., 1966) он отмечен, но, по существу, только как иллюстративный пример к реальному использованию термина *гнездо* (в перечне разновидностей гнезд): гнездо лексическое, гнездо синонимическое, гнездо словообразовательное, гнездо этимологическое, гнездо словарное; в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (М., 1976) только «гнездо слов».

Словообразовательное гнездо (или гнездо слов) обычно определяется как совокупность родственных слов, слов одного корня: *сухой, сушь, сухость, сушняк, сушить, сохнуть, засыхать, сушка, осушить, осушение, засуха* и все другие слова с корнем *-сух-* во всех его морфонологических вариантах — *сох, сух, суш, сых*. В этом определении словообразовательная природа гнезда почти не отражена, необходима поэтому дополнительная характеристика. Словообразовательное гнездо — это определенный результат словообразовательных процессов. В гнездо непременно входит одно непронизводное, корневое слово, ставшее производным. Оно является поэтому основой, говорят еще — вершиной, исходным словом гнезда. Все остальные слова гнезда — производные, образованные или непосредственно от непронизводного, исходного слова или от производных первой степени и последующих степеней производности. Сложные слова войдут в два гнезда или более — по количеству корней и в соответствии с ними. Чтобы подчеркнуть словообразовательную природу гнезда, его исходное слово целесообразно называть исходно производящим словом гнезда. С учетом сказанного словообразовательное гнездо в целом можно определить так: словообразовательное гнездо (слов) — это совокупность слов одного корня, возникшая в результате словообразования на базе исходного производящего слова, его производных и производных всех последующих степеней производности; словообразовательное гнездо — суммарный результат словообразовательных процессов, ограниченных лишь общностью корня производящих слов.

В Грамматике-80 в определение словообразовательного гнезда внесен критерий упорядоченности: «...совокупность слов... упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» (с. 134). Для общего определения гнезда этот критерий представляется излишним, а его требования слишком жесткими, так как и без упорядочения совокупность однокорневых слов составляет гнездо, а его упорядочение составляет особую задачу; к тому же само упорядочение слов внутри гнезда может быть разным. И важнее другое: гнезда создаются отношениями производности и «мотивации»; упорядоченность гнезд — явление вторичное. Первый систематизированный опыт гнездового оформления словообразовательной системы современного русского языка представил А. Н. Тихонов в «Школьном словообразовательном словаре русского языка» (М., 1978), а затем более полно (в известных пределах исчер-

появляюще) — в «Словообразовательном словаре русского языка» (М., 1985; ок. 145 000 слов, больше, чем в каком-либо из современных словарей).

В каждом гнезде есть центральное слово (вершина гнезда) — корневое производящее слово. Гнезд, следовательно, столько, сколько корневых слов, проявивших словообразовательную активность, ставших производящими. Фактически в гнездовых словарях это может быть нарушено, так как не всегда можно вполне однозначно решить, является ли данное слово непроизводным (корневым) или производным. Так, в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова, как уже отмечалось, отдельно приведено гнездо с глаголом *догадаться* в вершине, но непроизводность, корневой характер, этого слова вызывает большие сомнения. См. также гнезда с вершинами *угощать*, *гостинец*, *гостиница*, *взыскать*, *изобраться*, *внимательный* и многие другие. Даже слово *столяр* признано корневым, непроизводным и поставлено во главе самостоятельного гнезда, отдельно от гнезда с вершиной *стол*. С этой стороны Словообразовательный словарь еще не изучен.

В составе словообразовательных гнезд стали выделять словообразовательные парадигмы (пучки или веера производных слов одной степени производности) и, что, по-видимому, ошибочно, словообразовательные синтагмы (цепочки слов разной, последовательной производности); сами гнезда трактуются как «большие» парадигмы. Все это далее (гл. 7) будет рассмотрено особо.

§ 7. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО (ФОРМАНТ)

Словообразование осуществляется с помощью определенных словообразовательных средств, главным образом морфем (морфемное словообразование), именно — аффиксов: приставок, суффиксов и др. Словообразовательные средства называют еще формантами. Но некоторые авторы, исходя из этимологии, внутренней формы термина *формант* (ср. *форма*), предлагают обозначать им средства образования не слов, а форм слов, а средства словообразования (деривации) предлагается называть деривантами (или дериваторами). Форманты и дериваторы объединяются в функтивы (от функция), которые следует отличать от морфем, в частности и аффиксов, как функциональные средства от чисто структурных значимых частей готовых слов.⁷

Получается следующая схема:

Структурные единицы:	Функциональные единицы:	
морфемы (аффиксы)	функтивы	—форманты (словоизменение)
		—дериваторы (словообразование)

⁷ Пастушенков Г. А. 1) Некоторые проблемы структуры слова. Калинин, 1977; 2) Структура слова. Калинин, 1978.

Это не лишено оснований, но представляется излишне усложненным и пока не находит широкого признания.

Относительно состава, или объема, форманта нет единства мнений. Обычно формант понимается как обобщенное, родовое название для всех словообразовательных аффиксов, подобно тому, как морфема есть родовое наименование для всех значимых, морфологических частей слова, включая корни и окончания. Но известно и расширительное понимание форманта: формант — это все, чем формально (в плане выражения) производное слово отличается от своего производящего (от производящей базы), т. е. не только словообразовательный аффикс, но и, например, ударение, чередование звуков, порядок компонентов (в сложном слове: *лед-о-кол*, а не **кол-о-лед*), система флексий производного слова. Вряд ли это целесообразно: формант становится очень громоздким, последовательно учесть все составные компоненты его в каждом конкретном случае практически будет очень трудно. Кроме того, ударение и чередование звуков проще описать как морфонологические явления, сопровождающие словообразование, а систему флексий производного слова целиком отнести к его словоизменению (при включении системы флексий производного слова в формант все словоизменение становится, по существу, частью словообразования). Собственно формант, таким образом, это всякий раз только словообразовательный аффикс (*аппарат-чик*) или комплекс аффиксов, как при префиксально-суффиксальном способе словообразования (*окно — под-окон-ник, стол — на-столь-н(ый)* и т. п.) и при префиксально-постфиксальном образовании глаголов: *думать — в-думать-ся, за-думать-ся* и т. п.

§ 8. СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Способ словообразования — это общий характер (путь, прием) образования слов. Способ словообразования дает самый общий ответ на вопрос, как образуются слова. Способы словообразования определяются по словообразовательным средствам, по формантам. Можно сказать поэтому, что способы словообразования — это своеобразная функция средств словообразования: образование слов с помощью приставок (префиксов) дает приставочный, префиксальный, способ (префиксация), образование слов с помощью суффиксов — суффиксальный способ (суффиксация) и т. п.

В зависимости от общего типа образуемых слов способы словообразования могут быть объединены в несколько групп: способы образования простых производных слов — аффиксация; способы образования сложных слов — сложения, и другие. По общему характеру самих способов, по их связи с другими сторонами языка способы словообразования иногда характеризуют как морфологические, фонетические, синтаксические, семантиче-

ские и т. п.; аффиксацию, например, относят к морфологическим способам.

Способы словообразования далее будут описаны в гл. 4.

§ 9. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Словообразование создает новые слова как единство формы (значения и морфологической структуры) и содержания (значения). Во вновь образуемом (образованном) слове, как во всяком слове языка, имеется лексическое (индивидуальное) и грамматическое (обобщенное, категориальное, сопутствующее лексическому) значение. Помимо этого, в производных и сложных словах есть еще и словообразовательное значение, создаваемое самим словообразованием, в процессе словообразования, и выражаемое в основном формантом. Словообразовательное значение — это семантическое соотношение между производным словом и его производящим, проявляющееся обычно в виде разницы между их лексическими значениями. Например, *стол* — *столик*: 'маленький стол' — 'стол' = 'маленький' (более развернуто: 'маленькое то, что обозначено производящим словом'); *станок* — *станочник*: 'тот, кто обслуживает станок (работает на нем и т. п.)' — 'станок' = 'тот, кто обслуживает... (тот, кто обслуживает то, что обозначено производящим словом)' и т. п.

Словообразовательное значение в конечном счете входит в состав лексического значения слова, определенным образом формирует его, является его истоком. Вхождение словообразовательного значения в состав лексического значения слова как его способной части соответствует тому, что оно выражается словообразовательным формантом, входящим в состав основы производного слова, которая и служит главным выразителем его лексического значения.

Включение словообразовательного значения в состав лексического значения и возникновение его в процессе словообразования хорошо выражено в следующей формулировке: «Словообразовательная сема (сема — значение. — А. М.) — это особый тип лексических сем, которые привносятся в значение слова в процессе его образования».⁸ Но так вопрос решается не всеми: «...мотивирующая СД (семантическая доля. — А. М.)... несомненный элемент плана содержания слова, но этот элемент обычно не входит в объем лексического понятия», однако «мотивирующая СД, конечно, все же тесно связана с лексическим понятием».⁹

Общее соотношение между лексическим и словообразовательным значениями можно определить примерно так: лексиче-

⁸ Гайденко Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Уфа, 1981. С. 73.

⁹ Верещагин Е. М. К психологической теории слова. М., 1979. С. 20.

ское значение слова — это отражение (точнее — обозначение отражения) действительности, а словообразовательное значение — «способ отражения действительности» (В. В. Виноградов).¹⁰ Сходным образом различал эти явления А. А. Потебня, говоря о значении и «представлении» (или «внутренней форме» слова) «... первоначально всякое слово состоит из трех элементов: единства членораздельного звука, т. е. внешнего знака значения, представления, т. е. внутреннего знака значения, и самого значения». Представление при этом определено как «способ, каким обозначено значение». ¹¹ Например, общая идея 'ученик' может быть выражена по-разному, словами с разной внутренней формой: *ученик, учащийся, слушатель* (курсов и т. п.), *студент* (на русской почве это слово без мотивации) и т. п.

Более конкретно соотношение между словообразовательным и собственно лексическим значением производного слова можно представить так: лексическое значение (по крайней мере — исходное лексическое значение) производного слова есть результат индивидуализации его словообразовательного значения. Например, слова типа *столик* имеют словообразовательное значение 'маленькое (то, что обозначено производящим словом)', а их лексическое значение — индивидуализация этого общего значения: *столик* — 'маленький стол', *домик* — 'маленький дом', *мостик* — 'маленький мост', *гвоздик* — 'маленький гвоздь' и т. д. Слова, имеющие словообразовательное значение 'обслуживающий (то, что обозначено производящим словом)', в лексическом значении индивидуализируют это: *станочник* 'тот, кто обслуживает станок', *крановщик* 'тот, кто обслуживает кран', *лебедчик* 'обслуживает лебедку' и т. д.; отадъективные существительные на *-ость* означают отвлеченный, субстантивированный признак предмета (словообразовательное значение), всякий раз свой, индивидуализированный признак (лексическое значение): *смелость* — признак смелого человека, *храбрость* — признак храброго, *правдивость*, *сонливость* и т. д. Лексическое значение может удалиться от своего словообразовательного истока (и вообще оторваться от него), например: *столяр* — не только тот, кто изготавливает или ремонтирует столы, но и тот, кто изготавливает (ремонтирует) оконные рамы, мебель и другие изделия из дерева (общее, связующее звено: более тонкая, по сравнению с плотницким делом, обработка дерева), однако исходное лексическое значение — лишь индивидуализированное словообразовательное значение.

Словообразовательное значение выявлялось и раньше

¹⁰ Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972. С. 38.

¹¹ Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 19, 20, 21. То же в кн.: Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 300, 302.

(у А. А. Потебни — представление и внутренняя форма слова),¹² но терминологическое оформление и закрепление его произошло сравнительно недавно. А. А. Реформатский в 1955 г. ввел его под термином *деривационное значение*, причем как двойственное по своей природе: оно объединялось с реляционным значением флексии в грамматическое значение и с вещественным значением корня — в лексическое значение основы.¹³ О словообразовательном значении как новом понятии впервые, видимо, писал несколько позже Б. Н. Головин: уже признано, что «слово несет в себе два смысловых слоя» — лексическое значение и грамматическое значение. «Но не является ли слово носителем также и третьего смыслового слоя — словообразовательного значения?» И далее: «Если лексическое значение принадлежит одному, данному слову, а грамматическое значение — целому классу слов, то словообразовательное значение слова нужно будет признать промежуточным между значением лексическим и грамматическим», оно принадлежит «всем словам одной и той же словообразовательной группы внутри грамматического класса».¹⁴

Теперь разрабатывается уже и типология словообразовательных значений: в Грамматиках-70 (с. 40) и -80 (с. 136) выделены общие и частные словообразовательные значения.

В последнее время (вслед за Е. Куриловичем) стали различать лексическую и синтаксическую деривацию (или производность)¹⁵ слов, а в лексической деривации — мутационное и модификационное словообразование.¹⁶ Этому соответствуют разные типы словообразовательного значения, точнее — наоборот: различение лексической и синтаксической деривации, мутационного и модификационного словообразования основано на неоднородности словообразовательного значения, вытекает из этой неоднородности. Терминологического разграничения этих типов словообразовательного значения пока нет. Их можно назвать, используя те же определители, соответственно как мутационное,

¹² Там же.

¹³ Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955. С. 196—198. Это повторено и во «Введении в языковедение». М., 1967. С. 250—251.

¹⁴ Головин Б. Н. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов // Славянское языкознание. М., 1959. С. 139.

¹⁵ В словарях лингвистических терминов та же последовательность терминов данного явления: деривационное значение (Словарь Ахмановой и Словари-справочник Розенталя и Теленковой), словообразовательное значение (Шмелев В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985).

¹⁶ Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57—70.

¹⁷ Темская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973. С. 191; Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 226, и др. — О явлениях «модификации» в словообразовании писал в свое время Г. О. Винокур (Заметки по русскому словообразованию. С. 125).

модификационное и синтаксическое словообразовательное значение.

Под синтаксической деривацией (синтаксическим словообразовательным значением) понимается такое словообразование (словообразовательное значение), при котором производное слово отличается от производящего главным образом (а некоторые считают даже — только) частью речи и, следовательно, синтаксическими свойствами, при том же лексическом значении (что, видимо, спорно): *читать* — *чтение*, *смелый* — *смелость*, *смелый* — *смело* и даже *лес* — *лесной* и т. п.

Определители *мутационный* и *модификационный* заимствованы из естественнонаучной терминологии, но их значение можно извлечь из толкования слов *мутация* и *модификация* в общих словарях: *мутация* 'всякое скачкообразное изменение явления' (в биологии — 'резкое изменение признаков, свойств, создание новых форм животного или растительного организма'); *модификация* 'видоизменение чего-либо, характеризующееся появлением у объекта новых признаков, свойств' (по 17-томному словарю). В обоих случаях — изменение признаков, свойств, различие лишь в том, что при мутации изменения резкие, скачкообразные, при модификации — нет этой резкости. Примерно так же эти определители надо понимать и в словообразовании. Мутационное словообразование (мутационное словообразовательное значение) — это резкое изменение значения, точнее (так как при словообразовании значение не изменяется, а создается), создание слова с явно новым значением, резко отличным от значения производящего слова: *конь* — *конюх*, *стол* — *столяр*, *белый* — *белок*, *белье*; *учить* — *учитель*, *училище* и т. п. Модификационное словообразование (модификационное словообразовательное значение) — это только видоизменение исходного значения, т. е. создание слова, значение которого воспринимается лишь как некоторое видоизменение значения производящего слова: *стол* — *столлик*, *столице*, *желтый* — *желтенький*, *желтоватый*; *петь* — *запеть* ('начать петь'), *пропеть* ('кончить петь'), *летать* — *полетать* (немного), *пролетать* (всю ночь) и т. п.

Учение о синтаксической деривации заслуживает внимания. Но если ее не отождествлять с так называемым транспозиционным словообразованием, при котором производное слово относится к другой части речи, нежели производящее (*читать* — *читатель*, *плотник* — *плотничать* и т. п.), то ее состав (явления к ней относящиеся) надо определять очень осторожно. Самым слабым местом этого учения является утверждение, что синтаксические дериваты имеют то же лексическое значение, что и производящие: слова разных частей речи не могут иметь одинаковое лексическое значение. Г. А. Золотова об этом пишет так: «Едва ли можно принять утверждение, что при синтаксической деривации сохраняется тождество лексического значения слов, принадлежащих к разным частям речи (например, *лес* и *ле*»

тов). Не могут быть лексически тождественны слова с разными историко-семантическими значениями: предмета (*лес*) и признака (*лесной*)...»¹⁷

Модификационное, мутационное и синтаксическое словообразовательные значения различаются характером возможных при них или применимых к ним словообразовательных перифраз (см. § 11).

§ 10. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП

Словообразовательный тип — это совокупность производных слов, объединяемых тождеством части речи, к которой они принадлежат, и части речи их производящих, единством словообразовательного средства (форманта) и словообразовательного значения.¹⁸ Например: *ленинградец, саратовец, краснодарец, казанец, иралец* и т. п. — все это существительные с суффиксом *-ец*, образованные от существительных же и обозначающие лиц по месту (городу и т. п.) их рождения и (или) жительства; другие словообразовательные типы с тем же значением, но с другими формантами: *москвич, костромич, пскович; киевлянин, волжанин* и т. п., — или с тем же формантом, но с другими значениями: *купец, юнец, хлебец, морозец* и т. п.

Словообразовательный тип в известном смысле (по связи с морфемами) «обратная величина» словообразовательному гнезду: гнездо — совокупность слов с общим корнем и разными аффиксами, словообразовательный тип — совокупность слов с общим аффиксом, но разными корнями. Такие совокупности слов признаются также словообразовательными парадигмами: гнезда — парадигмы по корню, типы — парадигмы по аффиксам.

Словообразовательный тип понимается еще как структурно-семантический образец, схема производства новых слов, но в этом значении более употребителен термин *словообразовательная модель* (модель словообразования), например: качеств. прил. + суф. *-ость* — отвлеч. сущ.: *смелость, храбрость, активность, подвижность, слабость* и т. п.¹⁹

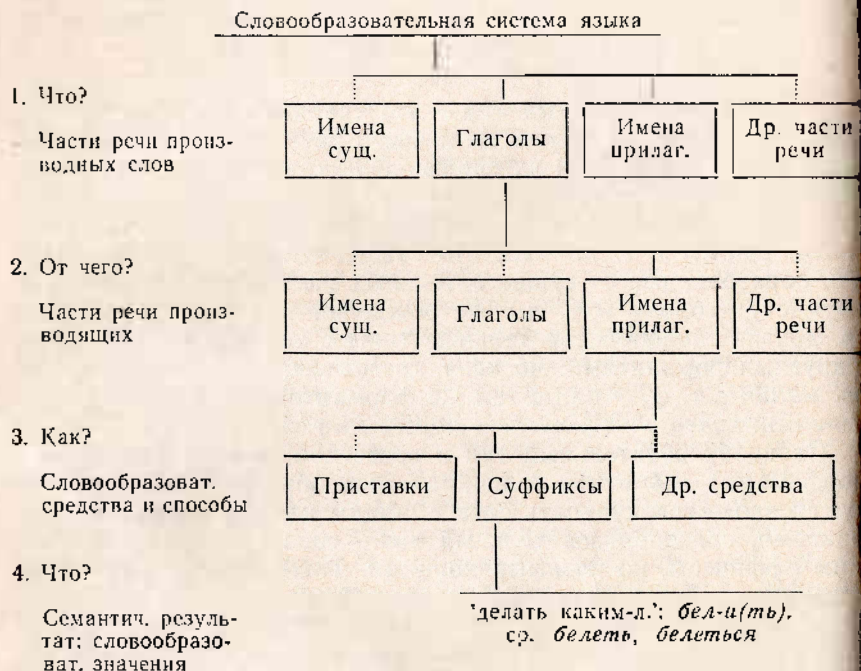
Количество словообразовательных типов весьма значительно: в приближенном выражении это произведение количества формантов и среднего количества словообразовательных значений при одном форманте, что пока даже приблизительно не исчислено, — известно даже количество словообразовательных значений, а по существу — и количество формантов.

Головнина Г. А. О конструктивной синтаксической единице // Изв. АН СССР. 1981. Сер. литературы и языка. № 6. С. 499.

¹⁷ В определениях словообразовательного типа указание на единство части речи производных часто пропускают (Грамматика-70, -80).

¹⁸ В Грамматике-70 (с. 39), Грамматике-80 (с. 8) тип — схема, образец; в Грамматике-52 (с. 44) тип — ряд слов. Как ряд слов словообразовательный тип определяется Б. Н. Головиным: Головина Б. Н. Введение в языкознание. М. 1977. С. 179.

Словообразовательный тип — конечный пункт (конечная фаза) словообразовательной характеристики производных слов. Поэтому здесь уместно дать общую схему упорядочения и анализа словообразовательного материала (в основном по Грамматике-80):

Пояснения к схеме. 1. Единство 1, 2, 3, 4, дает словообразовательный тип; например глаголы со значением 'делать каким-либо', образуемые от прилагательных с помощью суффикса -и(ть): *белить, чернить, синить ... полнить, знакомить*... 2. К приведенным примерам ведет путь по сплошным линиям. Пунктирные линии показывают возможные пути (они показаны не полностью).

§ 11. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПЕРИФРАЗА

При выявлении производности, словообразовательных значений и других словообразовательных характеристик производных слов используются так называемые словообразовательные перифразы.

Словообразовательная перифраза — это своего рода формула словообразовательного (деривационного) толкования, словообразовательной семантизации производных слов, например *сто*

станочник — тот, кто работает на станке.²⁰ Такое перифрастическое толкование может быть разной степени обобщенности или, напротив, конкретизованности: *подосиновик* — то, что находится под осиной (это почти только словообразовательное значение), *гриб, обычно растущий под осинами* (это уже лексическое значение).

Словообразовательные перифразы обычно состоят, как можно судить и по приведенным примерам, из двух частей: из обобщенного, обычно местоименного (см. в примерах: *тот, кто; то, что*) или вполне конкретного представления значения толкуемого слова, например *гриб* (родовое понятие), и из соответствующего характеризующего, отличительного признака (видовое определение): *станочник* — *тот* (родовое представление), *кто работает на станке* (видовое определение). В той или другой, в родовой или видовой части перифразы используется (должно быть использовано!) семантически подходящее слово одного уровня с толкуемым производным: в приведенных примерах это *станок* и *осина*, употребленные в видовых частях примененных перифраз. В перифразе к слову *стол* — *маленький стол* слово *маленький* с толкуемым употреблено в родовой части. Такое слово, будучи центром перифразы (объясняющей фразы, подстановки), и является производящим по отношению к толкуемому производному слову.

В перифразах к производным словам с переносным значением может быть употреблен компонент *как бы*: прилагательное *блестящий* в прямом значении толкуется перифразой *лишенный, не имеющий костей*, в переносном значении — 'мягкий, мягкотелый' имеет перифразу *как бы лишенный костей*. Возможно, следовательно, не только образное, метафорическое употребление слов, но и метафорическое словообразование, метафорическая мотивация производных слов.

Отмечается также «периферийная», точнее было бы сказать, частичная, мотивация: *белье* 'нижняя одежда, которая нередко бывает белого цвета'; *кашевар* 'тот, кто готовит (варит) пищу, включая кашу'; *полковник* 'тот, кто обычно командует полком';²¹ *столяр* 'специалист по изготовлению изделий (в том числе столов) из дерева', и т. п. Но это, видимо, вполне типичный, обычный вид мотивации фразеологизированных производных слов.

Перифразы широко, хотя и не всегда достаточно последовательно, используются в словарях при толковании производных

²⁰ Перифразы называют еще «объясняющими фразами» (200 задач по логике и математике. М., 1972. С. 13): *писатель* — человек, который пишет; *читальня* — место, где читают; *стульчик* — маленький стул. З. М. Вокосил в этом значении применяет термин *подстановка* (Об одном подходе к описанию словообразовательной системы // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966. С. 58).

²¹ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 137.

и сложных слов: *рыбак*, *рыболов* 'человек, занимающийся ловлей рыбы', и т. п. Г. О. Винокур, указав на эти «обычные приемы толковых словарей», писал: «Именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое описание соответствующих предметов действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов».²²

Правильно составленная перифраза позволяет установить саму производность толкуемого слова, производящее слово и направление производности, и по формальному отношению производного и производящего выявляется формант, а следовательно, и способ образования; по семантическому их соотношению — словообразовательное значение, а в итоге — и словообразовательный тип. Словообразовательные перифразы, таким образом, составляют существенный компонент словообразовательного анализа в целом.

Общий характер словообразовательных перифраз, в частности место, занимаемое в них производящим словом, находится в определенном соответствии с типом словообразования и словообразовательного значения производного слова — мутационным, модификационным и синтаксическим (это соответствие можно использовать и при различении указанных типов словообразования и словообразовательного значения).

В перифразе мутационного словообразования производящее слово находится в видовой ее части (выражает видовой признак): *станочник* — тот (род), кто обслуживает станок (видовой признак); напротив, в перифразе модификационного словообразования производящее слово находится в родовой ее части (выражает родовой признак): *столик* — маленький (видовой признак) *стол* (род). В соответствии с этим в самих производных словах при мутации родовой признак выражается формантом, а видовой признак — основой: *станочник* 'тот (род: -ник) кто обслуживает станок (вид: *станоч-*)'; при модификации, наоборот, родовой признак выражается основой, а видовой — формантом: *столик* 'маленький (вид: -ик) *стол* (род: *стол-*)'. Дополнительные примеры: 1) мутация: *учитель* 'тот (-тель), кто учит (*учи-*)'; *старик* 'старый (*стар-*) человек (-ик); *каменистый* 'изобилующий (-ист-ый) камнями (*камен-*)'; *каменный* 'сделанный (-н-ый) из камня (*камен-*)'; *клеить* 'скреплять (-и-ть) клеем (*кле/й/-*)' и т. п.; 2) модификация: *сероватый* 'слегка (-оватый) серый (*сер-*)'; *запеть* 'начать (за-) петь (-петь)'; *поговорить* 'говорить непродолжительное время, немного (*по-*)' и т. п.

Словообразовательные перифразы, вскрывающие синтаксическую деривацию (синтаксическое словообразовательное значение), используются в толковых словарях последовательно в других и представлены в них в виде формул *действие по значению глагола...*, *свойство по значению прилагательного...*

²² Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. С. 421

ар. Например: *активность* 'свойство по знач. прил. *активный*'; *смелость* 'свойство по знач. прил. *смелый*'; *говорение* 'действие по глаг. *говорить*'; *чтение* 'действие по глаг. *читать*', и т. п. Так же толкуются и относительные прилагательные в их собственно относительном, неспециализированном значении: *лесной* 'относящийся к лесу', *речной* 'относящийся к реке' и т. п.

По месту и роли производящего слова перифразы синтаксической деривации подобны перифразам мутационной деривации (и отличаются от модификационных перифраз): производящее слово находится в них в видовой части, выражает видовой признак. *смелость* 'свойство (родовой признак) смелого' (видовой признак), *чтение* — 'действие (род) читающего, того, кто читает' (вид); то же в перифразах относительных прилагательных: *лесной* — 'относящийся (род) к лесу' (вид). Соответственно в производном слове родовой признак выражается формантом, видовой — основой: *смелость* 'свойство (род: *-ость*) смелого' (вид: *смел-*) и т. п.

Сходство синтаксической деривации с мутационной и расхождение ее с модификационной деривацией объясняются тем, что синтаксическая производность всегда «внешняя», транспозиционная, переводящая производное слово в другую по сравнению с производящим словом часть речи (*смелый* — *смелость* и т. п.), тогда как модификационное словообразование всегда «внутреннее», нетранспозиционное (производное слово здесь всегда остается в части речи производящего слова: *стол* — *столик*, *белый* — *беленький*, *беловатый* и т. п.).²³ Переход в другую часть речи, следовательно, подобен мутации (резкий скачок) и отличается от простой модификации. Это объективный показатель против утверждения, что при синтаксической деривации производное слово по значению не отличается от производящего. Но в осмыслении этих явлений есть определенные трудности.

Есть трудности и в формулировании самих перифраз, в частности для приставочных глаголов со значением способов действия. Ранее они приводились среди модификационных образований с соответствующей перифразой: *поговорить* 'говорить неопределенно, непродолжительное время', ср. *проговорить* 'говорить в течение определенного времени'. Это модификация: основа производного слова выражает родовое понятие (*говор-* — *говорить*), формант, приставка, — видовое уточнение *по-* 'немного', *про-* 'в течение определенного времени', например *проговорить всю ночь*. Но глагол *проговорить* можно определить и мутационной перифразой: *провести определенное время в разговоре, говоря*. В этом случае приставка будет выражать родовой признак (*про-* 'провести определенное время'), а основа — видовой признак (*говорить* 'говоря, в разговоре'). В толковых словарях использу-

²³ Мутационное словообразование в этом отношении не имеет ограничений и может быть как внешним (*учить* — *учитель*), так и внутренним (*стакан* — *стаканчик*).

ется то один вид перифразы, то другой, например в 4-томном словаре: *пролетать* 'провести какое-либо время в полете' (мутацционная перифраза); *проспать* 'спать в течение какого-либо времени' (модификационная перифраза). Вопрос нуждается в специальном исследовании. Пока можно отдать предпочтение модификационному истолкованию.²⁴

В перифразах не всегда отражается различие между простыми производными и сложными словами, так как аффикс может выражать в общем то же, что и составная часть сложного слова, — см. приведенный ранее пример: *рыболов* и *рыбак* 'тот, кто ловит рыбу'. Но есть и различие: в сложном слове выражено «все» (и *ловить*, и *рыба*), а в простом — что-то одно (*рыба*); другое (*ловить*) лишь «угадывается» (В. А. Богородицкий).²⁵

§ 12. ВЫВОДЫ

Таким образом, основными понятиями словообразования и основными объектами словообразовательного анализа и описания можно считать следующие:

1) производное слово — то, что образуется, непосредственный результат словообразовательного акта (и основной объект анализа);

2) непроизводное слово — то, что получает нулевую словообразовательную характеристику, фон, или экран, словообразовательной характеристики других слов и основной арсенал производящих;

3) производящее слово — то, от чего образуется производное слово;

4) словообразовательная пара — минимальная ячейка словообразовательной системы, словообразование в миниатюре;

5) степень производности — глубина словообразования;

6) словообразовательное гнездо слов — суммарный результат словообразования на базе исходного корневого производящего;

7) словообразовательное средство (формант, дериватор) — то, с помощью чего образуется производное слово;

8) способ словообразования — общий прием образования слов, функция словообразовательного средства;

²⁴ Так же это решается, например, в следующем рассуждении: «Говоря о параллелизме существительных оценки и глаголов способов действия, нужно показать идентичность их словообразовательного типа. Существительное оценки... сохраняет корень исходной модифицируемой лексики, а модификатор превращается в суффикс (*маленькая корзина* — *корзинка*). Глаголы способа действия также сохраняют корень исходной модифицируемой лексики, а модификатор преобразуется в префикс... (*челного болеть* — *по-баливать*)» (Мартынов В. В. Категория языка: Семнологический аспект. М., 1982. С. 137).

²⁵ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 95.

9) словообразовательное значение — семантическое соотношение производного и производящего, передаваемое формантом;

10) словообразовательный тип — совокупность слов с общими словообразовательными характеристиками, а также схема или формальный образец образования слов (словообразовательная модель);

11) словообразовательное толкование производных слов, словообразовательная перифраза, «подстановка» — прием или способ выявления производности и других словообразовательных характеристик слов.

Все рассмотренное можно конкретизировать на следующих примерах: *аннaратчик* — производное существительное, образованное от существительного же *аппарат* (непроизводное производное слово) суффиксальным способом с помощью суффикса *-чик*; словообразовательное значение — 'тот, кто обслуживает (*аппарат*, т. е. то, что обозначено производящим словом)'; входит в один тип со словами *лебедчик*, *вагонетчик* и др.; *белить* — производный глагол, образован от прилагательного *белый* с помощью суффикса *-и(ть)* (суффиксальный способ); значение — 'делать белым', т. е. таким, как обозначено производящим словом, тип — *белить*, *чернить*, *синить*, *желтить* (ср. тип глаголов со значением 'становиться...': *белеть*, *чернеть*, *розоветь* и т. п.); *испытатель* — суффиксальное существительное, мотивированное глаголом (*испытать*), образованное суффиксом *-тель*, общее словообразовательное значение — 'носитель процессуального придела', частное словообразовательное значение — 'лицо, производящее действие' (название по профессии или по временному записанию), ср. также *наиматель*, *преподаватель*, *слушатель*, *писатель*, *читатель*, *проситель* (Грамматика-80. Т. I. С. 142—143).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОРФЕМИКА

§ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Морфемика — это совокупность и система морфем языка, также наука о морфемах (науку о морфемах можно назвать морфемологией).

Со словообразованием морфемика связана тем, что включает в себя основные словообразовательные средства — аффиксы (форманты, дериваторы). Общее соотношение морфемики и словообразования в некотором отношении сходно (изоморфно) соотношением морфологии и синтаксиса: как морфология — это совокупность грамматических средств — грамматических форм (в пределах слов), синтаксис — те же средства в действии (служебную роль морфологии по отношению к синтаксису отмечал в свое время В. А. Богородицкий¹), так и морфемика — это совокупность средств словообразования (а также словоизменения или формообразования), а словообразование (и словоизменения, формообразование) — функционирование этих средств. Словообразование и словоизменение — это морфемика в действии, это внутренний, внутрисловный синтаксис морфем.

С морфемикой связаны многие, можно сказать, основные характеристики словообразования: по общим типам морфем определяются способы словообразования, с учетом значений морфем определяются словообразовательные значения и далее словообразовательные типы слов; кроме того, в морфемах запечатлевается, «застывает» словообразовательная история слов, образующая морфологический (морфемный) состав и морфемную членимость слов. Поэтому морфемике в связи со словообразованием должно быть уделено пристальное внимание.

Морфемы в русском языке многочисленны и разнообразны, поэтому должна быть рассмотрена их типология и классификация. Но сначала — общая характеристика морфем.

¹ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л. 1935.

§ 2. МОРФЕМЫ КАК ЗНАЧИМЫЕ ЧАСТИ СЛОВ

Термин и (понятие) *морфема* был введен И. А. Бодуэном де Куртене¹ как родовое обобщение уже известных более частных морфологических частей слова — корня, префиксов и т. п.: «Морфема — дальше не разложимый морфологический элемент языкового мышления. Этот термин является родовым, объединяющим для частных, видовых понятий, вроде корень, префикс, суффикс, окончание и т. п. Считать подобный термин лишним — это то же самое, что считать лишним объединяющий термин «дерево» и довольствоваться частными названиями „дуб“, „береза“, „ель“, „ива“ и т. д.»²

Морфема определяется как значимая (значащая) часть слова. В слове *перенесли*, например, выделяются следующие частные морфемы: *пере-нес-л-и*. Часть *-нес-* указывает на определенное действие (ср. *пере-вез-л-и*: вместо *-нес-* использована морфема *-вез-*, и новое слово указывает на другое действие), *пере-* указывает на то, что действие, обозначенное морфемой *-нес-*, имеет направление с одного места на другое (ср. *от-нес-л-и* — удаление), *-л-* указывает на прошедшее время (ср. *пере-нес-у* — нет значения прош. вр., выражено значение буд. вр.), *-и* указывает на множественность деятелей (ср. *пере-нес*, *пере-нес-л-а* — индивидуальный деятель, охарактеризованный как деятель, условно говоря, муж. или жен. рода).

Значением морфема отличается от слога, тоже части слова, но не значимой, а только звуковой, чисто произносительной, ср. то же слово в слоговой расчлененности: *пе-ре-нес-ли*. Морфема и слог обычно различаются и материально, как в рассматриваемом слове: первая морфема (приставка) имеет два слога, две отдельные морфемы (суффикс прош. вр. и окончание мн. ч.) объединены в один слог; только корень в этом слове оказался слоговым и односложным, но это совпадение слога и морфемы является случайным, ср.: *тр-у* — неслоговый корень *голов-а* — двуслоговой. Различие морфемы и слога распространяется и на слова: слово как совокупность слогов является фонетическим (произносительным) словом, объединяющим, скрепляющим началом которого служит ударение; слово как совокупность морфем является семантико-грамматическим словом, объединяющим началом которого служат значение и грамматические свойства. Фонетическое слово вычленяется при произносительном членении речи (текст — фразы — синтагмы — фонетические слова — слоги), семантико-грамматическое слово выделяется при семантико-грамматическом членении речи (текст — предложения — словосочетания — слова — морфемы).

¹ Бодуэн де Куртене И. А. Введение в языкознание (1917) // Итоги науч. трудов по общему языкознанию, В 2 т. Т. 2. М., 1963. С. 290—301.

На возможность (и необходимость) двоякого членения речи на морфему как предел одного из этих членений впервые указал И. А. Бодуэн де Куртенэ: «...мы должны принять двоякое деление речи человеческой»; «неделимое с фонетической точки зрения есть фонема, неделимое с морфологической точки зрения есть морфема».³

Значимость морфем, однако, проявляется различно, не всегда отчетливо, иногда очень смутно, например значение суффикса *-а-* в глаголах *чит-а-ть*, *пис-а-ть*, *страд-а-ть*, *кид-а-ть* и т. п. Корни в них отчетливо указывают на определенные действия, *-ть* на форму инфинитива с ее вполне определенным значением, а значение суффикса *-а-* остается неясным, недостаточно определенным. Весьма неопределенно значение соединительных гласных (интерфиксов) в сложных словах: *снег-о-над*, *лед-о-ход*, *земл-е-мер* и т. п. Подобные морфемы предлагалось считать асемантичными, т. е. незначимыми.⁴ К асемантичным морфемам, «пустым морфемам», стали относить также межморфемные «прокладки» (интерфиксы в широком смысле),⁵ унификсы⁶ и т. п. Предлагаются и новые термины — *асемантемы*, *структемы*.⁷

Допущением асемантических морфем разрушается общее определение морфемы как значимой части слова. Более приемлем по этому другой путь преодоления имеющихся здесь трудностей — широкое понимание значения морфемы: значение морфем не обязательно смысловое, но также структурное, в целом — структурно-семантическая функция в составе слова. Суффикс *а-* в глаголах, например, относит глаголы к определенному структурному и словоизменительному классу; функция соединительных гласных в сложных словах близка к соединительной функции союзов и т. п. В целом само значение морфем существенно отличается от значения, например, слов, и тем более от значения, смысла предложений: прежде всего морфемы обнаруживают свое значение только в составе слов, а сами по себе никакого значения не выражают (например, *у-*, *-ш-*, *-л-*, *-и* из словоформы *ушли*), и значение их лишено понятийности. Это — значение-функция. А. С. Герд значение морфем определяет как значимость, т. е. функциональность.⁸

³ Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков // Там же. Т. 1. С. 121.

⁴ Маслов Ю. С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема» // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1961. № 301. Вып. 60. Сер. филологические науки. С. 142.

⁵ Земская Е. А. Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М. 1964.

⁶ Земская Е. А. Унификсы (об одном виде морфем русского языка) // Вопросы филологии (Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, № 341).

⁷ Тихонов А. Н. Морфема как значимая часть слова // Филологические науки. 1971. № 6. С. 48.

⁸ Герд А. С. Семантика морфемы: значение или значимость? // Структурная и прикладная лингвистика. Л., 1983. Вып. 1.

При характеристике, а иногда и при определении морфем, отмечают также их предельность, минимальность (на своем уровне) и повторяемость, воспроизводимость с тем же значением в некотором множестве слов. Минимальность морфем, как и минимальность единиц других уровней языковой системы (фонем, лексем, предложений), — их принципиальное, категориальное свойство: все единицы — минимальные образования своего уровня. Основы слов поэтому не морфемы: они комбинации морфем — корней и словообразовательных аффиксов; непроецируемые основы, материально совпадающие с корнем (*дом*, *вод-а*, *инт-р*), — частный случай комплексности («нулевая» комплексность).

Повторяемость морфем в некотором ряде слов, напротив, не является универсальным и обязательным их свойством. Это свойство распространяется не на все морфемы, но, как именно морфемы распределяются по отношению к нему, неясно, — предложены диаметрально противоположные решения: 1) уникальными, известными лишь в единственном слове могут быть аффиксы, но не корни (Г. О. Винокур), 2) уникальными могут быть только корни, а не аффиксы (Е. А. Земская). Г. О. Винокур рассуждает так: «... для отыскания данной словообразовательной формы считается необходимым указать данную первичную основу хоть еще один раз в каком-нибудь другом слове данной языковой системы, то есть членение *кон-ина* обосновывается наличием слова *конь* и т. д. ... С другой стороны, есть основания сомневаться в применимости того же правила в отношении к суффиксам. Можно задать вопрос, в самом ли деле не может существовать суффикса, встречающегося только в одном слове, или это только кажется так? По-моему, это и в самом деле только так кажется», — и далее, после сопоставления продуктивных и непродуктивных, регулярных и нерегулярных образований: «В конце концов приходим к тому, что есть только одно несомненное слово в современном литературном языке, несущее суффикс лица *-тух*, именно *пастух*. Но от этого данный аффикс не перестает быть суффиксом, а соответствующая основа, что самое существенное, не перестает быть основой производной».⁹

В противоположность этому Е. А. Земская пишет: «Одно из принципиальных различий между аффиксальными и нерифмными морфемами — обязательная повторяемость первых в аналогично построенных и обладающих общим элементом знаменых словах и безразличие к этому свойству вторых. Иначе говоря, существуют корни, повторяющиеся во многих словах, и корни, встречающиеся лишь в одном слове, но нет и не может быть суффиксов и приставок, встречающихся лишь в одном

⁹ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 406, 427.

слове».¹⁰ Так считает и А. Н. Тихонов: «Повторяемость является необходимым условием реализации словообразовательного и грамматического значения. Для корневых морфем, обладающих лексическим значением, этот признак не относится к числу определяющих».¹¹ Поэтому слово *пастух* у него непронизуемое и немотивированное.¹² Однако со временем точка зрения автора резко изменилась: в статье при «Словообразовательном словаре» 1985 г. слово *пастух* признается уже и производным мотивированным (но почему-то с иным членением: не *пас-ту* а *паст-ух*).¹³

В этом вопросе более предпочтительна точка зрения Г. О. Винокура: уникальные аффиксы (унификсы) вполне возможны при этом унификсы, за вычетом их единичности употребления вполне обычные аффиксы, а следовательно, и морфемы. В сфере унификсов могут быть, конечно, и неясные случаи, но если в качестве типичного примера слов с унификсами взять часто и используемое в этой связи слово *пастух*, то можно с полным основанием сказать, что это, безусловно, производное слово, так как оно отчетливо мотивируется словом *пасты* (*пастух* 'тот, кто пасет скот, стадо животных и т. п.') и в сопоставлении со своим производящим отчетливо членится на морфологические части — корень и суффикс: *пас-тух*. Суффикс *-тух* вносит в слово значение действующего лица. По наблюдениям А. Н. Тихонова суффиксов уникального употребления в русских словах выделяется более двухсот: *дет-вор(а)*, *почт-альон*, *дубл-икат*, *жен-и*, *флот-или(я)*, *франц-уз*, *циг-ат(а)*, *стекл-ярус*, *черт-еж*, *мош-ар(а)*, *маск-арад*, *свет-оч*, *люб-овь*, *низ-меня(ый)*, *бел-ес(ый)* и др. Отмечаются и уникальные приставки: *му-сор*, *ра-дуга*, *зако-улок*, *ба-хвалиться*, *кур-носый* и др. Но особенно много уникальных корней: *авеню*, *абрек*, *айсберг*, *ампул(а)*, *амулет*, *беркут*, *базилик(а)*, *гвалт*, *дебит*, *дек(а)*, *зраз(ы)*, *каск(а)*, *кредо*, *мг(а)*, *мезг(а)*, и многие другие. Теперь, после выхода Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова, можно с уверенностью сказать, что слов с уникальными корнями тысячи: в Словаре приведен перечень «одиночных слов» в 5497 единиц (1 одиночных слов приведены в гнездовой части словаря, всего 5576 слов). Список потребует, вероятно, критического пересмотра, но тысячный его состав, по-видимому, сохранится.

Во избежание недоразумений, надо отметить, что в приведенном ранее высказывании Г. О. Винокура, где сопоставлялись возможная уникальность суффиксов и необходимые повторения корней, имелись в виду не вообще корни, а корни производные

¹⁰ Земская Е. А. Интерфиксация... С. 39.

¹¹ Тихонов А. Н. Морфема как значимая часть слова... С. 45.

¹² Там же. С. 50.

¹³ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М. 1985. С. 24 и 726.

и слов производных слов с уникальными корнями действительно не бывает.

§ 3. ТИПЫ МОРФЕМ

Как известно, среди морфем различаются корни, суффиксы, окончания и т. п. Разновидности морфем не стоят, однако, на одной линии, так как характеризуются разными признаками. В классификации (типологии) морфем различается несколько уровней, у каждого из них свой критерий выделения. На первом уровне, в основном функциональном, различаются корни и аффиксы (лат. *affixus* — прикрепленный). Корни получают положительную характеристику, аффиксы на этом уровне имеют лишь «отрицательную» характеристику и определяются как не-корни.

Корень определяется по-разному, нередко — односторонне, на основе какого-либо одного признака без учета других. Можно отметить несколько частных определений (характеристик) корня.

1) Корень — обязательная часть слова: «...слов без корня нет». Как единичное исключение приводят обычно слово *вынуть*: *вы-* — приставка, *-ну-* — суффикс, *-ть* — показатель инфинитива, корня нет. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера статья на это слово, введенная О. Н. Трубачевым, сформулирована так: «Вынуть — слово, „замечательное полным отсутствием корня” (Унбегаун...)».¹⁵ Но и в этом слове находят нечто подобное корню: «В *вынуть* функцию корня выполняет сочетание аффиксальных морфем».¹⁶ В истории русского языкознания известно выделение в этом слове и обычного корня: *вы-и-у-ть*, ср. *вы-и-я-ть*.¹⁷

2) Корень — основная часть слова, выражающая основное значение или основную часть (долю) значения слова: «Корневой морф (о морфе как представителе, варианте морфемы см. § 8, разд. 4 — Л. М.) — это морф, обязательно наличествующий в каждой словоформе и заключающий в себе основной элемент лексического значения слова» (Грамматика-80. Т. I, ч. 124). Иногда, чтобы подчеркнуть роль корня как основной части слова, говорят о его «вещественном» значении в отличие от «лексического» значения целого слова,¹⁸ но это противопоставление общего признания не получило.

3) Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 53.

4) Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого. В 4 т. Т. I. М., 1964. С. 369.

5) Основы построения описательной грамматики... С. 53. Стр. 6.

6) Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского слова. Третье рассуждение. О глаголе. СПб., 1842. С. 80.

7) В различении лексического и вещественного значения: Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 250, 251; Тимофеев К. А. Смысловая структура слова и его словообразовательное значение.

8) Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1975. Вып. V. С. 34.

3) Корень — морфема, могущая быть основой слова: «Корневой морф — это морф, обязательно наличествующий в каждой словоформе и могущий полностью материально совпадать с основой» (Грамматика-70. С. 31). Аффиксы определяются при этом «отрицательно»: «Аффиксальные морфы — это морфы, наличествующие не в каждой словоформе и полностью никогда не совпадающие с основой» (там же.) Но аффиксам можно дать и положительное определение: аффиксы — факультативные морфологические части слов.

Обязательность корня для слова отмечена во всех приведенных определениях, но специально она подчеркнута только в первом. Все эти определения верно характеризуют корень, но практически наиболее значимым можно признать последнее: корень — морфема, могущая самостоятельно быть основой слова: *вод-а, гор-а, сел-о*. В неизменяемых словах и в изменяемых словах с нулевыми окончаниями корень материально может совпадать и со словом (словоформой) в целом: *там, здесь, дом, лес гор, сел* и т.п.

Основа слова, материально совпадающая с корнем, называется корневой, производной (но нужна оговорка: производной в структурном отношении).

Критерий «корень — основа» не охватывает так называемые связанные корни, всегда осложненные словообразовательными аффиксами: *об-у-ть, раз-у-ть; от-н-я-ть, при-н-я-ть, за-н-я-ть; с-верг-ну-ть, от-верг-ну-ть, под-верг-ну-ть* и т. п. Применительно к ним ослаблен и критерий «основное значение»; остается один критерий: «корень — обязательная часть слова».

В некоторых пределах корень может быть определен практически, операционно: 1) если в слове только одна морфема — она корень, 2) неграмматическая и недеривационная морфема в многоморфемном слове — корень, 3) морфема с прямой семантической направленностью на действительность — корень, и т. п.

В порядке справки можно отметить, что Ф. Ф. Фортунатов считал, что о корнях слов в собственном смысле можно говорить лишь применительно к периоду существования общендоевропейского языка: «... под корнями слов понимаются в науке производные основы, существовавшие в древнейшие, доступные для исследования эпохи жизни данного языка или данной семьи языков, т. е. по отношению к индоевропейским языкам корнями слов называются те производные основы, какие языковедение открывает в общендоевропейском языке в последнюю эпоху его жизни, перед распадом его на отдельные языки».¹⁹ Допуская возможным «называть корнями слов те основы, которые являются производными в данном языке в данное

¹⁹ Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М. 1957. С. 444—445.

времени», автор заключает: «Нет, однако, необходимости давать такое употребление термину...»²⁰

Аффиксы делятся на разновидности (второй уровень дифференциации морфем) по формальному, позиционному признаку — по месту в слове относительно корня, хотя они различаются и функционально, по значению. Теоретически возможны следующие позиции: предшествование корню (препозиция, лат. *praepositio* — постановка впереди), следование за корнем (поспозитив, лат. *post* — после), окружение корня расчлененной или составной, двучастной морфемой (циркумпозиция, лат. — *circum* — круг), положение между корнями в сложном слове (интерпозиция, лат. *inter* — между), вставка аффикса внутрь корня (иннпозиция, лат. *in* — в, внутрь). В современном русском языке реализуются все позиции, кроме, видимо, последней, иннпозиции. В соответствии с этим различаются следующие разновидности аффиксов: префиксы, или приставки (*пере-лететь, пере-лет, от-бросить, от-бросы* и т. п.), постфиксы (они имеют собственные разновидности — третий уровень членения, см. далее), инпрефиксы, или конфиксы (лат. *con* — с, вместе) — составной или комплексный формант при префиксально-суффиксальном способе словообразования (*про-стен-ок, на-столь-н-ый*; при словоупотребительных глаголах: *в-думать-ся*), интерфиксы (*сен-о-ва, сит-о-над, сол-е-вар, стал-е-вар* и т. п.). Есть термин и для наименования аффикса в иннпозиции (внутри корня) — инфикс, но такой аффикс в современном русском языке реально не представлен. Историки языка видят его в словах (словоформах) *сестра* (ср. *сесть*), *лечь* (ср. *лечь*): корневой гласный *я* (исторически юс малый) возник в результате сложения корневого *с* (*сесть, лечь*) с носовым инфиксом *н*.

Членение конфиксации (В. М. Марков),²¹ или циркумфиксации (Ю. С. Маслов)²² — функционирование единой, но расчлененной морфемы — признается не всеми, поэтому и сами термины *конфикс*, *циркумфикс* не имеют широкого признания и употребления: «...выделение конфиксов как особых морфем в русском языке нецелесообразно. Наличие прерывистых морфем не характерно для структуры русского языка».²³ Конфиксальные (инпрефиксальные) образования традиционно определяются как префиксально-суффиксальные: *под-окон-ник*.

Дополнительного замечания требуют интерфиксы, так как в их истолковании нет единства. Е. А. Земская, много писавшая об интерфиксах (ее работы главным образом и активизировали

²⁰ Там же.

²¹ Марков В. М. 1) Замечания о конфиксальных образованиях в языко-исторических произведениях М. В. Ломоносова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века. Казань, 1967; 2) Замечания о конфиксах // *Język rosyjski*. 1968. N 3.

²² Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975. С. 171.

²³ Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973. С. 31.

этот термин),²⁴ понимает их преимущественно не как соединительные аффиксы между корнями в составе сложных слов, а как незначимые «прокладки» между производящими основами словообразовательными аффиксами (суффиксами), облегчающие их соединение (подгоняющие, приспособливающие их друг другу): *Канада* — *канадский* (суффикс *-ск-* присоединяется производящей основе непосредственно, без интерфикса), *Америка* — *америк-ин-ск-ий* (тот же суффикс присоединяется уже с помощью интерфикса *-ин-*, через его посредство); *Суздаль* — *суздальский* (без интерфикса), *Неаполь* — *неапол-итанский* (интерфикс *-итан-*), и т. п.

Идея интерфиксов-прокладок пока не получила общего признания: «прокладки» вообще не признаются, а термин *интерфикс* предлагается употреблять в соответствии с его исходным значением — как аффикс между корнями сложного слова. Термин *интерфикс*, обозначая «прокладку», действительно полчает смещение, отклонение от исходного значения: все аффиксы на втором уровне дифференциации морфем определяются по положению относительно корня, и интерфикс поэтому должен быть между корнями, «прокладки» же занимают иную позицию — между производящей основой и суффиксом. Но сам по себе термин *прокладки* заслуживает внимания: он позволяет более экономно описывать соответствующие словообразовательные явления. Так, если «прокладки» не признаются, то в образованиях *канадский*, *американский*, *неаполитанский*, *европейский* надо видеть не один суффикс *-ск-*, осложненный «прокладками», а четыре разных, но однозначных суффикса или четыре варианта одного суффикса; а так как каждая «прокладка» может соединяться с разными суффиксами (например *-ан-*: *америк-анский*, *америк-ан-ец*, *америк-ан-ка*, *америк-ан-изм*, *америк-ан-ист*), то, лишившись самостоятельности и став частью следующего аффикса, она удвоит их количество, а присоединение других «прокладок» приведет к утроению и учетверению суффиксов или их формальных вариантов, к тому же трудно объяснимым. В целом тема «прокладок» нуждается в дополнительном изучении со стороны как сторонников, так и противников.

На третьем уровне дифференциации морфем, формально-функциональном, постфиксы делятся на окончания (флексии) суффиксы и собственно постфиксы (постфиксы в узком смысле, например *уч-и-л-и-сь*: *-и-* (первое, после корня) — суффикс основы глагола, *-л-* — суффикс прош. вр., *-и-* — окончание мн. ч., *-сь* — показатель возвратности, собственно постфикс).

Окончания выделяются по функциональному основанию: это морфемы, имеющие, как правило, только грамматическое, словозначительное значение, образующие грамматические формы слов (обычно строго системные, парадигматические), напри-

²⁴ См., например: Земская Е. А. Интерфиксация...

падежные формы имен существительных (падежные окончания): *вод-а, вод-ы, вод-е* и т. д.; личные формы глаголов (личные окончания): *пиш-у, пиш-ешь* и т. д. Окончания обычно заканчивают формы слов, стоят на конце, — отсюда их название. Греческая флексия (лат. flexio) буквально значит 'изгиб, изгибающее', т. е. изменение (слова).

Аффиксы и собственно постфиксы различаются по формальному признаку — по положению (позиции) в отношении окончания: суффиксы стоят перед окончаниями (дофлексивные постфиксы), собственно постфиксы — после окончания (постфлексивные аффиксы). Собственно постфиксами в русском языке являются показатель возвратности в глаголах (*-ся, -сь*) и показатель неопределенности в местоимениях (*-то, -либо, -нибудь*) и некоторые другие (*-ка* — показатель «смягчения» повеления: *принеси-ка*).

В словоформе *переписываются* представлены все типы морфем, кроме интерфикса (и, конечно, инфикса): *пере-пис-ыва-ют-ся*.

Есть еще один уровень дифференциации морфем, но он пропущен уже с учетом общего характера значения морфем (см. § 4).

К позиционной характеристике аффиксов необходимо сделать одно уточняющее дополнение. Позиции аффиксов по отношению к корню (препозиция префиксов, постпозиция постфиксов, в частности — суффиксов, интерпозиция интерфиксов) могут быть адъективными и дистантными. Это связано с тем, что в слове может быть не одна, а две и даже три приставки (*пере-на-сы-тит, вос-про-из-вести, пере-рас-пре-делить*), не один, а два и даже три суффикса (*рыб-ац-к-ий, брод-яж-нич-еств-о, незамедл-ител-н-ый*), поэтому вторая и третья приставка будет уже не перед корнем непосредственно, а перед приставкой, второй и третий суффикс — не после корня непосредственно, а после суффикса, и интерфикс может быть не между корнями непосредственно, а после суффикса первой части сложного слова или перед приставкой второй части: *свет-л-о-зеленый, вод-о-про-вод-чик, зим-е-про-ход-ец* и т. п. Учитывая это, интерфикс можно было бы определять как аффикс, стоящий между основами сложного слова, а его положение между корнями — как частный случай. Но так как соответствующие позиции проявляются в отношении к корню, существующее позиционное определение аффиксов можно сохранить.

Подобную оговорку надо сделать также относительно суффиксов и собственно постфиксов: они определены соответственно дофлексивные и постфлексивные постфиксы, но это характерно для суффиксов и собственно постфиксов лишь при наличии в слове флексии (окончания), т. е. в изменяемых словах. Однако суффиксы и собственно постфиксы могут быть и при неизменяемых окончаниях, именно в наречиях: *быстр-о, шаг-ом*,

тих-онько; где-то, где-нибудь и т. п. Можно было бы аффиксы неопределенности в местоименных, наречиях считать суффиксами, тогда собственно постфиксы будут действительно только постфлексивными, но возникает новая неловкость: аффиксы неопределенности будут то суффиксами, то собственно постфиксами. Поэтому показатели неопределенности в местоимениях (полю окончаний: *как-ой-то*) и в местоименных наречиях (без окончаний: *где-то*) целесообразно одинаково считать постфиксами.

§ 4. СЕМАНТИКА МОРФЕМ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

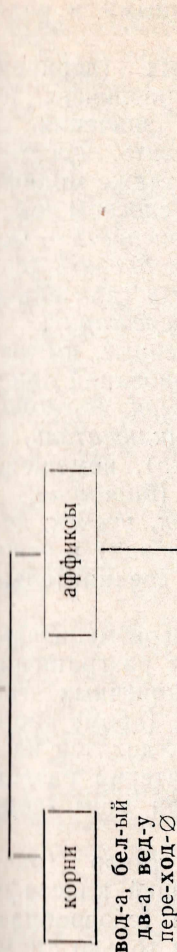
Каждая морфема обладает своим индивидуальным значением, и здесь, как и в других сферах проявления языковой семантики, в частности в лексике, обнаруживаются полисемия, омонимия, синонимия, антонимия (это частично будет рассмотрено в других разделах). Но у морфем есть также групповые или типовые значения — лексические, грамматические и т. п. Корни имеют лексическое (вещественное) значение; приставки — главным образом словообразовательное значение, но отчасти, видимо, и грамматическое (словоизменительное) значение — так называемые «пустые» приставки, образующие сов. вид (*делать-сделать, писать (письмо) — написать, читать (книгу) — прочитать* и т. п.); у суффиксов тоже преобладают словообразовательные значения, но с более заметной и отчетливой частью словоизменительных (формообразовательных) значений (суффиксы причастий, деепричастий, степеней сравнения и других форм); интерфиксы (соединительные гласные в сложных словах) выполняют только словообразовательную роль, а окончания, как уже было сказано, почти исключительно словоизменительную, хотя отмечается и словообразовательное их функционирование, например *супруг — супруга, золото — золотишко* и т. п.; постфиксы в неопределенных местоимениях (*кто-то, кто-либо, кто-нибудь* и т. п.) имеют словообразовательное значение (*кто — кто-то* и т. п.), а возвратный постфикс в глаголах, по мнению одних, также имеет только словообразовательное значение (все возвратные глаголы — самостоятельные лексемы),²⁵ по мнению других — в части случаев словообразовательное значение (*стучать — стучаться, мыть — мыться*, возвратные глаголы в части — словоизменительное (образование залоговых форм — страдательных, собственно возвратных — от переходных глаголов: *строить — строиться: дом строится монтажниками; выдавать — выдаваться: книги выдаются в библиотеке*).²⁶

Словообразовательные и словоизменительные (грамматические) значения морфем (а также слов и словоформ в целом)

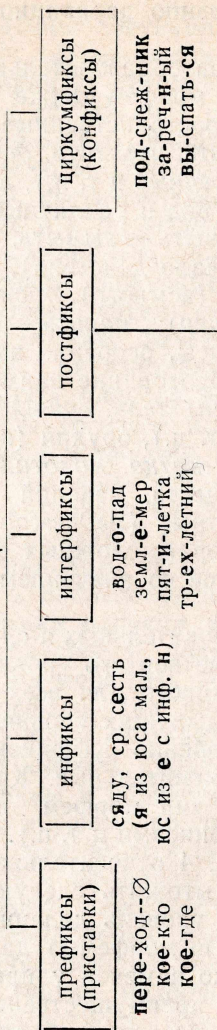
²⁵ Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

²⁶ Булапин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. С. 136.

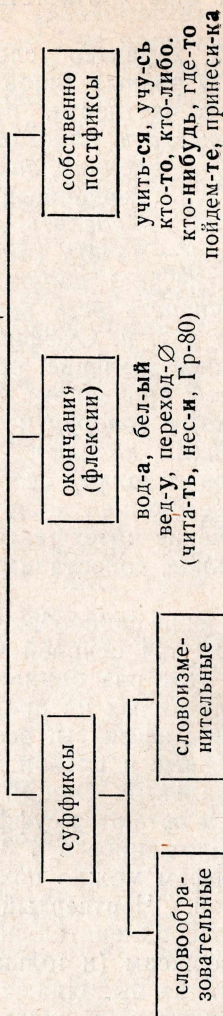
I. Функциональный

II. Формальный (позиционный)

III. Функционально-формальный

IV. Функциональный

называют еще соответственно деривационными и реляционными.²⁷

Общий характер словообразовательных (деривационных) значений у разных типов морфем также различен: приставки вносят, в частности, пространственные значения (*ехать — въехать, выехать, подъехать, отъехать, доехать, переехать* и т. п.), а также модификационные, образуя совершенный вид и различные способы действия глаголов: *делать — сделать, мыть — вымыть, рисовать — нарисовать* и т. п.; *петь — запеть* (начало действия), *подпевать* (сопроводительное действие), *попеть* (немного), *пропеть* (длительность действия: *пропеть весь вечер*); *жарить — пережарить* (все из слишком) и т. п. Суффиксы, особенно именные, имеют классификационное значение: образование наименований лиц (по разнообразным признакам: *читатель, сушильщик, гармонист, лыжник, москвич, говорун* и т. п.), орудий (*выключатель, выпрямитель, носилки, косилка, жатка, молотилка*), помещений (*красильня, раздевалка*), веществ, изделий (*баранина, печенье, сушки*), дегенезов животных (*медвежонок, утенок, теленок*) и т. п. Значение интерфиксов (в сложных словах) в основном соединительное, сопоставимое со значением соединительных союзов.

Различение словообразовательных и словоизменительных значений является основой четвертого уровня разграничения морфем (на этот раз одинакового для всех конечных типов морфем), полученных на предыдущих уровнях (кроме корней и интерфиксов): аффиксы, особенно суффиксы, делятся на словообразовательные и словоизменительные. Критерий разграничения функциональный. Общий тип морфем при этом сохраняется (суффиксы остаются суффиксами и т. п.).

Все изложенное в § 3, 4 относительно типов (разновидностей) морфем можно подытожить следующей классификационной схемой. Четвертый уровень деления (словообразовательные — словоизменительные морфемы) дан только применительно к суффиксам (и только намечен у пре- и постфиксов).

Окончания выполняют преимущественно словоизменительные функции и здесь, в книге по словообразованию, упоминаются (и частично характеризуются) лишь для полноты картины.

§ 5. ПЕРЕХОДНЫЕ, ФУНКЦИОНАЛЬНО СМЕШАННЫЕ МОРФЕМЫ, КВАЗИМОРФЕМЫ (СУБМОРФЕМЫ)

Кроме отмеченных, достаточно четко разграниченных типов морфем, выделяются еще и переходные, функционально см

²⁷ Реформатский А. А. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967. С. 250. — На примере словоформы *стол-ик-ам* дана схема, в которой деривационное значение суф. *-ик-* вместе с вещественным значением корня, объединены в лексическое значение основы, а вместе с реляционным значением окончания — в грамматическое значение аффиксов.

такие типы, совмещающие функции (значимости) корней и аффиксов. Их называют аффиксоидами.²⁸ Это корневые морфемы по значению и степени употребляемости в производных словах приближающиеся к аффиксам — префиксам (префиксоиды) и суффиксам (суффиксоиды), например: *полу-круг, полу-сон, полу-открытый, полу-лежать; еже-дневный, еже-часный, сверх-мощный, сверх-прочный, сверх-твердый, сверх-тяжелый, сверх-мощный, сверх-текучесть* и т. п.; *искусство-вед, музыка-вед, языко-вед, славяно-вед, шаро-видный, шаро-образный* и т. п.)

Переходят в суффиксы корневые части заимствованных иностранных слов: *библиотека* (букв. — 'книгохранилище, склад книг', ср. *антека*) — *картотека, фильмотека, дискотека, игротек, дискотека* (шутл., окказиональное); *аэродром* — *космодром, танкодром, велодром, планеродром, ракетодром*.

Отмечаются переходы (речевое использование) аффиксов в корни: *-изм* — *измы*; *-эма* (см. *фонема, морфема, лексема*) — *эмизм* (*эмический уровень в системе языка*).

Специфичны также связанные корни: *об-у-ть, раз-у-ть, с-верг-нуть, от-верг-нуть, по-верг-нуть* и т. п. В литературе высказывались предложения отграничить их от свободных корней терминологически и называть *радиксоидами*²⁹ (лат. *radix* — корень, ср. математический термин *радикал* 'корень').

Наконец, выделяются своего рода квазиморфемы — части слов внешне похожие на морфемы, но не являющиеся ими. Их можно называть субморфами (на эмическом уровне — субморфема); приставка *суб-* здесь означает (внешнюю) близость (от *суб* — под, ср. *субаренда, субподрядчик, субальпийский* и т. п.). Сформулированы и определения субморфов: «... сегменты, совпадающие с морфами по составу фонем и по чередованию разного рода, называются субморфами».³⁰ «Под субморфами ... понимаются морфонологически релевантные отрезки словоформ ... не имеющие самостоятельного смысла...»,³¹ например *-ец* в словах *резец, рубец, молодец* — суффикс, а в словах *чепец, немец* (опрошение, из *нем-ец*, букв. 'немой') — субморф, ср. чередования *зубчик, молодчик* — *чепчик*, и т. п.)

Функциональная переходность, или нечеткость, служит также причиной колебаний в отнесении конкретных морфем к тому или другому типу: показатель инфинитива традиционно признавался аффиксом, теперь предлагают считать его окончанием (школьные учебники, Грамматика-80). Здесь может быть отмечено и то,

²⁸ Шипицкий Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.

²⁹ Связанные корни по ряду признаков отличаются от свободных корней. Они не являются полноценными корнями. Поэтому их предложено называть *радиксоидами* (Земская Е. А. Современный русский язык...).

³⁰ Там же. С. 81.

³¹ Топатили В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.

что почти все собственно постфиксы до недавнего времени именовались частицами (возвратная частица *-ся/-сь*, неопределенные частицы *-то*, *-либо*, *-нибудь*), как и неопределенная приставка *кое-* в местоимениях *кое-кто*, *кое-что*, *кое-как* и т. п.

Кроме переходности (нечеткости) в отдельных случаях значений морфем надо отметить и их семантическую сложность. Так, к примеру, значение приставки *пере-* в глаголах *переписать*, *перелететь*, *пережарить* и т. п. может быть охарактеризовано и как грамматическое (глаголы сов. вида, их личные формы: *перепишу* и т. п. — формы буд. вр., тогда как производящие — глаголы несов. вида и их личные формы — формы наст. вр.: *пишу* и т. п.), и как словообразовательное (приставка вносит значение 'заново', 'поочередно', 'слишком'), и в конечном счете как лексическое: приставочные глаголы — самостоятельные лексемы, отличающиеся от своих производящих лексических

§ 6. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОРФЕМ

Основные типы морфем в языке резко различаются количеством и распределяются в этом отношении так: корни исчисляются тысячами, суффиксы — сотнями, приставки и окончания — десятками, постфиксы и интерфиксы — единицами. Таким образом, соседние типы или группы морфем отстоят друг от друга на целый порядок.

Есть и более конкретные количественные данные, не все, впрочем, согласованные: 60 000 простых слов (Орфографический словарь русского языка. М., 1963) без устаревших слов и новейших заимствований содержат 2200 корней, около 500 суффиксов, около 100 префиксов;³² существенно иные данные следуют из Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова: корнями словами в нем признано 18 118 (12 542 слова в вершинных гнездах и 5576 — одиночных слов). Это подлежит критической проверке. Данные об аффиксах можно извлечь из Грамматического словаря: суффиксов (суффиксальных морфем) — более 500, префиксов — 70, окончаний — 50, интерфиксов — 6 (*-о-*, *-е-*, *-у-*, *-и-*, *-ух-*), постфиксов — 5 (*-ся/-сь*, *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *-те*: *идете*); отдельно префиксоиды («повторяющиеся компоненты сращений, сращений и аббревиатур, предшествующие опорному») — 155, суффиксоиды («повторяющиеся опорные компоненты слов и аббревиатур») — 67 (С. 754—762).

Распределение аффиксов по частям речи (суммарные данные отличны от показаний других источников): всего «служебных морфем» (аффиксов) — около 1500, в их числе суффиксов — 702 (по частям речи: существительные — 450, прила-

³² Кузнецова А. И. Существуют ли в русском языке корневые морфемы, специфичные только для имени или для глагола? // Язык и человек. М., 1970. С. 157.

глаголы — 155, глаголы — 54, наречия — 43), префиксов — 211 (соответственно по частям речи: 50, 29, 122, 10), флексий — 124 (и, 57, 31), циркумфиксов — 439 (139, 150, 57, 53).³³

§ 7. МОРФОНОЛОГИЯ МОРФЕМ

Морфонология — часть морфемики (морфемологии); основным объектом ее является фонологическая реализация морфем. Это конкретизируется так: 1) фонологическая (звуковая и слоговая) структура морфем (в частности — фонетический объем или длина морфем), 2) фонологическое варьирование морфем. В морфонологии относят еще акцентологическую характеристику морфем в составе слов, но это требует обращения к слову или словоформе, т. е. это уже не морфонология отдельных морфем, а морфонология словообразования и словоизменения в целом. В морфонологии словообразования относится также усечение и наложение (аппликация, лат. applicatio — прикладывание) морфем в процессе словообразования; если признаются про- и антиинтерфиксы, то они тоже причисляются к морфонологии словообразования.

1. Морфемы и ударение

Во Введении было отмечено, что расположение словесного ударения и значительной степени предопределяется словообразованием. Во многих случаях это непосредственно связано с морфемизмом как словообразовательными средствами. Во Введении (с. 8) был приведен пример с суффиксом *-ист* — он всегда ударный, вне зависимости от места ударения в производящем слове и от длины самого производного слова. Подобным образом могут быть охарактеризованы и другие словообразовательные аффиксы.³⁴ Вот небольшой материал (воспроизведем и примеры из *ист*):

ист (всегда ударный): *арфист, гармонист, парашютист, велосипедист, радиоинженерист, интернационалист*.

и́ст (в притяжательных прилагательных — всегда под ударением): *арти́стский, соловьи́ный, звери́ный, пче́линый, змеи́ный, осини́ый, мыши́ный, студенче́ский*.

и́сть (без ударения, с сохранением ударения производящего слова): *веселы́й, ласковы́й, мелодичны́й, анекдотичны́й, энциклопедичны́й* (ударение на предшествующем слоге); *полови́нчатость, уступли́вость, размаши́стость, агрессивны́й*. В слове *злость* ударение на *-ость*, так как корень *зл-*.

и́сть (всегда перед ударением): *высо́та, чистота́, широта́, глу́хота*. Это ударение используется для дифференциации слов (омографы) или зна-

³³ Ефремова Т. Ф. О возможных типах так называемых морфемных единиц русского языка // Русский язык в школе. 1976. № 2. С. 89—90.

³⁴ Афанасьев Р. Н. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1959. Редькин Б. А. Акцентология современного русского языка. М., 1977.

чений: *остротá* — *острота*, *мокротá* — *мокрота*, *худобá* — *худоба* (диалектное) -о- (соединительная гласная в основосложении — неударная): *ледокол*, *ледоход*, *снегопад*, *водопад*, *сенокос*, *книголюб*, *книгоноша*, *луноход*, *скороход*, *дымоход*, *снегоход* и т. п. (ср. *технолог*, *стенограф*: -о-, видимо, не выделяется).

Приставки в существительных с корнем -пись- все ударные (корень неударный): *запись*, *надпись*, *подпись*, *перепись*, *припись*, *опись*, *пропись*, *роспись*, *выпись*. Безударным этот корень остается и в сложных словах: *живопись*, *заукопись*, *рукопись*, *книгопись*, *машинопись*, *тайнопись*, *скоропись*, *летопись*, *стенопись*, *светопись*.

2. Фонетическая (звуковая) структура морфем. Длина морфем

Звуковое строение морфем в целом и отдельных их типов весьма разнообразно. Применительно к длине это проявляется в наличии некоторых средних величин и значительных отклонений от них в ту и другую сторону — к максимуму и минимуму. Максимальный предел длины фиксируется пока чисто эмпирически — по фактической представленности в языке (см. с. 54). Минимальным пределом длины морфем должен быть бы, кажется, один звук, но функционируют и так называемые нулевые морфемы — морфемы, не имеющие звукового воплощения. Это весьма интересное, но и трудное для истолкования явление. Значимость и тем самым реальность нулевой морфемы проявляется на фоне материально выраженных морфем. Например, все падежи существительного *орел* (птица) имеют окончания (*орл-а*, *орл-у*, *орл-ом*, (*об*) *орл-е*), а им. падеж материально выраженного окончания не имеют, что является формальным показателем данного падежа. В этом и усматривается нулевая морфема, в нашем примере — нулевое окончание. Нулевая морфема — это функционально значимое отсутствие материально выраженной морфемы определенного типа.

Общее признание получили нулевые окончания (понятие нулевой морфемы впервые было приложено именно к ним): им. пад. суш. муж. рода (2-е скл.) и жен. рода (3 скл.): *дом*, *сарай*, *гвоздь*, *стень*; род. пад. мн. ч. ср. и жен., отчасти муж. рода: *окно* — *окон*, *стена* — *стен*, *линия* — *линий*, *один сапог* — *много сапог*; муж. род кратких и притяжат. прил. и глаг. в прош. вр.: *добрый* — *добр*, *отцов*, *сестрин*, *лисий*; *читал* (ср. *добра*, *добры*, *отцова*, *лисья*, *читала*, *читали*). Если показатель инфинитива — окончание, то нулевое окончание можно видеть и в инфинитивах на -чь: *жечь*, *лечь*, *печь*, *течь* и т. п. (чередование корневых *к/г—ч*).

Нулевыми могут быть суффиксы, особенно формообразовательные: прош. вр. глаг. в муж. роде (в положении после согласных): *нес*, *вез*, *тер*, ср. *нес-л-а*, *вез-л-и*, *тер-л-и*. Нулевой суффикс допускают и в словообразовании: *переходить* — *переход*, *новый* — *новь*, *глухой* — *глушь*, *золото* — *золотой* (безаффиксный способ словообразования). В сложных словах без со-

единительных гласных можно фиксировать нулевой интерфикс: *ноч-лег*, *Нов-город*, *Ленин-град* и т. п. (с опрошением — *вель-можа* и др.). Это отмечено в литературе: «...интерфикс — явно преобладающее в словообразовательной системе русского языка средство выражения связи компонентов сложного слова. Это даже дает основание рассматривать сложные слова, не имеющие в своем составе материально выраженного интерфикса... (*Ленин-град*, *прессформа* и т. п.) как сложения с нулевым интерфиксом».³⁵ В академических грамматиках проведена классификация слов с нулевым интерфиксом: в Грамматике-70 — шесть типов образований (с. 173), в Грамматике-80 — семь (с. 253).

Если принять членение глагола *вынуть* на приставку, суффикс и «окончание» инфинитива (*вы-ну-ть*), то применительно к нему можно говорить о нулевом корне. Нулевых приставок, видимо, нет.

Может показаться, что примером нулевой префиксации являются так называемые обратные образования путем «отбрасывания» приставки: *бездымный* (порох) — *дымный* (порох), *бесценный* — *ценный* (как *доярка* — *дояр* через отбрасывание суффикса), но это именно «отбрасывание», т. е. депрефиксация (или десуффиксация), а не нулевая префиксация, так как здесь нет беспрефиксального образования слов, аналогичных приставочным образованиям (ср. нулевой суффикс и нулевое окончание: *нес-л-а* — *нес-т-а*).

Признав нулевые морфемы, в некоторых словах придется выделять несколько морфологических нулей (нулевая морфема обозначается знаком — *ø*): *ноч-ø-лег-ø* (нулевой интерфикс и нулевое окончание); *нес-ø-т* (нулевой суффикс прош. вр. и нулевое окончание муж. рода), и т. п.

Широко представлены однозвучные морфемы всех типов, но для корней это мало характерно: некоторые корни в сфере служебных слов и междометий (предлоги *в*, *к*, *о*, *с*, *у*; союзы *а*, *и*; частицы *а*, *о*, *и*; междометия *а!* *о!* *у!* *и!* *э!*); в сфере знаменательных слов — единичные случаи (в частности, в результате чередования звуков с нулем): *со-г-ну-ть* (ср. *с-гиб-а-ть*), *ш-л-и* (ср. *шед-ш-ий*), *предпо-ч-ли*, *за-с-ну-ть*, *об-у-ть*, *вз-я-ть*, а также *а-кать*, *о-кать*, *о-канье* и т. п. Однозвучные аффиксы — вполне «нормальное» явление: приставки (*в-лить*, *о-смотреть*, *с-мять*, *и-брать*); суффиксы (*бел-и-ть*, *бел-е-ть*, *реч-к-а*, *низ-к-ий*, *лес-и-ой*, *борь-б-а*, *пись-м-о*, *ши-л-о*); формообразовательные суффиксы (*писа-л*, *нес-я*, *шир-е*); окончания (*гор-а*, *сел-о*, *нес-у*, *да-м*); интерфиксы (*вод-о-над*, *пыл-е-сос*, *пят-и-летка*); постфиксы (*учу-сь*). В словоформах *ушла*, *ушло*, *ушли* все морфемы однозвучные: *у-ш-л-а*, *у-ш-л-о*, *у-ш-л-и*; см. также *со-ш-л-и-сь*, *с(и)я-л-и-сь*.

³⁵ Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика... С. 56—57.

Можно заметить, что однозвучные морфемы в целом представлены и гласными и согласными звуками, например, корни: *со-г-нуть*, *ш-ла* и *вз-я-ть*, *об-у-ть*; приставки: *в-*, *с-* и *о-*, *у-*; суффиксы: *-к-*, *-л-* и *-а-*, *-с-*, *-и-*; окончания — преимущественно гласные (*-а*, *-о*, *-у* и др.), но и согласные: *да-м*, *е-м*, *да-шь*, *е-шь*; интерфиксы — только гласные (*-о-*, *-е-*, *-и-*), постфикс — только согласный (*учу-сь*). Однозвучные корни союзов и междометий только гласные, согласные междометные корни только с удлинением: *с-с-с!* *и-и-и!*³⁶

Но морфемы всех типов могут быть и многозвучными. В целом, с учетом рассмотренных уже пулевых и однозвучных морфем, звуковое строение морфем характеризуется следующими показателями:

1) Корни: (0)1—5 звуков, редко — более (преимущественно в заимствованных словах): *вы-ну-ть*; *со-г-ну-ть*, *при-ш-л-а*, *об-у-ть*, *вз-я-ть*, *о-ка-ть*, *а-ка-ть*; *ли-ть*, *пи-ть*, *ши-ть*, *шыю* (*шйу*), *бр-а-ть*, *тк-а-ть*; *сп-еть*, *лг-ать*, *да-ть*; *дом*, *вод-а*, *нес-ти*, *чит-а-ть*; *мгд-а*; *стол-ы*, *стог-а*, *астр-ы*; *столб-ы*, *вагон-ы*, *город-а*, *голов-а* (полногласные сочетания); *генерал*, *алебастр*, *конферанс*.

Самая распространенная структура корня — трехзвучная, типа СГС (согласный — гласный — согласный): *дом*, *сон*, *сын*, *рек-а*, *бел-ый*, *нес-ти*, *вез-ти*, *чит-ать* и т. п.; широко представлены корни СГСС, ССГС, ССГСС: *мост*, *стол*, *брат*, *столб*, *спорт* и т. п. В односложных существительных с нулевым окончанием (*дом*, *рысь*, *мост*, *гость*, *стол*, *сталь*, *столб*, *грусть* и т. п.) они составляют более 90%. В существительных жен. рода на *-а* преобладают корни структуры СГСС: *верб-а*, *лент-а*, *гайк-а* и т. п. (более 40%).

Шире материал будет приведен при характеристике слоговой структуры корней.

2) Приставки (префиксы): 1—5 звуков (вторичные и заимствованные — до 6—7 звуков): *у-брать*, *с-бить*, *в-лететь*, *с-говориться*, *на-чертить*, *за-бить*, *от-дать*, *по-сеять*, *под-резать*, *раз-дать*, *над-писать*, *подо-брать*, *пере-строить*, *черес-полосица*, *экстра-класс*, *экстра-модный*, *противо-действие*. Если учитывать не только количество звуков, но и их разновидности (гласные согласные) и их взаимное расположение, то приставки, указанные в Грамматике-80 (87 разновидностей, или морфов), по звуковым комбинациям образуют более 25 типов: С (один согласный звук): *в-*, *с-*; СС: *вз-*; Г: *о-*, *у-*; СГ: *за-*, *на-*, *по-*; ГС: *из-*, *от-*; ССГ: *при-*, *про-*; СГС: *над-*, *под-* и т. п.

3) Суффиксы: 0—4, редко 5—7 звуков: *нес-я*, *переход-я*, *черн-е-ть*, *черн-и-ть*, *дорож-к-а*, *реч-н-ой*, *город-ск-ой*, *шир-ин-а*, *связ-ист*, *бел-изн-а*, *писа-тель*, *аппарат-чик*, *суши-льщик*, *двадцать*, *две-надцать*, *сомн-ительн-ый*, *полоска-тельница-а*, *воен-*

³⁶ Германович А. И. Междометия русского языка. Киев, 1966 С. 157—162.

изиро-ва(ть), привет-ствова(ть), газ-ификаци-я (ификаций-а). Суффиксы, указанные в Грамматике-80 (более 500 морфем), дают около 50 типов (звуковых комбинаций с учетом числа и порядка звуков).

4) Окончания: 0—3 звука: *стол-ø, стол-а, стол-ом, стол-ам, стол-ами; нес-у, нес-ет, нес-ете, нов-ø, нов-ый, нов-ыми.*

5) Постфиксы: 1—5 звуков: *брю-сь, брют-ся, кто-то, кто-либо, кто-нибудь.*

6) Интерфиксы: 0—1(2) звука: *Нов-город, вод-о-лаз, мор-е-ход, тр-ех-летний.*

Таким образом, длина морфем всех типов колеблется в общем в одних пределах, от 0 до 5 звуков (кроме интерфиксов: от 0 до 2), но типичная, наиболее представительная длина у разных типов морфем разная: наиболее типичная длина корней трехзвуковая—СГС, а у приставок такая длина встречается значительно реже, чем другие размеры.

Можно обратить также внимание на различие структур трехзвуковых морфем разных типов: типичная структура трехзвуковых корней, как сказано, — СГС (*дом, сон, рек-а, сел-о, нес-ти, нить*), но встречаются и другие: ГСС (*иск*), ССС (*мгл-а, мзд-а*); у приставок, как и у корней, широко представлена структура СГС (*без, воз, меж, над, низ, под, раз, суб, диз*), но также ССГ (*про, при, пре, пра, вне*) и даже СГГ (*наи*), что для корней нетипично; трехзвуковые суффиксы — только ГСС (*-ист*) и ССС (*-ств(о)*); окончания — только СГГ (*гор-ами, нов-ыми, нете*), что совершенно не встречается у других морфем.

Разнообразие материала требует и слоговой характеристики морфем.

3. Слоговое строение морфем

Все разновидности (типы) морфем, кроме интерфиксов, могут быть неслоговыми. Неслоговой морфемный комплекс может состоять из одного, двух и трех согласных, но не у всех типов морфем: 1) однозвуковые — все морфемы (кроме интерфиксов): корни (*ш-ла, со-г-нуть*), приставки (*в-нести, с-лететь*), суффиксы (*низ-к-ий, борь-б-а, нес-л-и*), постфикс (*учу-сь*), окончания (*да-м, да-шь*); 2) двузвуковые — корни, приставки и суффиксы: корни (*бр-ать, тр-у, ст-ø, дв-а, тр-и, бью (бйу), шью (шй-у)*), приставки (*вз-лететь*), суффиксы (*сель-ск-ий*); 3) трехзвуковые — только корни и суффиксы: корни (*мгл-а; мзд-а, мст-ить*), суффиксы: *учитель-ств-ø*. Неслоговые корни прилагательных не отмечены; неслоговые окончания единичны, и только однозвуковые; неслоговой постфикс только однозвуковой.

Но преобладают слоговые структуры морфем, а среди слоговых — односложные. Неодносложные, обычно двусложные корни встречаются или в заимствованных словах (*вагон, салют, машина-а, резин-а* и т. п.), или в исконных словах с полногласием

(голов-а, коров-а, холод, голод, перед, пелен-а и т. п.). Неодно-
сложные, обычно также только двусложные, приставки тоже или
заимствованные (анти-, архи-, гипер-, супер-, (супер-мода)
и т. п., или с полногласием (пере-, через-) и варианты с беглым
гласным о: ото-брать, подо-слать, разо-рвать и т. п. По употре-
бительности (по использованию в словах) они резко уступают
вариантам без беглого. Например, среди 60 000 учтенных про-
стых производных слов оказалось более 2000 слов с однослож-
ной приставкой от-, а с ее двусложным вариантом ото- лишь 47
(данные Т. Ефремовой;³⁷ более полно они будут приведены в
Гл. 4, § 3). К двусложным относятся и сложные приставки: *ис-*
под-, недо-, обез-, небес-, надо- (исподлбья, недоедать, обезвре-
дить, небесполезный, надоумить и т. п.). Имеются и трехслож-
ные приставки: *около-полюсный, против-ядие*. Неодносложные
суффиксы — заимствованные (-фикаци-я) или составные (-тель-
ниц-а: *полоска-тельниц-а*, а может быть, и *писательниц-а*). Ин-
терфиксы только односложные: -о-, -е-, -и-, -ех- (*тр-ех-этажный*).
Постфиксы двусложные: -либо-, -нибудь; односложный -ся и его
неслоговой однозвучной вариант -сь. Двусложных окончаний не-
много: *стол-ами, стен-ами, окн-ами, нов-ыми, син-ими, пиш-ете*
нес-ете, вид-ите. Еще раз можно обратить внимание на то, что
трехзвучные корни и приставки обычно однослоговые (*дом, нов-*
ый, раз-бить, про-читать и т. п.), трехзвучные корни и суффиксы
могут быть неслоговыми: -ств(о), мел(а), а окончания — двусло-
говые, см. приведенные ранее примеры (*дом-ами* и др.).

Есть определенная закономерность в характере слогов-мор-
фем: исконно русские именные корни всегда закрытые (*сад-ы*
трав-а, неб-о, золот-ой, син-ий, пять, пят-ый и т. п.), а глаголь-
ные могут быть закрытыми (*нес-ти, вар-ить, чит-ать, дум-ать*) и
открытыми (*би-ть, пи-ть, ли-ть, ши-ть, ры-ть, пе-ть, ду-ть, да-ть*
и т. п.).

Представим материал на односложные корни.

Односложные корни имеют разную звуковую структуру:

- 1) Г: а, и (корни союзов, междометий), *вз-я-ть*
- 2) ГС: *ад, ар, ас, еж, ил, уж, ум, ус, ось, он(а)*; названия букв: *эль, эм, эн, эр, эс, эф*
- 3) СГ: *га, да, да-ть, би-ть, ви-ть, ли-ть, пи-ть, ши-ть, ры-ть*; названия букв: *бэ, вэ, гэ* и т. д., *ка, ха, ша, ща*.
- 4) ССГ: *бра*
- 5) ГСС: *иск, акр, акт, одр, ось, орс, эльф*
- 6) ГГС: *дом, сад, соль, вод-а, сел-о, нес-ти, вез-ти, нов-ый, семь*
- 7) ССГС: *стол, сталь, крот, мрак*
- 8) ГГСС: *мост, гость, лент-а, верб-а, тыко-а, гайк-а*
- 9) ССГСС: *столб, спорт, грусть*
- 10) ГГССС: *горсть, шерсть, перст*
- 11) СССГС: *штрек, штраф*
- 12) ССГССС: *пробст*.

³⁷ Ефремова Т. Ф. Опыт составления словаря морфем русского языка // Русский язык в национальной школе. 1969. № 4.

В односложных словах (словоформах) преобладают (более 90%) корни четырех типов: СГС, ССГС, СГСС, ССГСС (в перечне № 6, 7, 8, 9).

Общую звуковую типологию именных суффиксов (от С до ССГССГСС: *перенос-к(а)* — *газ-ификаций(а)*; неслоговой одношумовой и четырехслоговой восьмизвуковой суффиксы) провела Н. Г. Крылова.³⁸

4. Фонологические (морфонологические) варианты морфем

Морфемы, как и другие единицы языка (например, фонемы), употребляются в словах (иногда говорят: реально существуют) в виде своих вариантов. Так, в существительном *река* и прилагательном *речной* один и тот же корень (это родственные, однокоренные слова), но в двух разновидностях (вариантах) — *рек-* и *реч-*.

Варианты морфем обусловлены их позицией в слове, зависят от соседних морфем, от морфемного контекста (внутренний, морфемный синтаксис). Имеет значение и фонетический характер такого контекста, поэтому позиции определяются как фонетико-морфологические, иначе морфонологические. Например, корни существительных, имеющие на конце заднеязычные согласные, в производных прилагательных с суффиксом *-н-* и уменьшительных существительных с суффиксом *-к-*, выступают в вариантах с конечными шипящими (заднеязычные чередуются с шипящими): *рук-а* — *руч-н(ой)*, *руч-к(а)*; *ног-а* — *нож-н(ой)*, *нож-к(а)* и т. п.

Такие варианты находятся в дополнительном распределении (дополнительной дистрибуции): в одной позиции — один вариант, в другой — другой; может быть и более двух вариантов, особенно у корней (см. с. 61). Но есть и такие варианты, которые не зависят от позиции и поэтому могут употребляться в одной и той же позиции, — это так называемое свободное варьирование, например окончание твор. пад. ед. числа *-ой/-ою* у существительных жен. рода на *-а* и некоторых других разрядов слов: *стен-ой/стен-ою*, *рук-ой/рук-ою*, *молод-ой/молод-ою*, *тоб-ой/тоб-ою*. Такие варианты приобретают стилистические или даже смысловые различия: вариант *-ою*, например, книжный, устарелый. Варианты окончаний род. пад. ед. ч. вещественных существительных (*квас-а* — *квас-у*) и некоторые другие имеют, видимо, уже собственно морфологический, а не морфонологический характер.

Чтобы варианты морфем терминологически сблизить с самими морфемами, их называют еще морфами (ед. ч. — морф и

³⁸ Крылова Н. Г. Материалы для дистрибуции фонем в суффиксах имен существительных // Вопросы фонетики и обучение произношению. М., 1975.

морфа, муж. и жен. род.). Морфы — это морфонологические (в основном позиционные) реализации морфем в конкретных словах и словоформах. Реально в словах и словоформах всегда употребляются лишь морфы как варианты (разновидности) морфем, и морфонологические части слов как звуковые реально-сти — это морфы. Морфы до сведения их в конкретные морфемы — просто морфы, после такого сведения — алломорфы конкретной морфемы; иначе: морфемы вообще реализуются в морфах, каждая отдельная морфема — в своих алломорфах. В приведенном ранее примере *рек-*, *реч-* в общем виде — корневые морфы, а применительно к корню *рек* — его алломорфы. Один из алломорфов принимается за основной, и через него обозначается морфема в целом, подобно тому, как фонема называется, обозначается, характеризуется и пр. через ее основной вариант. В Грамматике-70 и -80 термин *алломорф* используется только применительно к морфам, находящимся в отношениях дополнительного распределения; морфы свободного варьирования называются просто вариантами. Крайней необходимости в таком терминологическом разграничении нет.

Морфонологическому варьированию подвержены все типы морфем, но особенно широко — корни. Их рассмотрим в конце параграфа.

[1. Варьирование окончаний. 1) *-ой/-ою* в твор. пад. ед. ч. существительных жен. р. на *-а*, местоимений *я*, *ты*, слов прилагательного (адъективного) склонения (прилагательные всех рядов, порядковые числительные, причастия, местоимения-прилагательные): *стен-ой/-ою*, *тоб-ой/-ою*, *мо-лод-ой/-ою*, *перв-ой/-ою*, *прочитанн-ой/-ою*, *так-ой/-ою* и т. п. Варианты находятся в отношениях свободного варьирования; различия главным образом стилистические (*-ою* — устар., но в текстах XIX в. еще вполне обычный вариант); в стихотворной речи различаются по требованию ритмики: *Мне грустно и легко, печаль моя светла: Печаль моя полна тобою. Тобой, одной тобой...* (Пушкин). 2) *-а(-я)/-у(-ю)* в род. пад. ед. ч. вещественных, отвлеченных и пространственных имен существительных муж. р. *квас-а/-у*, *хмель-а/-ю*, *чая-/-у* (фонетически *чай-а/чай-у*), *шум-а/-у*, *лес-а/-у*. Свободное варьирование, различие стилистическое (*-у*, *-ю* устар.) и семантическое: *-у*, *-ю* подчеркивают указанные значения существительных и особое значение род. пад.: родительный части (*выпить квасу*), родительный целого при обозначении части (*стакан квасу*). 3) *-е/-у* в предл. пад. ед. ч. существительных муж. р. с временным и пространственным значением: *в лес-е/-у* (*В лесу раздавался топот дровосека...* — Некрасов), *на бал-е/-у*. Свободное варьирование, различие стилистическое (*-у* редко) и семантическое (*-у* подчеркивает временное и пространственное значение). 4) *-ы/-а*, *-и/-я* в им. пад. мн. ч. существительных муж. р.: *год-ы/-а*, *слесар-и/-я*. Свободное варьирование, различие стилистическое.

окончания -а, -я разговорные, новые, развивающиеся, ср.: *Шли годы, бурь порыв мятежный...* (Пушкин); *А годы проходят, все лучшие годы...* (Лермонтов); *Года минули, страсти улеглись...* (Некрасов); *Мои года — мое богатство* (Рождественский). В литературном языке слова на -а единичны, в современном — сотни.

С некоторым основанием к вариантам окончаний можно отнести однопадежные окончания, дифференцированные по типам склонения, и личные, дифференцированные по типам спряжения: *стол-а/стен-ы; стол-у/стен-е/стен-и; стол-ы/город-а/сосед-и/пол-я/крестьян-е; ид-ет/лет-ит*. Эти варианты, однако, нельзя отнести к морфологии, они имеют иной характер, собственно морфологический (морфологические классы слов и их словоупотребительные особенности). Характер или природа вариантности окончаний, указанной в других пунктах, кроме 1), также недостаточно отчетлива. Вариантность п. 1), напротив, имеет отчетливо морфологический характер: чередование *у(ю)* с нулем (-ой/-ей).

2. Варьирование постфиксов. Варьирует только постфикс обратности: -ся/-сь (*учить-ся/учу-сь*). Правило распределения по морфологическим позициям здесь простое: -ся после согласных (*учить-ся, учишь-ся, учит-ся, учимся*), -сь после гласных (*учу-сь, учи-сь, учите-сь, учила-сь, уча-сь*). Это своего рода компенсация по гласности/согласности: гласный в одной морфеме, согласный — в другой, и наоборот. Исключение: в причастиях — только -ся, после согласных (*учащий-ся, учивший-ся*) и после гласных (*учащая-ся, учащие-ся*).

3. Варьирование интерфиксов (соединительных гласных в сложных словах). Варьирует только собственно интерфикс -о/-е: *лед-о-кол, снег-о-пад, сен-о-кос/стал-е-вар, пыл-е-сос, угл-е-коп* и т. п. Распределение: -о- после твердых согласных, -е- после мягких. Твердые и мягкие согласные дифференцированы уже в производящих словах, а в сложных лишь воспроизводятся, но есть и отступления: *кровь — кров-е-носный*, но *кров-о-обращение; конь — кон-е-вод(ство)*, но *кон-о-вязь, кон-о-гон* и т. п. Интерфиксы неударные, поэтому варьирование в основном орфографическое; после шипящих — е: *мыш-е-ловка, каш-е-вар* и пр.

4. Варьирование суффиксов. 1) Суффиксы с беглыми *о, е* (чередование *о, е* с нулем звука) -ок/-к; *гуд-ок — гуд-к(а), дым-ок — дым-к(а), ключ-ок — ключ-к(а), друж-ок — друж-к(а); чек(-ёк)/-к; ден-ек — день-к(а), стебел-ек — стебель-к(а), овраж-ек — овраж-к(а), огуреч-ек — огуреч-к(а)*. Распределение вариантов подчиняется четкому правилу: суффикс с беглым гласным — перед нулевым окончанием, без беглого гласного — перед материально выраженным окончанием: *гуд-ок-о/гуд-к-а, гуд-к-у, гуд-к-ом, гуд-к-ами* и т. п. И здесь компенсация по гласности/согласности. 2) Суффиксы с конечными заднеязычными, чередующимися с соответствующими шипящими -(о, е)к/-оч(-еч):

игол-к(а), игол-ок — игол-оч-к(а), друж-ок — друж-оч-ек, ден-ек — ден-еч-ек (беглые о, е перед ч сохраняются и в соседстве с гласными), брод-яг(а) — брод-яж-ничать, стар-ух(а) — стар-ушечий и т. п. Позиции шипящих будут описаны в гл. 2, § 9. 3) -ник/ниц(а): школь-ник — школь-ниц(а), сад-овник — сад-ов-ница и т. п. Распределение: перед окончанием муж. рода — -ник, перед окончанием жен. рода — -ниц(а). 4) Суффикс сравнительной степени -ее/-ей: смелее — смелей. Свободное варьирование. Есть сходство с варьированием окончания -ою/-ой: чередование гласного с нулем звука (-ою/-ой, -ей/-ей). 5) Суффикс превосходной степени -айш(ий)/-ейш(ий): крупнейший — высочайший (-айш- только после шипящих, чередующихся с заднеязычными). 6) Как варианты одного суффикса обычно рассматриваются суффиксы -чик, -щик: аппарат-чик, переписчик — барабан-щик, вар-щик. Аналогично -чин(а), -щин(а): солдат-чин(а), бар-щин(а). Распределение (частично — орфографическое): ч — после т, д, с, з, ж: аппарат-чик, проход-чик, перенос-чик, извоз-чик, перебеж-чик. 7) Суффикс притяжательных прилагательных -ий/-й (на письме — мягкий знак перед следующим гласным): лис-ий — лис-ь-я, лис-ь-е, лис-ь-и (фонетически: лис-йа и т. п.). Аналогично варьируется суффикс (финальная часть суффикса) сущ. жен. р., соотносительных с сущ. муж. р. на -ун — -унья/-уний: шалунья — шалуний, плясунья — плясуний («беглое» -и- перед нулевым окончанием; под ударением — беглое -е-: судья — судей).

5. Варьирование приставок. Приставки (берем лишь приглагольные приставки) в морфонологическом отношении делятся на две примерно равные группы: 1) безвариантные приставки (каждая представлена одним морфом; позиционные чередования звуков не учитываются) — главным образом с конечными гласными: вы-, до-, за-, на-, недо-, о-, пере-, пре-, при-, про-, со-, у-, заимствованные приставки: ре-, дис-, 2) вариантные, с двумя алломорфами — на согласные/на беглый гласный -о-: в-/во-, вз- (на письме также вс-)/взо-, воз(с)/возо-, из(с)/изо-, над-/надо-, низ(с)/низо-, об-/обо-, от-/ото-, под-/подо-, пред-/предо-, раз(с)/разо-, с-/со-. Вне этих групп находится вариантная заимствованная приставка де-/дез-, с распределением: де- перед согласными, дез- перед гласными: де-газировать, де-маскировать, дез-ориентировать, дез-организовать (равновесие гласности — согласности в соседних морфемах).

Распределение вариантов на беглый гласный и без него весьма сложно. Основные правила (есть исключения): 1) перед гласными — приставки без о: вз-играть, воз-ыметь, из-учать, об-учать, от-учать, под-учать, пред-угадать, пред-усмотреть (перед «гласной» приставкой), раз-учиться, с-экономить; 2) перед одними и теми же согласными — также вариант без беглого о: в-нискать, в-нести, вз-волновать, вс-пенить, воз-разить, вос-питать, из-рыть, под-резать, низ-вергнуть, об-вить, от-мерить, под-колоть, пред-

писать, *пред-рас-по-ложить*, *раз-мять*, *рас-сыпать*, *с-резать*; 3) перед сочетаниями согласных (двух, реже — трех) могут быть оба варианта, без *о* и с *о* (в каждом конкретном случае какой-либо один, т. е. не свободное варьирование, а дополнительное распределение): (а) *во-* (не *в-*) перед сочетаниями с начальным *в-*, *со-* (не *с-*) перед сочетаниями с начальными *с-*, *з-*, *ж-* (в соответствии с фонетической закономерностью: двойные, или долгие, согласные не могут быть в начале слов перед согласными); *во-влекь*, *со-ставить*, *со-скользнуть*, *со-скоблить*, *со-стругать*, *со-звать*, *со-звониться*, *со-жрать* и т. п., ср. *от-влекь*, *от-ставить*, *под-ставить* и т. п.; (б) все приставки в вариантах с *о* — перед сочетаниями, возникшими в результате выпадения беглых гласных (при наличии беглого гласного — приставки без *о*): *ото-братъ*, ср. *от-беру*; *подо-звать*, ср. *под-зову*, *разо-жму*, ср. *раз-жимать* и т. п.

Отдельно или как исключения надо указать употребление вариантов приставок вне названных правил: 1) приставка *с-* в варианте *со-* перед гласным и перед одиночным согласным в словах *со-изволить*, *со-измерить* (гласный *и* во второй приставке), *со-вершить*; 2) вариант *со-* с глаголами *братъ*, *звать* вне зависимости от наличия или отсутствия в них беглого гласного: *со-братъ* и *со-беру*, *со-звать* и *со-зывать* (но у Блока: *Сзывает парварская лира...*). Существительные *сбор* и *собор* (с разными вариантами одной приставки) дифференцированы по значению; 3) все приставки с *о* при глаголе *шел*: *вошел*, *вошли*, *вошедший*, *сошел*, *сошла*, *сошли*, *подошел*, *разошелся* и т. п.; 4) напротив, приставки *воз-*, *из-*, *низ-* (без *о*) в глаголах *воззвать*, *избратъ*, *изгнать*, *ниспровергнуть* перед сочетаниями согласных.

Приставки с *о* в глаголах *со-бью*, *со-вью*, *ото-бью*, *со-лью*, *разо-лью*, *подо-лью* и т. п. закономерны, так как находятся перед сочетаниями согласных с последующим йотом: *ото-лю* и т. п. Глагол *надоумить* имеет не приставку *над-* в варианте с *о* перед гласным (это было бы нарушением закономерности), а сложную приставку *на-до-* из *на-+до-* (ср. *недоумевать*: приставка *недо-* из *не-+до-*).

6. Варьирование корней. Морфонологическая вариантность корней по сравнению с другими морфемами наиболее широкая и глубокая: здесь варьируют не единицы или десятки единиц, а многие сотни (есть данные о вариантах более тысячи корней); и вариантов у конкретных единиц (корней) может быть не 2—3, как у других морфем, а 4—5 и более. Например:

кос — 4 варианта: *по-кос*, *кось-ба* (с мягким конечным *с*), *кош-и*, *с-кашивать*;

пряд — 5 вариантов: *пряд-у*, *прядь*, *пряс-ть*, *прях-а*, *пря-л*;

жг — 5 вариантов: *жг-у*, *жж-ет*, *за-жиг-ать*, *за-жег-* или *с-жег* (существительное *ожог* даст лишь орфографический вариант этого корня); *жечь* или *же-чь* (членение инфинитивов на *-чь* спорно: в копечном ч

- исторически усматривается результат чередования с конечным звуком корня, к или г и инфинитивным показателем *ть*);
- брод — 6 вариантов: *брод-ы, брож-у, бред-у, брес-ти, бре-л, бре-ла* (этимологически сюда же *бред-ень, бред* и *бредить*);
- вед — 9 вариантов: *вед-у, вес-ти, вё-л, ве-ла, при-вод, вод'-ят, вож-у* (*ср. возить — вожу, омонимы*), *важ-ивать, вождь* или *вожд-ение*;
- ход — 9 вариантов: *ход-ы, ходь-ба, хож-у, хожд-ение, хаж-и-вать, шедший, шес-твие, ше-л, ш-ла*.

В литературе имеются данные о распределении корней по числу их вариантов: из 2240 корней, извлеченных из 60 000 производных слов, 750 корней имеют по 2 варианта (два алломорфа), 400 — по 3, 80 — по 4, 40 — по 5, 7 — по 6, 6 — по 7, 2 — по 8, 3 корня имеют 9, 10 и 11 алломорфов; около 950 корней имеют варианты.³⁹

Варианты корней, как правило, имеют отчетливо выраженный морфонологический характер: они создаются историческим чередованием звуков (фонем). Исторические чередования имеют морфонологическую обусловленность: соседство с определенными суффиксами («чередующие», «усекающие» суффиксы — Е. А. Земская).⁴⁰ Закономерность исторических чередований проявляется, в частности, в том, что звуки вступают в чередования не разрозненно, а как члены групп, типов, например, с шипящими чередуется не какой-нибудь заднеязычный звук, а все заднеязычные, каждый со «своим» шипящим: *к/ч*, (*крик — кричать*), *г/ж* (*снег — снежный*), *х/ш* (*смех — смешить*); усложняется последующим *л* не какой-либо губной согласный, а все губные: *в/вл* (*ловить — ловлю*), *м/мл* (*ломать — переломлю*), *п/пл* (*купить — куплю*) и т. п. Закономерность проявляется и в том, что чередование наступает в определенных морфонологических позициях и всякий раз, как складывается эта позиция, например, заднеязычные чередуются с шипящими перед суффиксами относительных прилагательных: *рука — руч-н-ой, нога — нож-н-ой, ухо — уш-н-ой, смех — смеш-н-ой, грех — греш-н-ой* и т. п. Возникают со временем разного рода отклонения, но закономерность чередований при достаточной их регулярности сохраняется.

В вариантах корня *ход*, например, проявились следующие чередования: *д/д'* (*ход — ходьба*), *д(д')/ж* (*ход, ходить — хожу*), *д'/жд* (*ход, ходить — хождение*; старославянизм), *х/ш*, *о* — (*ход — шедший*), *д/с* (*шедший — шествие*), *с/о* (*шедший — шёл*), *о'/ө* (*шел — шла*).

Состав исторических чередований в общем уже известен.

³⁹ Кузнецова А. И. Существуют ли в русском языке корневые морфемы...

⁴⁰ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белашапковой. М. 1981. С. 166 (автор раздела — Е. А. Земская).

⁴¹ Из литературы вопроса: Гвоздев А. Н. Роль исторических чередований в современном русском языке // Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963.

Его обзор, однако, здесь необходим и должен быть по возможности полным и упорядоченным.

Чередование звуков — это закономерная замена одного звука другим в пределах одной морфемы (чаще — в корнях), возникающая при словообразовании и словоизменении. Различаются два вида чередований: 1) позиционные, обусловленные фонетическими позициями звуков (чередование ударных и неударных гласных, чередование звонких и глухих, твердых и мягких согласных по ассимиляции и т. п.: *горы* — *г/а/ра*, *сказать* — *ска/с/ка*, *сады* — *са/т/* и т. п.), 2) непозиционные, не связанные с фонетическими позициями звуков (*круг* — *кружу* (ср. в *кругу*), *кружи* (ср. *кружи*): *мазать* — *мажь*, но *мазь* и т. п.). Непозиционные чередования называются еще историческими или традиционными: исторически они возникли как позиционные, но утратили свою позиционную фонетическую обусловленность и сохраняются в языке по традиции, отсюда и их названия. Позиции (положения) чередований из фонетических превратились в морфологические, точнее — морфонологические.

Исторические чередования звуков (всегда фонем, а не вариантов фонем) создают морфонологические варианты морфем, особенно корней. Историческим чередованиям подвержены и гласные, и согласные. Встречаются даже чередования гласных с согласными: *вз-я-ть* — *возь-м-у* (корень один), — или гласных с сочетанием гласного с согласным: *вз-я-ть* — *вз-им-ать* (корень один и тот же).

Исторические чередования звуков при словообразовании и при словоизменении принципиально не различаются: *ловить* — *ловлю* (словоизменение), *ловить* — *ловля* (словообразование); *студить* — *стужу* (словоизменение), *студить* — *стужа* (словообразование); *бегу* — *бежит* и *перебегать* — *перебежка* и т. п. Поэтому далее среди примеров конкретных чередований будут и некоторые примеры из области словоизменения.

Исторические чередования гласных и согласных многочисленны и разнообразны, особенно чередования согласных. У чередований согласных в сравнении с гласными более определенная первоначальная позиционная обусловленность и замена фонетических позиций морфонологическими. Поэтому обзор чередований целесообразно начать именно с согласных.

А. Чередования согласных

Исторические чередования согласных звуков происходят обычно в конце морфем (чаще — корней), и это служит своеобразным сигналом конца морфемы: где возникло чередование, там конец морфемы.

1) Чередование заднеязычных с шипящими (исторически — первая палатализация заднеязычных перед йотом и переднерядными гласными — *е, ъ, и, ѡ, ѳ*): *к/ч, г/ж, х/ш*.

Морфонологические позиции этого чередования очень разнообразны и определяются наличием «чередующих» суффиксов и окончаний (продолжающих былые фонетические позиции):

(1) суф. уменьшительных существительных жен. и ср. р. -*к-* (при материально выраженном окончании) и муж. р. -*ок-* (при нулевом окончании): *дуга* — *дужка*, *щека* — *щечка*, *муха* — *мушка*; *яблоко* — *яблочко*, *ухо* — *ушко*; *стог* — *стожок*, *боча* — *бочок*, *пух* — *пушок*; суффиксы -*онек*, -*онки*: *рука* — *ручонка*, *нога* — *ножонка*, *пастух* — *пастушонек*;

(2) суф. увеличительных существительных -*ищ(а/е)*, -*ин(а)*: *рука* — *ручища*, *нога* — *ножища*, *стог* — *стожина*;

(3) суф. пренебрежительных существительных — -*онк(а)*, -*ишк(а)*: *бумага* — *бумажонка*, *человек* — *человечишка*, *старик* — *старичишка*;

(4) суф. единичности -*ин(а)*, -*инк(а)*: *жемчуг* — *жемчужина*, *горох* — *горошина*; *снег* — *снежинка*, *смех* — *смешинка*;

(5) суф. собирательных и отвлеченных существительных -*ств(о)*: *человек* — *человечество*, *много* — *множество*, *убогий* — *убожество*, *монах* — *монашество*;

(6) суф. -ник, -ниц(а), образующие предметные и личные существительные: *долг — должник, молоко — молочница, соха — сошник, цветок — цветочница, грех — грешник/-ица, смех — пересмешник*;

(7) суф. относительных прилагательных -н-, -ск-, -еск-: *дорога — дорожный, скука — скучный, смех — смешной, чехи — чешский, Рига — рижский, враг — вражеский, греки — греческий (но казахский и др.)*;

(8) суф. притяжательных прилагательных -ий: *миноза — миножий, враг — вражий, волк — волчий, черепаха — черепаший, черепашня, черепашьё, черепашьи*;

(9) суф. сравнительной и превосходной степени -е-, -айший: *пологий — положе, строгий — строже, крепкий — крепче, сухой — суше, дорогой — дороже; крепкий — крепчайший, великий — величайший, строгий — строжайший*;

(10) суф. глаголов -и(ть), -а(ть): *друг — дружить(ся), сухой — сушить, дорогой — дорожить, слух — слушать, крик — кричать*;

(11) суф. страдательных причастий: *подстеречь — подстерженный, запекать — запеченный, высушить (ср. сухой)*;

(12) безаффиксная финаль отвлеченных существительных: *глухой — глушь, сухой — сушь и суша, а также дух — душа*;

(13) личные глагольные окончания 2, 3-го л. ед. ч. и 1, 2-го л. мн. числа: *стерегу, стерегут — стережешь, стережет, стережем, стережете; пекут — печешь, печет, печем, печете*;

(14) прочие положения: *рука — обручальный, обруч, клики — клич и т. п.* Некоторые корни попадают во многие из этих позиций: *сухой — сушка, сушь, суша, суше, сушить, засушенный, сушняк и т. п.* Любопытный пример чередований демонстрируют словоформы *тяжкий и тягчайший*: в первой словоформе корневой заднеязычный заменяется шипящим (ср. *тягость*), а суффиксальный заднеязычный сохраняется, а во второй словоформе, напротив, заменяется шипящим суффиксальным заднеязычный, а корневой сохраняется.

Многие слова, связанные чередованием заднеязычных с шипящими, разошлись в значениях и теперь с трудом воспринимаются или совсем не воспринимаются как слова одного корня: *горло и жерло, кто и что, сукно и сучить, верх и вершок, мех и мешок, конец и начало и т. п.* Замена фонетических позиций морфонологическими в этом типе чередований была обусловлена многими фонетическими процессами: падением (исчезновением) *ь* — в результате шипящие оказались перед согласными (*ручка, ручной, что*), переходом носового гласного (малого юса) в *а* после мягкого — в результате шипящий оказался не перед переднерядным гласным (*начало*), переходом старого *я* после шипящих в *а* (*слышать*, ср. *видеть*, где *е* из *я* не после шипящего), *йот*, вызвавший чередование, исчезал (*дух — душа*) и т. п.

Другие чередования согласных гораздо беднее позициями, и при нескольких-нибудь развернутый комментарий приводиться не будет.

2) Чередование заднеязычных со свистящими — *г/з, к/ц, х/с* (исторически — вторая палатализация заднеязычных, перед и н ять особого происхождения): *друг — друзья, княгиня — князь, лик — лицо, воскликнуть — восклицать, меркнуть — мерцать, брякать — бряцать, проникнуть — проникательно (при утрате семантических связей: льгота — нельза, польза; присягнуть — присязание, проникнуть — ниц и др.), тряхнуть — трясти, труха — трусить (чередование встречается редко)*.

3) Чередование *ц/ч* (чередование вторичных элементов 1-й и 2-й палатализации заднеязычных при отсутствии корней (вариантов корней) с первичными, заднеязычными звуками): *птица — птичка, птичник, птенец — птеник, овца — овечка, овечий, кольцо — колечко, палец — пальчик, отец — отчество, отчизна, лицо (лик — устар.) — личико, личный, столица — столичный*.

4) Чередование *к, г/ч* (только в инфинитивах и омонимичных с ними существительных ж.р. па -чь): *пеку — печь (глагол и сущ.), волоку — волокушка, теку — течь (глагол и сущ.), могу — мочь (глагол и сущ.), стерегу — стеречь, жгу — жечь (бесприставочных глаголов менее 20)*.

5) Чередование твердых согласных с парными мягкими перед гласным

переднего ряда и в конце слова (все согласные, кроме заднеязычных — *к, х*):

о голубой — голубь, гребу — гребень, дробный — дробь, прорубать — прорубь; лоп(ушка) — лопат, правый — правь; род(ы) — родят, пряду — прядь, твердый — твердь; гроза — грозят, мазать — мазь; село — сельский, колоть — колю, сила — сильный; дым — дымат, корм — кормежка, кормят; мена — менять, кину — кинь; насыпать — насыпь; укор — укорять, жар(а) — жарь; аниский — высь, бросать — брось; ответ — ответят, трата — трать; графа — графят.

6) Чередование свистящих (твердых и мягких) с шипящими — *з/ж, ш/ж*: *масть — мажу, низкий — ниже, снизить — снижать, сниженный, снижение; /ш/ носить — ношу, скос-ить — скашивать, скошенный, высоко — выше.*

Это чередование (исторически оно возникло под влиянием йота) своеобразно проявляется в спряжении глаголов: у глаголов 1-го спряж. шипящие появляются во всех личных формах, а у глаголов 2-го спряж. — только в форме 1-го л. ед. ч., например: *писать — пишу, пишешь, пишет и т. д., ср. просить — прошу, но просишь, просит и т. д.; мазать — мажу, мажешь, мажет и т. д., ср. возить — вожу, но возишь, возит и т. д.* Эта закономерность проявляется также в чередованиях *д, т, ст, ск* с шипящими и в чередованиях *зубных* (см. далее), и ее можно использовать как формальный критерий различения спряжений. В словах *слать — шло, мыслить — мышление* чередование оказалось не в конце морфемы (корня), а в середине и даже в начале, причем воздействие йота шло через *л* (звук оказался пронизываемым).

7) Чередование *д, т, ст, ск* с шипящими: *ж и жд (старославянizm): огородить — огороженный, ограждать, ограждение; в спряжении: гладить — глажу, гладишь, глажет и т. д. (1-е спряж.), гладить — глажу, но гладишь, гладит и т. д. (2-е спряж.); ш и щ (старославянizm): свет — свеча, освещение, крутой — круча; в спряжении: хохотать — хохочу, хохочешь и т. д. (1-е спряж.), ответить — отвечу, но ответишь, ответит и т. д. (2-е спряж.); ск/ш: простой — проще, упростить — упрощение, доска — дощечка, искать — ищайка, плоский — площадь, угостить — угощение, теща — теща, густой — гуще, гуца; частый — чащоба, треск — трещать. В спряжении: искать — ищу, ищешь, ищет и т. д. (1-е спряж.), блестя — блестящу, но блестяшь, блестят и т. д. (2-е спряж.).*

8) Чередование *ск/ст*: *пускать — пустить, блеск — блестять*;
9) Чередование губных (твердых и мягких) с сочетаниями «губной + л» (мягкий):

бл: обособить — обособление, употребить — употребление, гребу — гребля, серебать, — серебли; в спряжении: колебать — колеблю, колеблешь и т. д. (1-е спряж.), рубить — рублю, но рубишь, рубит и т. д. (2-е спряж.).

шл: закрепить — закрепление, купить — купля, капать — капля, скопить — скопление, вопить — вопль. В спряжении: щипать — щиплю, щиплешь, щиплет и т. д. (1-е спряж.), крепить — креплю, но крепишь, крепит и т. д. (2-е спряж.).

л/вл: ловить — ловля, кров — кровля, торговать — торговля, травить — травля, дешевый — дешевле, удешевить — удешевление. В спряжении: ловить — ловлю, но ловишь, ловит и т. д. (2-е спряж.).

ф/фл: графить — графление; графить — графлю, но графишь (2-е спряж.). м/мл: утомить — утомление, земной — земля. В спряжении: дремать — дрем-

лю, дремлешь, дремлет и т. д. (1-е спряж.), *томить — томяю*, но *томишь, томит, томим, томите* (2-е спряж.)

10) Чередование *д, т, б/с* (перед показателем инфинитива *ть*, *ти* и омоиничным ему суффиксом существительных): *бреду — брести, веду — вести, ведать — весть, владеть — власть, кладу — класть, еда — есть, падать — упасть, страдать — страсть, сяду — сесть, шедший — шествие, пропадать — пропасть, мету — мести, плету — плести, цвет — цвести, чту — честь, гребу — грести*.

11) Чередование *д, т/з* (чередование с нулем, выпадение — перед суффиксом *-л-* в формах прош. вр. глг.): *веду — вел(а), пряду — прл(а), плету — плел(и), мету — мел*; перед суффиксами *-х(а), -ся-*: *сватать — свах, пряху — пряха, пряслице, гудеть — гусли, едят — ясли*.

12) Чередование *б, п, д, т, г, к/з* (выпадение смычных перед суффиксом *-ну-*): *сгибать — согнуть, гибель — сгинуть, спать — заснуть, кидать — кинуть, увядать — увянуть, шептать — шепнуть, блестять — блеснуть, донзять — донуть, трогать — тронуть, дергать — дернуть, брызгать — брызнуть, плескать — плеснуть, тискать — тиснуть*, но ср. *толкнуть, копнуть, капнуть* и т. п. (чередование нерегулярное).

13) Чередование *л/з* (выпадение суффикса прош. вр. *-л* после согласных при нулевом окончании т. с. в форме муж. р.): *несла, несло, несли — не везли — вез, исчезло — исчез* и т. п. В словоформе *рос* выпали т и л: т — перед *-л* (**ростл*), л — после согласного при нулевом окончании, ср. *росл* и *рост*.

14) Чередование *в/з* (выпадение *в* после приставки *об-*; ссмантическое) связи слов при этом чередовании во многих случаях ослабли): *обводит — обвод, обвозит — обвоз, обвоз — обоз, поворот — оборот, обязать — обязать, повернуть — обернуть, обволакивать — облако, наволочка — оболочка, привычка — обычай, обыкновение, привет, завет — обет*.

15) Чередование *з/н* (вставка *н* после предлогов в падежных формах личных местоимений 3-го л. и после приставок в глаголах с корнем *-я-*): *ему — к нему, ей — к ней, его — от него, ими — перед ними* и т. п.; *взять — занять, перенять, отнять, принять* и т. п. (ср. сочтения с притяжательными местоимениями: *с его, с их братом*).

16) Чередование *н/ш* (морфонологическая природа чередования точно не установлена, не исключено, что это мена суффиксов, а не фонем): *бран — барашек, гребень — гребешок, камень — камешек, карман — кармашек, корень — корешок, кочан — кочешок, окунь — окушок, плетень — плетешок, мальчуган — мальчугашка, стакан — стакашек, старикан — старикашка, таракан — таракашка, гармонь — гармошка, копна — копейка, ладонь — ладошка; окно — окошко; Иван — Ивашка, Роман — Ромашка*. Позиция: перед суффиксом *-(о/е)к*.

17) Чередование полногласных (ясно русских) и неполногласных (по происхождению — старославянских) звуко сочетаний: *оро/ра, оло/ла, лере/ре; город — град, ворота — врата, поворот — вращение, огородить — ограждение, берег — брег, передать — предать, молодой — младенец, молоко — млекопитающие, голос — глас, золото — злато* и т. п. В сопоставлениях *прегородить — преграждать, преграждение и преворотить — превращение* по т чередования одновременно: *псре/пре, оро/ра* и соответственно *д/жд, т/тд*. Но, строго говоря, это не чередование, а лишь квазичередование, так как вследствие заимствований, а не внутренних языковых процессов; эти «чередования» никак не связаны ни с фонетическими, ни с морфонологическими позициями.

18) «Чередования» в заимствованных словах (тоже вне собственных внутренних языковых процессов): *с — т, з — т, д, ц(ия) — т(ор)*; *инверсия, инвертирование, инвертировать, кризис — критический, абрикос — абрикоти, флексия — флективный, претензия — претендент, редакция — редактор, селеция — селектор, сепарация — сепаратор* и т. п.

Б. Чередования гласных

1) *е/о* (древнейшее, «донсторическое» чередование): *везти* — *возить* (возит), *воз* (звук /о/ в существительных и «длительных» глаголах), *нести* — *нест*, *перенос*, *звенеть* — *звонить*, *звон*, *перевести* — *переводить*, *перевод*, и т. п. Позиционные чередования ударных и неударных гласных здесь по внимание не принимаются, но они все-таки «мешают» восприятию чередования, поэтому лучшими примерами являются чередования ударных гласных: *топь* — *ток*, *поток*, *кровоточить*, *перевести* (у Пушкина: *Я должен буду, без сомнения, письмо Татьяны перевести*) — *перевод*. Этимологически: *велеть* — *волти*, *делить* (раздел) — *доля*.

2) *о, е/Ѧ* (нуль звука) — чередование безгласных гласных с нулем звука вследствие падения редуцированных ѡ и ѣ, проявляется и аналогия): *сон* — *сна*, *огонь* — *огня*, *окон* — *окно*, *ловок* — *ловкий*, *подобрать* — *подберу*; *день* — *дня*, *ветер* — *ветра*, *молодец* — *молодца* (формальны сюда же: *беру* — *брать*, *тереть* — *тру*, *трение*). Правильно распределения: гласный — если дальше нет гласного, Ѧ — если дальше есть гласный (*сон* — *сна* — «компенсация» по гласности).

3) *е/Ѧ* (сравнительно новое чередование, возникшее после падения редуцированных; /Ѧ/ — о после мягких согласных, на письме ѣ или просто е, после шипящих может быть о): *несу* — *нес*, *везу* — *вез*, *весло* — *весла*, *весна* — *весны*, *тяжесть* — *тяжелый*, *шедший* — *шел*, *вечер* — *вечор*; в суффиксе: *попречек* — *крючок*. . . В этом чередовании звук /Ѧ/ оказывается под ударением после мягких и шипящих и, как правило, только перед твердыми или на конце слов: *пол-Ѧ*, *мор-Ѧ*, но *ружь-Ѧ*, *бель-Ѧ*, *гололедица*, но *гололед*, *сель-Ѧ*, но *села*, *печь*, но *пек*, *речь*, но *изрек*, *потечь* — *потек* и т. п., но по аналогии Ѧ оказывается и перед мягкими: *береза* и *березе*, *несет*, *несем* и *несете*, *потек* — *потекѦ* и т. п. Этого чередования (перехода е в Ѧ) нет в займствованных словах (*газета*, *конфета*, *текст*), в книжных словах (*перст*, но *наперсток*, *крест*, но *перекресток*), в словах, в которых был ять (*лес*, *белый*, *весь*, ср. *всѣ*), перед ц (звук /ц/ был мягкий): *отцѦ*, *купцѦ*, *концѦ* и в некоторых других случаях.

4) *о/а* (а под ударением перед суффиксом -ива(ть) в глаголах): *спросить* — *спрашивать*, *забобрить* — *забобривать*, *устроить* — *устривать*, *подколотить* — *подколачивать*.⁴² Вне этой позиции: *гореть* — *гарь* (этимологически и жар).

5) *е/а* (это следствие чередования долгих е и о: а из долгого о, современное е из старого ятя, а ять — из долгого е): *сесть* — *садиться*, *лезть* — *лзть*.

6) *е/я* (я из старого юса малого, а юс — из е и инфикса и): *сесть* — *сѣди*, *лечь* — *лѣгу*.

7) *Ѧ/е/и* и аналогично *Ѧ/о/ы* (так называемые «три ступени» гласных: reduction, или нормальная (е, о), ступень редукции (ѡ, ѣ — современный Ѧ), и ступень продления (и, ы): *забрать* — *заберу* — *забирать*, *затру* — *затерю* — *затирать*; *слать* — *послать* — *носол* — *посылать*, *посылка*; *спать* — *заспѣть* (без ступени «о»).

8) *о/ы/у*: *сухой* — *сохнуть* — *засыхать*; *вдох* — *дышать* — *душа*, *дуинный*,

9) *у/я* (юсовое чередование: у из юса большого, я — из юса малого, в юсы, в свою очередь, — из сочетаний, соответственно о и е с носовым согласным, в целом — это разновидность чередования о/е). Слова с этим чередованием большей частью разошлись в значениях и сближаются в основном этимологически: *смута* — *мятеж*, *смущение* — *смятение*, *пружина* — *напряжение* (я даже: *супруги* — *упряжка*), *звук* — *звяк(ать)*, *взять* — *узел* (о также *узы*), *тянуть* (ср. *тяга*) — *тугой* и др.

10) *у/он, м* (по происхождению это чередования юса большого со своим источником — сочетанием гласного и носового согласного; гласный может

⁴² По этому ударному а нельзя проверять правописание: *упросить*, хотя *упрививать*, *умолить*, хотя *умаливать* и т. п.

быть беглым): звук (к — суффикс) — звон; надутый (причастие от дуть) — надменный (другое причастие, ставшее прилагательным).

11) я (после шипящих — а)/и/и, ии, ем, м (чередование малого юса со своей базой): занять — занимать — заем (ё из е) — займу (е/ё — беглые). взять — в/з/имать — возьму; начать — начинать, начну; жать (1) — сжимать — сожму; жать (2) — сж/имать — сожму, б/р/яжать — б/р/енчать.

12) е/ой: петь — пой.

13) и/ей/ой/й: пить — пей — пойло — пью (пй — и); бить — бей — бью — бой, гнить — гной, лить — лей — лью (этимологически и слой) шить — шей — шью (без ой).

14) ы/ой/ов/ав: рыть — рой — ров, крыть — крой — кров; плыть — плыву — плавать.

15) у/ов, ю/ев: кузнец — ковать, бесе/ую — бесе/довать, ноч/ую — ноче/вать, кле/ует — кле/вать, кле/в, суе/т — со/вать, сну/ю — сну/вать.

В большей части чередований участвуют звуки /е/ и /о/, а многие корни включают (допускают) разные чередования этих звуков, в результате создаются многочисленные ряды (цепочки) чередований (некоторые из них приводятся в обзоре чередований):

е — ё — о — а: нести — нес — носит — вынашивает

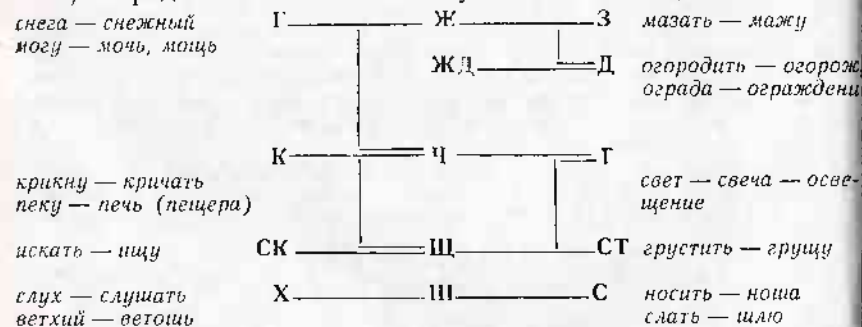
е — и — о — ъ: беру — пере/б/ирать — пере/б/ор — брать

е — ё — и — о — ъ: тереть — терка — зати/р/ать — затор — затру

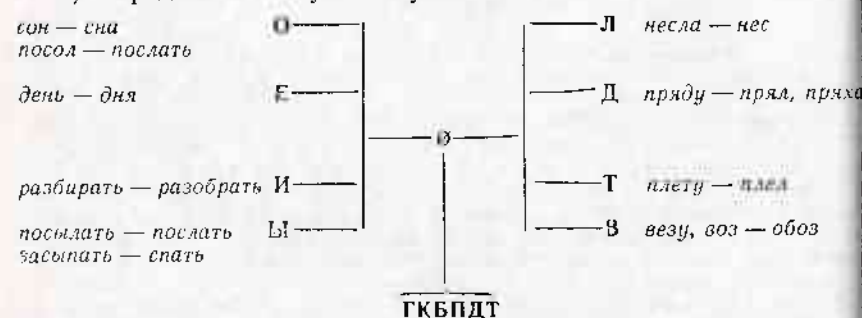
у — я — он — си: звук — звя/к/ать — звон — звенеть.

В. Некоторые обобщения

1) Чередования согласных с участием шипящих

2) Чередования с нулем звука

ГКБПДТ

(смычные) перед -ну-

двигать — двинуть, плескать — плеснуть, сгибать — согнуть,
кидать — кинуть, вертеть — повернуть
(этимологически: капать — кануть, гибель — сгинуть)

§ 8. МОРФЕМЫ И ЧАСТИ РЕЧИ

Морфемы большей частью отчетливо распределяются по частям речи, т. е. являются основой или средством образования слов определенной части речи.

1. Корни

Один и тот же корень, если рассматривать явления на лексикологическом уровне, может оказаться в составе слов разных частей речи, например корень *-дв-* в составе числительных — *два, двенадцать, двадцать, двести*; прилагательных — *двойной, двойственный, двоякий*; существительных — *двойка, двойня, двойняшки, двойственность, удвоение*; глаголов — *двоить, удвоить(-ся)*; наречий — *двойко, вдвойне, дважды* и т. п. Но при этом обычно только какая-либо одна часть речи оказывается для каждого конкретного корня первичной, исходной (говорят еще — примарной, изосемичной), а все другие — вторичные, производные (секундарные, неизосемичные). Это определяется по производности — непроизводности соответствующих слов, а также по общему значению корня: первичной частью речи для корней с предметным значением являются имена существительные (*дом, вод-а, лес, рыб-а, нор-а, пол-е* и т. п.), признаковое значение характеризует корни прилагательных (адъективные корни) *зл-ой, прав-ый* и т. п.; значение действия — корни глаголов (глагольные корни): *лет-еть, руб-ить* и т. п.; количественное значение — числительные. В приведенном примере корень *-дв-* имеет количественное значение, и первичной (примарной, изосемичной) частью речи для него служит имя числительное. Количественное значение этот корень сохраняет и во всех вторичных, производных частях речи. Другой пример: корень *бел-* встречается в прилагательных (*белый*), существительных (*бель, белизна, белок, бельмо* и др.), глаголах (*белеть, белить*), наречиях (*бело, небело*), но в соответствии с признаковым значением этого корня первичной частью речи для него является прилагательное.

Значение местоименных корней (*к-то, ч-то, т-а* и т. п.) и корней служебных слов (*а, в, и, о* и т. п.) менее определены и все-таки значение отношений, выражаемых, например, предлогами, воспринимается в них и вне контекста: *в, к, до, за, от* и т. п.

Есть и формальные, хотя и не абсолютные, различия корней отдельных частей речи: исконно русские именные корни, как правило (это в другой связи уже отмечалось), слоговые и закрытые: *стол, стен-а, неб-о, трав-а, золот-о, син-ий, дорог-ой, пять* (неслоговые — немногочисленные: числительные *дв-а, тр-и*); глагольные корни — слоговые и неслоговые, закрытые и открытые: *нес-ти, вар-ить, пи-ть, ли-ть, ры-ть, зв-ать, рв-ать, бр-ать* и т. п.; местоименные корни и корни служебных слов часто од-

позвуковые: *к-то, ч-то, т-ы, т-а, с, в, о, а* и т. п. (однозвучные корни в знаменательных словах, обычно в глаголах,—следствие звуковых изменений: *г-нуть*, ср. *с-гнб-ать, ш-ла*, ср. *шед-ший, предпо-ч-ла*, ср. *предпо-чит-ать* и т. п.).

Систематических перечней корней по частям речи пока нет, но некоторые количественные данные имеются: среди 2200 корней, выявленных на массиве 60 000 простых непронизводных и производных слов русского языка, примерно 365 корней (16,5%) образуют слова только какой-либо одной части речи — существительные (около 300 корней), прилагательные (около 25) или глаголы (около 35 корней); около 1000 корней образуют слова каких-либо двух основных частей речи, чаще — существительные и прилагательные (около 660 корней), наконец, около 850 корней образуют все три основные части речи.⁴³ Следует, однако, иметь в виду, что в этих данных отражена не природа корней, а лишь их встречаемость в основных частях речи.

При соотносении корней с частями речи приходится, конечно, различать синхронию и диахронию языка, особенно глубокую диахронию, генезис. В современном состоянии языка и в его уже значительно отдаленном прошлом более или менее отчетливо различаются корни субстантивные, адъективные, глагольные, местоименные, корни числительных, служебных слов. Генетически же было, видимо, не так: известна междоменная теория происхождения языка (его материи), теория глагольности первоначальных корней; почти очевидна субстантивная природа прилагательных (см. современные относительные прилагательные, а «в своем генезисе все прилагательные являются относительными»),⁴⁴ тем более наречий, а далее — предлогов, и т. п. И действительно, трудно сказать, какова первичная природа корня *крас-*, если включающие его в свой состав существительные, прилагательные, глаголы и наречия — производные *крас-к(а)*, *крас-н(ый)*, *крас-и(ть)*, а «непроизводное» (без аффиксного) существительное *краса* явно непредметно, несубстантивно.

2. Префиксы (приставки)

Приставки довольно отчетливо, однако со значительными пересечениями, делятся на глагольные и именные, точнее — на приглагольные и приименные, т. е. употребляемые в глагольном или именном словообразовании. Пересечение глагольных и именных приставок создается прежде всего приставками, омонимичными предлогам: *за-* (и предлог *за*), *под-* (и *под*), *при-* (и *при*). В именах такие приставки используются в префиксально-суффик-

⁴³ Кузнецова А. И. Существуют ли в русском языке корневые морфемы? С. 157—163.

⁴⁴ Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 210.

сальных образованиях: *под-стакан-ник*, *за-реч-н(ый)*, *на-стольт-н(ый)* и т. п. Но известны и собственно приставочные образования имен: *при-город*, *под-полковник*, *пра-дед*, *рас-красавица* и т. п.

Приставки более обозримы, чем корни.

1) Глагольные и именные приставки. В иллюстративных примерах сначала даются глаголы, затем — имена; отглагольные имена содержат глагольные приставки, поэтому они приводятся сразу за глаголами:

в-, во-: *в-лететь*; *во-брать*, *во-образить*, *во-ображение*; **вз-/вс-, взо-/вос-, возо-:** *вз-лететь*, *взо-йти*, *вос-пахать*, *воз-мутить*, *вос-пользоваться*, *возо-мнить*, *возмущение*, *вз-морье*; **вы-:** *вы-лететь*, *вы-лет*, *вы-брать*, *вы-бор*; **до-:** *до-лететь*, *до-плыть*, *до-военный*; **за-:** *за-лететь*, *за-честь*, *за-чет*, *за-речный*, *за-стольт*; **из-/ис-, изо-:** *из-мять*, *ис-тратить*, *изо-рвать*, *ис-томиться*, *ис-тома*; *из-морось*; **на-:** *на-лететь*, *на-брать*, *на-бор*, *на-ушники*, *на-дворье*, *на-стольтный*; **над-, надо-:** *над-резать*, *надо-рвать*, *над-строить*, *над-стройка*, *над-водный*, *над-земный*; **недо-:** *недо-платить*, *недо-есть*, *недо-сыпать*, *недо-умок*; **низ-/нис-, ницо-:** *низ-вергнуть*, *низ-вести*, *нис-провергнуть*, *с-низо-йти*; **о-:** *о-писать*, *о-пись*, *о-трепье*, *о-торопь*, *о-круга*; **об-, обо-:** *об-лететь*, *об-лет*, *обо-рвать*; **обез-/обес-, обезо-:** *обез-главить*, *обес-честить*, **от-:** *от-лететь*, *от-лет*; *от-го-лосок*, *от-звук*; **пере-:** *пере-лететь*, *пере-лет*, *пере-браниться*, *пере-бранка*, *перелесок*; **по-:** *по-лететь*, *по-лет*, *по-говорить*, *по-дворье*, *по-морье*, *по-мор*, *по-мешанный*; **под-, подо-:** *под-лететь*, *под-лет*, *подо-брать*, *под-бор*, *под-полковник*, *под-лесок*, *под-снежник*; **пре-:** *пре-рвать*; **пред-, предо-:** *пред-писать*, *пред-писание*, *предо-хранить*, *пред-банник*, *пред-горье*, *пред-рассветный*, *пред-последний*; **при-:** *при-лететь*, *при-лет*, *при-город*, *при-морье*, *при-морский*; **про-:** *про-лететь*, *про-лет*, *про-свет*, *про-селок*, *бес-про-светный*; **раз-/рас-, разо-, роз-/рос-:** *раз-лить*, *раз-лететься*, *рас-пилить*, *разо-рвать*, *раз-ыграть*, *роз-ыгрыш*, *рас-писать*, *рос-пись*, *раз-ум*, *раз-долье*, *рас-красавица*; **с-/со-:** *с-лететь*, *со-брать*, *с-бор*, *с-путник*, *со-ученик*, *со-временник*, *со-временный*; **у-:** *у-лететь*, *у-брать*, *у-бор*, *у-горье* (обл.).

2) Именные и наречные приставки (большей частью — из префиксально-суффиксальных образований; в записи отделяется только приставка):

без-/бес-: *без-лошадник*, *без-вредный*, *бес-платный*, *без-усый*, *бес-палый*; **вдоль-:** *вдоль-рядный*; **вне-:** *вне-школьный*, *вне-очередной*; **внутри-:** *внутри-подской*; **зако-:** *зако-улос*; **испод-:** *испод-лобья*, *испод-воль*, *испод-тишка* (опрошение); **к-:** *к-верху*, *к-низу*; **кое-:** *кое-кто*, *кое-как*, *кое-где*; **меж-, между-:** *меж-сезонный*, *между-рядный*; *меж-сезонье*, *между-рядье*; **наи-:** *наи-мощный*; **не-:** *не-дорогой*, *не-приятель*, *не-правда*; **небез-/небес-:** *небез-вредный*, *небес-полезный*; **ни-:** *ни-кто*, *ни-что*, *ни-какой*, *ни-чей*, *ни-когда*; **около-:** *около-плодник*, *около-литературный*; **па-:** *па-сынок*, *па-дчирица*, *па-водок*, *па-смурный*; **перед-:** *перед-рассветный*; **поза-:** *поза-вчера*, *поза-прошлый*; **после-:** *после-завтра*, *после-родовой*; **пра-:** *пра-дед*, *пра-бабушка*, *пра-язык*, *при-внук*, *пра-родина*; **пре-:** *пре-добрый*; **преди-:** *преди-словие*; **противо-:** *противо-речивый*, *противо-речие*; **ра- (?)**: *ра-дуга*; **сверх-:** *сверх-мощный*, *сверх-точный*, *сверх-модный*; **среди-:** *среди-земный*; **су-:** *су-глинок*, *су-мрак*, *су-песь* (*су-пруг*, *су-сек* — опрошение); **через-/черес-, чрез-/чрес-:** *через-мерный*, *через-седельник*, *чрез-мерный*, *черес-полосица*.

3) Отдельно — заимствованные приставки (большей частью именные):

а-: *а-моральный*, (*а-морфный*); **анти-:** *анти-общественный*; **вице-:** *вице-президент*, *вице-адмирал*; **архи-:** *архи-ученый*, *архи-плут*; **гипер-:** *гипер-фонема*,

гипер-лексма, (гипер-тония); де-: де-монтировать, де-монтаж; дез-: дез-ориентировать, дез-организация; дис-: дис-квалификация; им-: им-портировать, им-порт (ср. экс-портировать, связанные корни); ин-: ин-формировать; интер-: интер-национальный; ир-: ир-рациональный; инфра-: инфра-красный, инфра-структура, инфра-звук; контр-: контр-удар; обер-: обер-мастер; пан-: пан-тюризм; пост-: пост-флексивный, пост-позиция; про-: про-ректор; прото-: прото-славяне; ре-: ре-организовать, ре-трансляция; суб-: суб-подрядчик; супер-: супер-обложка, супер-танкер, супер-мода; транс-: транс-континентальный; ультра-: ультра-левый, ультра-модный, ультра-фиолетовый, ультра-звук; экс-: экс-чемпион, экс-порт(ировать), ср. им-порт; экстра-: экстра-лингвистический (экстра-вагантный).

3. Суффиксы

Распределение суффиксов по частям речи проявляется через их связь с окончаниями — существительных, прилагательных, глаголов (в начальной форме — с показателем инфинитива): *-ин-а, изн-а, -от-а, -ств-о, -ение*; в муж. р. и частично в жен. р. (сущ. 3-го скл.) — с нулевым окончанием: *-ник, -тель, -учик/-чик, -ость* и т. п.; *-н-ый/-ой/-ий* (лесной, книжный, верхний), *-ск-ой, -ив-ый, -лив-ый* и т. п.; *-а-ть, -ва-ть, -ова-ть, -ива-ть, -и-ть, -е-ть, -ну-ть, -ирова-ть* и т. п.

Омонимия суффиксов разных частей речи (без наречий) представлена нешироко; преобладает омонимия суффиксов существительных и прилагательных (глагольные суффиксы более индивидуальны): *-ист-: гитар-ист, гор-ист-ый; -к-: дорож-к-а, низ-к-ий; -ат-: фильтр-ат, ректор-ат и ус-ат-ый, рог-ат-ый, жен-ат-ый; -льн-: чита-льн-я и чита-льн-ый*; глагольный и именной суффикс *-л-* (может быть и при одном корне): *ши-л* и *ши-л-о* *мы-л* и *мы-л-о*. Суффиксы «перевертыши» — *-ну-* и *-ун-*: *мах-ну-ть, пляс-ун*.

Большая часть синхронно выделяемых суффиксов наречий омонимична падежным окончаниям существительных и прилагательных: *шаг-ом, стрел-ой, быстр-о, низк-о* (*-о* окончание краткого прилагательного ср. р.), *по-нов-ому* и т. п. (исторически — адвербиализация, переход в наречия различных падежных и предложно-падежных форм существительных и прилагательных).

4. Постфиксы (собственно постфиксы)

Глагольные постфиксы (*-ся/-сь, -те* в формах повелительного и «включенного» повелительного накл.: *пойдем-те*) и местоименные (*-то, -либо, -нибудь*) четко и последовательно различаются. Если же к постфиксам отнести еще и «частицы», на письме присоединяемые к предшествующим словам с помощью дефиса (черточка), то распределение их по частям речи будет более неопределенным: *пришел-таки, все-таки, опять-таки, так-таки, они-де, пришел-де, принеси-ка, ну-ка; да-с, ну-с* и т. п.

5. Окончания

Окончания последовательнее всех других типов морфем распределены по частям речи: падежные окончания существительных, прилагательных, местоимений, личные окончания глаголов. Но здесь широко представлена и омонимия, например окончания *-у*: 1) вин. пад. сущ. ж. р. 1-го скл.: *книг-у*, 2) дат. пад. сущ. муж. и ср. р. (2-е скл.): *стол-у, сел-у*, 3) род. пад. некоторых сущ. муж. р., особенно в сочетании с предлогом: *из лес-у*, 4) предл. пад. тех же и некоторых других существительных: *в лес-у*, 5) 1-го л. ед. ч. глаг.: *нес-у*. Окончания-омонимы могут встретиться в одном контексте (осложненные к тому же омонимией их с приставкой *-у* и предлогом *у*): *я эт-у доск-у у-нес-у к забор-у, у нас в лес-у много шум-у*. Окончание *-а* тоже омонимично: 1) им. пад. ед. ч. сущ. жен. р.: *гор-а*, 2) им. пад. мн. ч. сущ. ср. р. (*села, имена*) и некоторых существительных муж. р.: *город-а, глаза, снега*, 3) род. пад. сущ. муж. и ср. р.: *мост-а, сел-а*.

Кроме того, некоторые окончания разных частей речи, совпадая по звучанию, совпадают и по значению. Так, окончание *-а* обозначает или указывает на жен. род в именах существительных — *весн-а*, в кратких прилагательных — *молод-а*, в местоимениях — *эт-а, т-а*, в кратких страдательных причастиях — *написан-а*, в глаголах прош. вр. — *несл-а*. Это уже не омонимия и даже не полисемия окончаний. Это, видимо, одно окончание, употребляемое в разных частях речи. Так же распределено нулевое окончание муж. рода и окончание ср. рода *-о*: *дом-о, весел-о, тот-о, этот-о, прочитан-о, плыл-о, сел-о, широк-о, т-о, эт-о, прочитан-о, плыл-о*.

Есть сходство и в окончаниях мн. числа: *стол-ы, стен-ы, молод-ы, прочитан-ы; кон-и, сан-и, земл-и, эт-и, читал-и*. Много сходства в окончаниях адъективного склонения: *молод-ого, т-ого, эт-ого, прочитанн-ого; молод-ому, т-ому, прочитанн-ому* и т. п.

§ 9. МОРФЕМНЫЙ СОСТАВ СЛОВ

(предварительные замечания)

В общей характеристике (а частично и в определении) типов или разновидностей морфем было отмечено, что только корень — обязательная часть слова (при единственном, к тому же некатегорическом исключении: *вы-ну-ть*), а все другие морфемы, т. е. аффиксы во всех их разновидностях, напротив, в составе слов не обязательны, факультативны. Отсюда следует, что существует вполне обязательный минимум морфемного строения слов и он очень прост — корень. В соответствии с этим могут быть чисто корневые, состоящие только из корня, слова. Практически, однако, корневыми (в этом смысле) могут быть лишь некоторые виды слов — неизменяемые слова с дальнейшим огра-

ничением — служебные слова и местоименные наречия: *здесь, там, тут, в, на, или* и т. п.

Вхождение в слова (и наличие в словах) аффиксов регулируется двумя факторами или правилами: 1) аффиксы (разновидности, типы аффиксов) не исключают друг друга, и поэтому все они одновременно могут входить в состав одного слова; 2) аффиксы обычно не предполагают друг друга, поэтому они в составе слов могут быть в разных «наборах» — комбинациях.

В соответствии с этими правилами, а также на основе общего правила обязательности корня и факультативности аффиксов складывается несколько разновидностей морфемного состава (строения) простых слов (см. об этом подробнее Гл. 3, § 4).

Глава 3

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СМЕЖНЫЕ С НИМ ЯВЛЕНИЯ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Словообразование — вполне определенное явление языка, имеющее свои особенности. И тем не менее оно не всегда и не во всем достаточно отчетливо, однозначно и непротиворечиво отграничивается от словоизменения, морфемного состава и членности слов, от так называемой словообразовательной истории слов, этимологии и т. п. Это прослеживается и объективно — в самом соотношении явлений, и субъективно — в их предлагаемых истолкованиях.

Некоторые из этих явлений, особенно морфемный состав слов, а также их словообразовательная история и этимология, не просто связаны со словообразованием или смежны с ним, но созданы словообразованием, возникают как его следствие или продолжение: этимология, например, есть не что иное, как забытое словообразование. Есть и объединяющий структурный элемент — морфемы. И все-таки необходимо разграничивать словообразование и смежные с ним явления, что и составит определенную часть его общей характеристики. Но некоторые особенности словообразования должны быть отмечены отдельно.

§ 1. ОСНОВНОЙ ХАРАКТЕР СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Словообразование буквально значит образование слов. Самой характерной чертой словообразования, как оно представлено в современном языке, является то, что слова образованы и образуются от других слов, на базе других слов, уже имеющих-ся в языке: *рыба* — *рыбак*, *стол* — *столяр*, *белый* — *белить*, *бел-лина*, *луна* — *прилуниться* и т. п.

Принимая это положение, надо прежде всего правильно понимать выражение «слова образуются»: нельзя исходить из предположения, что слова просто возникают, образуются сами собой или что язык сам образует свои слова, хотя бы и на базе уже имеющихся слов, — такое допущение означало бы персонифи-

фикацию языка, превращение языка в субъект своего развития. Слова не возникают, а создаются — образуются говорящими на данном языке людьми, хотя обычно неизвестно, кем именно конкретные создатели слов, как правило, неизвестны, и слов сказываются всенародным достоянием не только при использовании их, но и при образовании, — поэтому применяется обобщенная, как бы обезличенная формула «слова образуются».

Вторая часть рассматриваемого положения — (слова образуются) на базе других, уже имеющихся в языке слов — тоже нуждается в пояснении. Слова образуются на базе других слов, а не выдумываются, например, как бы в пустоте или на пустом месте, и не конструируются путем простой комбинации языковых «стройматериалов» (Земская Е. А. Как делаются слова. М., 1963. С. 12 и др.) — морфем, имеющих определенное значение, или звуков, лишенных собственного значения, хотя слова в конце концов состоят из морфем и звуков. Нельзя также представлять дело так, что слова образуются на базе не слов, лишь корней, как это предлагается по аппликативной порождающей модели П. А. Соболевой (см. § 3, 4). Слова создаются на базе слов и сочетаний слов с использованием их звуковой матрицы, структуры и семантического содержания. Морфемы (корни и аффиксы) с их значениями используются при этом лишь как база новых слов и словообразовательные средства. Такой характер словообразования обуславливает существенные свойства производных слов: они вторичны (мотивированы) по форме и значению и структурны, притом двучастны (даже при нулевом аффиксе) — одна часть производного слова отражает производящую базу, другая — словообразовательный формант (*переплетать* — *переплет-чик*, *переходить* — *переход-ок*, *стол* — *столик*, *глухой* — *глушь-ок* и т. п.).

О двучастности производного слова (или основы) писал Г. О. Винокур: «...каждая производная основа в принципе делится на две морфемы, из которых первая есть основа производящая... а вторая аффикс, посредством которого эта производная основа создана из производящей»;¹ С. Г. Бархударов «...всякое производное слово делится лишь на две части: производящую основу (она может быть простой или сложной, это безразлично) и морфему, при помощи которой образовано данное производное слово».²

Мотивированность производных слов, наличие у них «представления» (внутренней формы) А. А. Потебня возводил в общий закон языка: «Представление составляет неременную ступенью возникающего слова».³

¹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1956. С. 441.

² Бархударов С. Г. Введение // Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. 2-е изд. М., 1964. С. 13.

³ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. В 4 т. Т. 1 — М., 1958. С. 34, 19.

Определенной трудностью для осмысления в синхронном плане являются слова со связанными корнями (*обуть* — *разуть* и т. п.): они производные, но вследствие утраты их производящих все характеристики их производности (мотивированность, выводимость и т. п.) выражаются у них неотчетливо. Еще большую трудность в этом отношении создают непроизводные слова: они существуют в языке не изначально и тоже были когда-то созданы, но производящих у них нет и «представления» они не имеют. Как пример таких слов А. А. Потебня приводил слово *рыба*: «Значение здесь непосредственно примыкает к звуку, так что кажется, будто связь между ними произвольна».⁴ Формально непроизводные слова к словообразованию уже не относятся, так как оно имеет дело только с производными словами. Но возникает другая сложная проблема. Производные и непроизводные слова в синхронии языка принципиально разные образования, и если бы словообразование просто остановилось перед непроизводными словами, то это по существу означало бы признание того, что слова языка базируются на двух началах, подчиняются двум законам: есть слова мотивированные (образованные) и немотивированные, произвольные, как бы «выдуманные». Частично эта проблема решается тем, что словообразование, остановившись перед непроизводными словами, передает их своему диахроническому продолжению — этимологии (см. § 6).

Но этимология может объяснить через восстанавливаемую производность пока далеко не все непроизводные слова: есть слова, «связь конх с предыдущими не только не чувствуется говорящими, но не известна и науке».⁵ Но, может быть, только пока, и действие «общего закона языка» со временем будет распространяться все далее в глубь истории языка. Не исключено, однако, что какие-то слова будут признаны исходно непроизводными. Они должны быть переданы в ведение теории происхождения языка. Но «реальный объект лингвистики — это нормальная и регулярная жизнь уже сложившегося языка».⁶

§ 2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ (ФОРМООБРАЗОВАНИЕ)

Словообразование и словоизменение — безусловно разные явления языка: словообразование — образование, создание слов, словоизменение — формально-семантическое видоизменение слов при их употреблении в речи, иначе — образование грамматических форм слов. Словообразование — появление слов, «вхождение» слов в язык, словоизменение — их функционирование, вхождение в речь. Но определить, являются ли те или иные конкретные словарные (лексемные) образования отдельными словами

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же.

⁶ Соссюрь Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1877. С. 105.

(словообразование) или формами одного слова (словоизменение), часто бывает очень трудно. Трудности разграничения словообразования и словоизменения почти неустраняемы, так как они связаны с самой сущностью этих явлений, реализующихся в значительной мере тождественным образом: как слова в словообразовании, так и формы слов в словоизменении различаются формально и содержательно, по значению. С некоторым огрублением можно сказать так: и в словообразовании, и в словоизменении формальное преобразование исходной лексической единицы сопровождается определенным семантическим преобразованием ее, например: *стол — столяр, столовый, столоваться; стол — столик, столице; стол — столы, стол — стола, столу, столом* и т. п., — всюду некоторое изменение формы для выражения определенного значения. Где и по какому критерию здесь проходит или может быть проведена граница между словообразованием и словоизменением?

Критериев в основном два: 1) лексическое — грамматическое различие в лексическом значении — результат словообразования, различие в грамматическом значении связано со словоизменением; 2) выводимость — невыводимость: в словообразовании первичное и вторичное слово, мотивирующее и мотивированное (а исторически обычно и разновременность), в словоизменении — одновременное сосуществование равновеликих, равноправных, рядоположенных форм слова.

Лексическое и грамматическое в слове в принципе разграничиваются довольно четко: лексическое значение — это индивидуальное значение каждого отдельного, конкретного слова, присущее только ему (синонимия и даже дублетность слов существа дела не мешают), грамматическое значение — обобщенное, категориальное значение, семантические свойства определенных совокупностей слов, сопутствующие их индивидуальным, лексическим значениям. Например, в предложениях: *Березы зазеленели. Вишни зацвели.* — Лексические значения слов разные (*березы, вишни* — определенные древесные растения; *зазеленели* — покрылись зелеными листьями, *зацвели* — распустили цветы, вступили в стадию цветения), а грамматические значения использованных при этом форм этих слов, попарно: *березы* и *вишни, зазеленели* и *зацвели* — полностью одинаковы: сущ. ж.р. в им. пад. ед. ч., глаголы сов. вида, прош. вр. мн. ч. Различие существенное и в пределах приведенных примеров вполне отчетливое. Это было отмечено и четко сформулировано еще А. А. Потебней: «...слово включает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других».⁷ А. А. Шахматов лексические значения слов называл

⁷ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике... С. 35.

реальными значениями, а грамматические значения, в общем содержания слов совмещающиеся с реальными, — сопутствующими значениями.⁸

Но практически лексическое и грамматическое в словах разграничивается не всегда отчетливо и строго. Не вполне ясно, например, лексические или грамматические изменения происходят в образованиях типа: *лес* — *лесок*, *лесочек*; *каша* — *кашка*, *молоко* — *молочко*; *белый* — *беловатый*, *беленький*; *делать* — *сделать* и т. п. Для разграничения лексического и грамматического, следовательно, тоже нужны определенные критерии. Лексическое видят, например, в прямом соотношении значения слова с внеязыковой реальностью, и в этом смысле образования *лес* — *лесок*, *белый* — *беловатый* имеют лексический (и следовательно, словообразовательный) характер: *лесок* 'небольшой лес'; *беловатый* 'не совсем белый'; а образования *лес* (-ок) — *лесочек*, *белый* — *беленький*, не отражая различий в объективной реальности, имеют грамматический (словоизменительный) характер, создавая так называемые формы субъективной оценки (В. В. Виноградов).⁹ Но это уже спорно, так как, с одной стороны, выражение разного рода отношений, субъективных оценок тоже может быть содержанием индивидуальных, лексических значений, да и сами отношения и оценки тоже нечто реальное; поэтому *лесочек*, *беленький* и т. п. нельзя решительно исключать из лексических образований — из сферы словообразования. С другой стороны, уменьшительность, увеличительность и т. п. — это своего рода категории, поэтому образования типа *лес* — *лесок*, а не только *лесочек*, могут быть отнесены к грамматическим, а не лексическим, т. е. к словоизменительным, а не словообразовательным. Сверх того, по этому критерию степени сравнения прилагательных и наречий, множественное число имен существительных должны быть отнесены к словообразованию, так как ими отражаются различия в объективной реальности: один предмет — много предметов, безотносительная степень качества — более высокая степень качества, и т. п. Но опять-таки есть категория числа, категория сравнения — не случайно образование мн. числа и степеней сравнения обычно относят к словоизменению.

В целом получается, что лексическое/грамматическое — существенный и важный критерий, но он не обеспечивает четкого и непротиворечивого разграничения словообразования и словоизменения, так как и сам оказывается неопределенным. Показа-

⁸ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. С. 432.

⁹ «...Уменьшительно-ласкательные суффиксы — суффиксы не словообразующие, а формообразующие»; «Уже в первой половине XIX в. русские грамматики учили, что категория субъективной оценки имен существительных обычно находит выражение в формах одного и того же слова» (Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 98 и 97).

тельно в этом отношении то, что не только словообразование/словоизменение ставят в зависимость от лексического/грамматического, но и, наоборот, лексическое/грамматическое в слове ставят в зависимость от разграничения словообразования/словоизменения: «Видимо, скептицизм, высказываемый некоторыми лингвистами по отношению к возможности разграничения лексической и грамматической семантики, следует считать результатом преувеличения известной зыбкости границ между словоизменением и словообразованием».¹⁰

Второй критерий (первичность — вторичность, выводимость — невыводимость) более определенный: в словообразовании, как правило, отчетливо различаются производящие слова и образованные от них производные: *лес* — *лесной*, *рыба* — *рыбак*, *писать* — *писатель* и т. п. (в диахронии языка исходное и производное слово разделяются обычно и временными интервалами); в словоизменении нет первичных и вторичных, производящих и производных грамматических форм слов, все формы, в принципе, равновелики и находятся в отношениях одновременного существования. Однако и среди грамматических форм слова выделяется так называемая начальная, или словарная, форма каждого слова (в этой форме слова указываются в словарях): им. пад. ед. ч. имен существительных, инфинитив глагола и т. п. Эти формы заслуживают известного предпочтения перед другими: они выражают значение соответствующих слов более отчетливо, чем другие формы тех же слов, например значение имен существительных как наименований предметов и явлений, значение глаголов как словесных указателей действия и т. п. Но исходными, производящими для других форм они при этом все-таки не становятся. Действительно, значение производящего слова при словообразовании находит определенное отражение или преломление в значении производного: *рыба* — *рыбак* 'тот, кто ловит рыбу'; *рыбный* (*суп*) 'из рыбы, с использованием рыбы', и т. п. При словоизменении этого нет, т. е. значение начальной формы никак не проявляется в значении других форм: именительный падеж, например, никак не представлен в значении косвенных падежей — каждый падеж имеет свое, независимое от других падежей значение; точно так же значение настоящего времени не отражается в значении прошедшего и будущего времени, и т. п.

Но и это различие не имеет абсолютной строгости: во многих случаях словообразования трудно определить направление производности (*пила* — *пилить*, *химия* — *химик*, *звать* — *зов* и т. п.); а в так называемой маркированности косвенных форм (косвенных падежей, косвенных наклонений и пр.) усматривается их производность, и т. п. В целом и этот критерий не дает однозначных и непротиворечивых результатов.

¹⁰ Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 317—318.

Как бы то ни было имеющиеся в литературе разграничения словообразования и словоизменения характеризуются значительной несогласованностью. Можно отметить, в частности, широкое и узкое понимание (или представление) словообразования. А так как словообразование и словоизменение, по существу, делят между собою некую общую сферу явлений, то широкому пониманию словообразования соответствует узкое понимание словоизменения и наоборот. Это можно показать на использованных ранее образованиях примерно так:

Широкое понимание словообразования	СТОЛ	БЕЛЫЙ	Широкое понимание словоизменения
	столяр	белить, -сть,	
	столовый	белок	
	столоваться	белизна	
	столик	беловатый	
	столище	беленький	
	столы	белсе, -ейший	
	стола, -у	белая, -ое	
	и т. д.	белого, -ому	
		и т. д.	

К широкому пониманию словообразования был склонен А. М. Пешковский: «Категории, обозначающие, как предсказуемо, зависимость одних слов в речи от других, называются синтаксическими... а категории, не обозначающие такой зависимости, несинтаксическими, или словообразовательными: книжица, книжонка». ¹¹ Несинтаксические формы слов интерпретируются как словообразование (на примере форм мн. числа сущ.) Н. А. Янко-Триницкой: «Несинтаксические формы слов не выражают отклонений между словами, а изменяют само лексическое значение слова, например: выписываю газету и выписываю газеты. Разные формы числа существительных указывают на различие в количестве предметов, не определяя отношения между словами... синтаксические формы... являются формами одного слова, а несинтаксические - формами разных слов». ¹²

К широкому пониманию словоизменения склонялся В. В. Виноградов, выделявший формы субъективной оценки: дом — домикко, домище, домина; столик, кашка, беловатый, беленький и т. п. ¹³

В истории этого вопроса были и крайние точки зрения: всюду только словообразование (А. А. Потебня, отчасти Л. В. Щерба). Обсуждая слово *верста*, А. А. Потебня писал: «...не только *верста* = 500 саженей есть слово отдельное и отличное от *верста* = возраст, *верста* = пара, но и *верста* в одном из этих значений есть иное слово, чем *версты*, *версте* и т. д. в том же лексическом значении, т. е. малейшее изменение в значении сло-

¹¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 31.

¹² Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. М., 1982. С. 4.

¹³ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 97.

ва делает его другим словом».¹⁴ Потебня, таким образом, отрицал не только словоизменение (всюду образование других слов), но и многозначность слов (всюду разные слова; при одинаковом звучании — омонимия слов). Эта крайняя точка зрения в науке не закрепились, и традиционно, при всей трудности разграничения соответствующих явлений, различаются словообразование и словоизменение, а также омонимия и многозначность слов.

Вообще говоря, возможна и противоположная точка зрения — все словоизменение, но она так отчетливо не формулировалась. Известно, однако, объединение словообразования и словоизменения в формообразование: «Изменение реляционного значения охватывается словоизменением; изменение... деривационного значения охватывается словообразованием. То и другое — формообразование — словоизменительное и словообразовательное».¹⁵ Если это не поглощение словообразования словоизменением (формообразованием), то по крайней мере такое их объединение, которое трудно расчленишь.

Но понятие формообразования используется и в другом смысле: чтобы как-то облегчить задачу разграничения словообразования и словоизменения, особенно в части явлений переходной зоны, некоторые исследователи вопроса предлагают выделить особую область формообразования — «образование форм слова, выражающих несинтаксические категории» (О. С. Ахматова. Словарь лингвистических терминов).

К несинтаксическим формам слов относят форму прош. вр. глаголов, причастия, деепричастия, степени сравнения, мн. ч. существительных и т. п. — в отличие от падежных форм существительных, личных форм глагола, согласовательных форм имен прилагательных, причастий и местоимений и т. п. В принципе это приемлемо, так как явление, противостоящее словообразованию, внутренне действительно неоднородно и делится по меньшей мере на эти две разновидности. Но терминологическое разграничение этих разновидностей как словоизменения и формообразования неудачно, так как содержательно оба эти термина равнозначны: изменение слов (словоизменение) — это образование их грамматических форм, т. е. формообразование, и наоборот: образование форм слова (формообразование) есть не что иное, как грамматическое изменение их, т. е. словоизменение. Поэтому нередко и вполне естественны, например, следующие формулировки: «... правила изменения слов будут, собственно говоря, правилами образования форм слов»;¹⁶ «По признаку наличия/отсутствия формообразования (или, что то же самое,

¹⁴ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. С. 15.

¹⁵ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 252.

¹⁶ Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка... М., 1952. С. 110.

словоизменения)...»;¹⁷ «...класс словоизменятельных, или формообразующих, морфем».¹⁸ Впрочем, имеются авторитетные свидетельства и другого понимания вопроса: «...три вида суффиксов: 1) словообразовательные, семасиологические, лексические, 2) суффиксы чисто формообразующие, без определенного лексического значения; 3) суффиксы флективные, синтаксические, или так называемые флексии».¹⁹

Словообразование, в свою очередь, тоже неоднородно: как в другой связи уже было отмечено, различается лексическая и синтаксическая деривация, мутационное и модификационное словообразование. Синтаксическая деривация, как можно судить и по термину, сближается с грамматическими явлениями и оканчивается, таким образом, на периферии собственно словообразования; периферийное положение занимает и модификационное словообразование.

И все-таки формообразование остается в сфере словоизменения, а синтаксическая деривация и модификация — в пределах словообразования, поэтому общая задача разграничения словообразования и словоизменения сохраняется. И решается она в силу существенных и неустраняемых трудностей в значительной мере (особенно в спорных, переходных зонах) путем условных допущений. Так, более или менее традиционно (и в значительной части это подкреплено авторитетом академических грамматик 1952, 1970 и 1980 гг.) из числа трудных и спорных случаев к словоизменению причисляется образование степеней сравнения, причастий, деепричастий, вида, залогов и — почти без колебаний — мн. ч. имен существительных.

В Грамматике-80, однако, залог, отнесен к «смешанному типу» категорий: в одной части (страдательные причастия) — к словоизменению, в другой части (возвратные глаголы) — к словообразованию (Т. I. С. 456). Противоречивой кажется интерпретация вида: «Видовая пара — это пара лексически тождественных глаголов сов. и несов. вида, различающихся между собой только грамматической семантикой вида» (как будто — словоизменение), но тем не менее «категория вида является пословоизменятельной»: *делать — сделать* — разные слова (Т. I. С. 583).

В порядке условных решений²⁰ можно сформулировать следующие формальные критерии: 1) все образования, сопровождающиеся сменой частей речи, в частности чисто синтаксическая деривация, — словообразование; 2) образования, характеризу-

¹⁷ Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981. С. 30.

¹⁸ Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М., 1965. С. 38.

¹⁹ Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т. I. М., 1963. С. 180.

²⁰ «В статической лингвистике, как и в большинстве наук, никакое доказательное рассуждение невозможно без условного упрощения исходных данных» (Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию... С. 130).

ющиеся собственными словоизменительными парадигмами, в частности все формы субъективной оценки (т. е. не только *домик*, но и *кашка*, не только *сероватый*, но и *серенький* и т. п.), виды, залого, причастия, превосходная степень, порядковые числительные, все разновидности местоимений, — словообразование (по этому критерию и мн. ч. сущ. — словообразование), 3) образования, сопровождающиеся утратой словоизменительной парадигмы исходной единицы (приобретение нулевой парадигмы: сравнительная степень, деепричастия и т. п.), — словообразование (при этом деепричастия и сравнительная степень, компаратив, должны быть признаны особыми частями речи, причастия — причислены к прилагательным). Возможны и другие критерии.

В зоне переходных явлений условные решения вполне возможны, и они используются во многих сферах науки и техники: сталь и чугун, например, различаются по количеству (в %) углерода в металле, картон и бумага — по весу квадратного метра материала, день и ночь разграничиваются или моментами восхода и захода солнца, или временной линией «шесть часов утра — шесть часов вечера», наконец просто как светлое и темное время суток, и т. п. Такие решения нередко приходят в явные противоречия, подобно тому как разграничение дня и ночи шестью часами утра и вечера приходит в противоречие с разграничением их по восходу и заходу солнца и как светлого и темного времени суток. Поэтому условные решения, в принципе допускаемые при рассмотрении конкретных вопросов, как правило, избегаются, и продолжают поиски убедительных однозначных решений.

§ 3. ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВ И ИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС («ДЕРИВАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ» СЛОВ)

Основные словообразовательные характеристики (средства и способы словообразования, словообразовательные значения и т. п.) выявляются в словообразовательных парах — через сопоставление производных слов с их производящими: *город — пригород*, *город — горожанин*, *город — городской*, *город — загородный* и т. п. Но производящие слова сами могут быть производными, например существительное *рыбак* служит производящим производных прилагательных *рыбацкий* и *рыбачий*, но и само является производным от слова *рыба*: *рыба — рыбак*, *рыбак — рыбацкий*, *рыбачий*. Тут, как сказано ранее, надо различать производность разной степени: *рыбак* — производное первой степени, *рыбацкий* и *рыбачий* — производные второй степени. Могут быть производные и последующих степеней: *сухой — сушить*, *сушить — осушить*, *осушить — осушение* и т. п. В школьном учебнике когда-то приводились такие примеры: «...слово *чернильница* образовано от *чернила*, а слово *чернила* — от *чер-*

нить, а слово *чернить* — от *черный*. Слово *мужественность* образовано от *мужественный*, а *мужественный* — от *мужество*, а *мужество* — от *муж*».²¹

В этом некоторые исследователи вопроса видят своего рода непрерывность словообразовательного процесса, разделенного лишь на отдельные этапы, или такты, звенья, шаги: *зима* — *зимовать* — *зимовщик*; *сухой* — *сушить* — *осушить* — *осушение*. И для словообразовательной характеристики производного слова предлагается учитывать все предшествовавшие ему словообразовательные шаги и такты. В обоснование такого подхода к словообразованию П. А. Соболева пишет следующее: «В отличие от распространенного понимания словообразовательной структуры слова, когда учитывается только соотношение производящей и производной основы, под словообразовательной структурой слова мы понимаем все деривационные шаги, необходимые для его получения, т. е. все такты производности, релевантные для синхронии. Так, например, слова *курение*, *ускорение*, *осушение*, относящиеся (т. е. относимые. — А. М.) обычно к одному и тому же словообразовательному типу существительных на *-ение* от глаголов ... с точки зрения генератора слов АИМ (аппликативной словопорождающей модели. — А. М.) попадают в три разных класса: R_2R_1O — *курение*, $R_2R_1R_3O$ — *ускорение*, $R_2R_1R_1R_3O$ — *осушение*».²² т. е., например, от корня *сух* — *сух-ой*, (*суш*)-и-ть, *о*(-суш-и-ть), (*о-суш*)-ени(е).

С таким представлением словообразования трудно согласиться, так как оно учитывает все, но не выделяет главного: словообразование может не остановиться на производном первого шага деривации, может сделать второй и третий шаг и т. д., но словообразование имеет все-таки отчетливо прерывистый характер, и каждый его шаг имеет самодовлеющую ценность. Слово *чернила*, например, было образовано не для того, чтобы от него можно было образовать еще и слово *чернильница*, а лишь для того, чтобы назвать определенное вещество, так же как и слово *сушить* было образовано без заботы о словах *сушка*, *осушить*, *осушение* и т. п. Поэтому для словообразовательной характеристики каждого производного слова достаточно выявить и охарактеризовать тот последний словообразовательный «шаг», который привел к образованию именно этого слова: *рыбак* — *рыбачий*, *чернила* — *чернильница*, *осушить* — *осушение*, *перераспределить* — *перераспределение*, *водопровод* — *водопроводчик* и

²¹ Бархударов С. Г., Досычева Е. И. Грамматика русского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1940. С. 28. — Этот пример воспроизведен С. Г. Бархударовым во Введении к «Словообразовательному словарю» З. А. Потихи (с. 12--13).

²² Соболева П. А. Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной порождающей модели // Проблемы моделирования языка. Тарту, 1969. Учен. зап. Тартус. ун-та. Вып. 228. С. 158. — R — реляторы словообразования, показатели производности: R_1 — реляторы глаголов, R_2 — существительных, R_3 — прилагательных, R_1 — наречий.

т. п. И это будет достаточная, полная, исчерпывающая словообразовательная характеристика соответствующего слова. Все другие шаги или такты к данному слову непосредственного отношения не имеют; они характеризуют его производящее или уредпроизводящее, а не само это слово. По отношению к данному слову совокупность словообразовательных шагов не более как его генезис, генеалогия.

Но сами по себе эти шаги имеют определенное, можно даже сказать — существенное значение и в самом словообразовании (дериватологии), и за его пределами: при общей характеристике словообразования (его «глубины» и пр. О глубине слов см. § 4), при определении состава или членимости слов в интересах правописания или выработки языкового чутья, языковой догадки и т. п. Как-то, косвенно и опосредованно, словообразовательные шаги характеризуют и данное производное слово, указывая на его вторичные и опосредованные мотивации: *крахмал* — *накрахмалить*, через *крахмал* — *крахмалить*, *крахмалить* — *накрахмалить*.²³ Опосредованная мотивация по разным причинам может усиливаться (в приведенном примере это связано с тем, что глаголы различаются главным образом по виду и семантически оба мотивированы исходным именем существительным), вплоть до словообразовательного перерасположения: *мода* — *модничать*, из *мода* — *модный* — *модник* — *модничать*; это же лежит в основе так называемой множественности мотиваций.²⁴ Но в целом непрямая, опосредованная мотивация нейтрализуется, как бы гасится, снимается непосредственной мотивацией, ср. *рыба* и *рыбацкий*: в значении прилагательного *рыбацкий* значение существительного *рыба* «закрывается» значением слова *рыбак*; в значении слова *чернильница* значение слов *черный* и *чернить* уже даже не просматривается. Но и в тех случаях, когда опосредованная мотивация проявляется довольно отчетливо: *сушильщик* 'тот, кто сушит, т. е. делает сухим', — в центре внимания должна оставаться непосредственная мотивация и последний словообразовательный шаг.

Как было сказано, словообразовательные шаги и такты в гораздо большей степени характеризуют не образование конкретных слов, а словообразование в целом, его перспективу, глубину и возможности: 1) заканчивается ли процесс словообразования одним шагом или возможны последующие шаги, 2) сколько их может быть, 3) каковы количественные соотношения в их реализации, 4) какие образования обычно оказываются конечными, «тупиковыми», а какие — промежуточными и т. п.

Глубина современного русского словообразования систематически еще не исследована, и поэтому можно пока привести

²³ Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977. С. 34 и след.

²⁴ Ширшов И. А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов н/Д, 1981.

лишь некоторые предварительные и частичные данные: уже в «Школьном словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова (М., 1978) представлено словообразование от 1 до 5—6 шагов: *камень — каменистый, зло — злой — злоба — злобить — озлобить — озлобиться — озлобление*. Эта характеристика в основном сохраняется и для большого «Словообразовательного словаря русского языка» (М., 1985): «...словообразовательная цепь минимально состоит из одной словообразовательной пары, максимум из семи пар. Седьмым звеном исчерпываются словообразовательные возможности русского языка... Цепи из 7 звеньев встречаются редко»: *мысль — мыслить — смыслить — смысл — осмыслить — переосмыслить — переосмыслить — переосмысляться; драть — задирать — задор — задорить — подзадорить — подзадоривать — подзадоривающий — подзадоривающе* (с. 44); *грязь — грязный — грязнить — загрязнить — загрязненный — загрязненность* и т. п.

Судя по Школьному словообразовательному словарю, преобладает словообразование в 1—2(3) шага. По Словообразовательному словарю сделано другое наблюдение: «Для русского языка характерны цепи из 3—4 звеньев» (с. 44). Детализированных данных по этому словарю пока нет. Приведем некоторые сведения, полученные на основе Школьного словообразовательного словаря: из 3290 исходно производящих основ (вершины гнезд) 1140 (34,7%) слов дали только одношаговые образования — минимальные и верные гнезда, от 1 до 16 производных слов при одном производящем, в них 2540 производных слов (9% от общего — 27 300 — количества производных слов); всего конечных образований одношаговых примерно 7350 (около 27%), двушаговых — 7330 (около 27%), трехшаговых — 4490 (около 16,5%), четырехшаговых — 940 (3,4%), пятишаговых — 35 слов (0,1%); наконец, всего образований на первом шаге, включая и неконечные, — 51%, на втором — 32,5%, на третьем — 13,5%, на четвертом — 2,5%, на пятом — менее 0,5%. Одно- и двушаговые образования вместе составляют 33,5%, одно-, дву- и трехшаговые — 97%. Примеры многошаговых цепей:

диво — дивить — удивить — удивительный — удивительность;
добро — добрый — доброта — добротный — добротность;
дыра — дырявый — дырять — продыривить/продыривлять — продыривлявание;
клей — клеить — склеить/склеивать — склеивание;
круг — круглый — круглить — округить/округлять — округляться;
лад — ладить — наладить/налаживать — налаживание.

§ 4. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И МОРФЕМНЫЙ СОСТАВ СЛОВ

Словообразование и морфемный состав слова — разные явления, разные характеристики слов. Они различаются объектами, целями и результатами анализа. Объектом словообразовательного анализа являются лишь производные и сложные сло-

ва (непроизводные слова — только фон), объектом анализа по составу служат все слова, производные и непроизводные, например *вод-а*. Цель словообразовательного анализа — определение того, как образовано каждое конкретное слово, и обобщение соответствующих явлений, цель анализа слов по их составу — выявление морфем в составе каждого слова и обобщение этих явлений. Для словообразования все производные слова в принципе двучастны (производящая база и словообразовательный формант), и словообразовательный анализ вскрывает эту двучастность, для анализа по составу слова п-частны, и анализ вскрывает все морфемы слова от одной до максимального их предела.

Но совсем недавно, по крайней мере в школьной практике, эти явления постоянно смешивались, четко не разграничивались, а словообразовательный анализ слов обычно подменялся анализом по составу. Это было характерно и для значительной части научно-методической литературы. Так, к примеру, «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи (М., 1964, 2-е изд.) называется «словообразовательный», но в нем представлен исключительно морфемный состав слов (ср. Словообразовательный словарь А. Н. Тихонова). С. Г. Бархударов, научный редактор Словаря З. А. Потихи, во Введении к Словарию писал: «Словарь З. А. Потихи называется словообразовательным. На самом же деле слова, включенные в него, расчленены на морфемы... По существу, словарь должен был называться морфологическим, вернее, морфемным, так как в нем указывается состав морфем в словах. В школе же, точно так же, как в школьной программе и школьном учебнике, а также в многочисленных методических пособиях по морфологии, строгого и принципиального разграничения между словообразованием и анализом состава морфем в слове не проводится» (с. 12). Теперь в школьных программах и учебниках в этом отношении проведены существенные изменения, перестраивается и методическая литература, но смешение словообразования с морфемным составом слов, подобно смешению звука и буквы, приобрело уже, видимо, силу привычки или предрассудка и до конца не преодолено и теперь. А получившая распространение в словообразовательном анализе ориентация на учет всех деривационных шагов задерживает преодоление этой привычки и предрассудка.

Но морфемная структура слов или, более осторожно, морфемный состав слов и сам по себе, и в связи с другими явлениями языка — важная сторона характеристики слов. Он может быть использован как основа (одна из основ) «догадки» о значении слов,²⁵ он служит базой правописания слов (морфологи-

²⁵ И. Г. Милославский, говоря о словообразовательном синтезе, выделял «правила, с помощью которых можно... понимать членимые русские слова» (Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. С. 4).

ческий принцип орфографии); он подлежит учету и в связи со словообразованием, так как в главной своей части создается словообразованием, является его следствием (другая часть морфемного состава слова связана со словоизменением). Морфемный состав слова — это застывшая в морфемах словообразовательная история (точнее — генеалогия) данного слова и его генетических (словообразовательных) предшественников, например *о-суш-ни-е*, это своеобразная компрессия, сжатие ряда разновременных словообразовательных актов: *сухой* — *сушить* — *осушить* — *осушение*, и т. п.

Морфемная сторона слов имеет разнообразные проявления, поэтому термины «морфемная структура слов», «морфемный состав слов», используемые обычно как равнозначные, можно признать обобщенным, недифференцированным обозначением соответствующих явлений. Известное распространение получило различение длины и глубины слов: длина слова — это количество слогов в нем (говорят также: длина слова измеряется количеством слогов), глубина слова — количество морфем в нем (измеряется количеством морфем). Но если количество слогов в слове указывает на его длину, то и количество морфем тоже лишь его длина, только не фонетическая, а морфологическая. Понятие и термин «глубина слова» более подходит к характеристике слов по степени их производности, по количеству словообразовательных шагов в их словообразовательной генеалогии. Слово *переплетчик*, например, имеет вторую степень производности (его глубина — 2 шага): *плести* — *переплести* (*переплести*) — *переплетчик*. Длина же этого слова с учетом нулевого окончания — четыре морфемы. В расчлененной записи: (*переплет*)-чик и *пере-плет-чик-а*.

Но есть еще одна морфемная характеристика слов, безразличная к их глубине, но и не сводимая к их длине: характеристика, учитывающая количество морфем и их типы. Слова *пригород* и *городской*, например, имеют одинаковую глубину (первая степень производности) и равную длину (три морфемы: в слове *пригород* — нулевое окончание), но по морфемному строению это разные типы слов: слово *пригород* имеет приставку и не имеет суффикса (приставочное слово), а слово *городской*, напротив, имеет суффикс и не имеет приставки (суффиксальное слово). Эту характеристику слов можно, в отличие от длины и глубины, обозначить термином «морфемное строение» (в Грамматике-80 — «морфное строение». — Т. 1. С. 130).

В целом можно различать следующие морфемные характеристики слов: 1) морфемный состав, или длина слов (количество морфем в слове); 2) морфемная структура, или глубина слов (количество и последовательность шагов его словообразовательной истории); 3) «морфемное строение» слов (количество и характер морфем).

1. Морфемная длина простых слов (словоформ) в современ-

ном русском языке находится в пределах «от одного до восьми морфем» (Грамматика-80. Т. 1. С. 130): *там* — по-из-гря-н-и-л-и-сь. Но это лишь эмпирическая характеристика данного явления. Возможно, однако, и теоретическое представление (исчисление) его. Морфемная длина слов зависит от того, какие морфемы могут быть в слове (сколько разных морфем в слове) и сколько может быть морфем каждого типа (сколько одноименных морфем).

Типы морфем известны: корень (К), приставка (П), суффиксы (С), окончания (О) и постфиксы (П'). Известно также, что только корень — обязательная часть слова (слово-исключение *вынуть* можно в расчет не брать), все другие морфемы в составе слов факультативны, но все они в составе слова могут быть одновременно. Отсюда следует, что может быть несколько схем (моделей) морфемного состава слов: 1) принципиальная (факультативные морфемы даны в скобках): (П)—К—(С—О—П'), 2) минимальная: К (*там*), 3) полная: П—К—С—О—П' (*пере-пис-ыва-ют-ся*). Возможна и четвертая модель слова — максимальная, отражающая максимальную длину слова: она строится на основе полной модели с учетом возможных количеств одноименных морфем в составе слов. Промежуточные состояния от полной модели до максимальной пропускаем.

Типы морфем по количеству их представителей в составе простых слов (словоформ) характеризуются следующими показателями:

1) корень в простых словах обязателен, и только один (1): *там*, *вод-а*, *дом-о*, *пере-пис-ать* и т. п.; 2) приставки факультативны (0—3):²⁶ *брат-ь*—из-брат-ь, *пере-из-брат-ь*, *пере-из-бран-ный*; *пре-не-при-ят-ный*, *пере-рас-пре-де-лить*, *пере-про-из-вод-ство*; 3) суффиксы факультативны (0—3): *город*(о), *город-ск*(ой), *пис-а-тель*(о), *брод-яж-ни-к*(и), *пис-а-тель-ск*(ий), *серн-оват-ист*(ый), *рас-кудр-яв-и-ви-*(и)е-ся и т. п. (единичные образования с четырьмя суффиксами — *незамедл-и-тель-н-ость* — при исчислении максимальной длины и, далее, — морфемного строения слов можно для простоты не учитывать); 4) окончания факультативны (0—1): *там*, *вод-а*, *дом-о*, *нов-ый*, *нов-о* и т. п. (образования с двумя окончаниями — *пят-и-десят-и*, *вагон-а-ресторан-а* и т. п. — в расчет не берутся); 5) постфиксы факультативны (0—1): *учу* — *учу-сь*, *кто* — *кто-то* и т. п. (единичные образования с двумя постфиксами: *соберем-те-сь* — в формулах исчисления в расчет не берутся).

С учетом проведенного расчета четвертая, максимальная, модель морфемного состава слов (модель исчисления максимальной длины слов) примет следующий вид:

²⁶ «Препфиксальных последовательностей, состоящих более чем из трех морфем, в исследованном объеме слов (75 тысяч. — А. М.) не обнаружено» (Ефремова Т. Ф. Опыт составления словаря морфем русского языка // Русский язык в национальной школе. 1969. № 4. С. 10. См. 17).

типы морфем

пределы их количества в слове

П — К — С — Д — П'

0—3 1 0—3 0—1 0—1

Максимальная морфологическая (морфемная) длина слов есть сумма максимумов одноименных морфем, одновременно возможных в составе слов, т. е. $3+1+3+2+2=9$. Таким образом, максимальная морфемная длина слов в русском языке — 9 морфем. Как было отмечено в начале этого раздела, реализованы (или пока выявлены) слова длиной до восьми морфем. Примеры:

- (1) там, туда, (2) от-туда, вод-а, дом-у, пи-ть, нес-ти, бег-ом, нес-я, (3) не-от-куда, стен-н-ой, сад-ик-у, (4) пере-пис-ыва-ть, пере-пис-а-ть, (5) пере-пис-ыва-ть-ся, (6) при-от-кры-ва-ют-ся, (7) рас-кудр-яв-и-ви-и-е-ся, не-за-медл-и-тель-н-ый, (8) по-на-вы-дерг-ива-ло-сь, по-из-гряз-н-и-и-и-сь, не-за-медл-и-тель-н-ость-ю.

Длина сложных слов — от 2—3 морфем (две морфемы — без учета нулевого интерфикса) до 10 и, видимо, более морфем: Нов-о-город-о, ночо-лег-о, с-ум-а-с-брод-о, сам-о-о-пыл-я-ющ-и-з-ся, пыл-е-влаг-о-не-про-ниц-а-ем-ость-о (11 морфем; Грамматика-80. Т. 1. С. 131), дв-ух-тысяч-е-пят-и-сот-о-лет-и-й/-е (11 морфем; Словообразовательный словарь. Т. 1. С. 25; там же: «В системе сложных слов нередки образования, в которых выделяются по 9, 10, 11, 12, 13, 14 и т. д. частей».

Данных о количественном распределении слов по их морфологической длине нет (в Грамматике-80 сказано лишь, что среди простых слов «наиболее распространены трех- и четырехморфемные последовательности». — Т. 1. С. 13). Образцом, на который должны равняться разыскания в этом направлении, могут служить результаты фонетической характеристики слов: пределы фонетической (слоговой) длины слов и соотношения их длинностных типов теперь выявлены уже на значительном словарном материале. В Обратном словаре 121532 слова распределены по слоговым длинам так:

Количество слогов	Количество слов	%	Примеры
0	19	0,02	э, к, с
1	2367	1,95	да, ум, сон, стол, столб, страх
2	15 728	12,94	река, село, город, портрет, нести
3	37 528	30,88	пригород, машина, веселый, хорошо
4	33 556	27,61	переплетчик, растение, переписать
5	19 035	15,66	преподаватель, поражение, переписыва- ть
6	8892	7,32	преподавание, лексикология
7	3296	2,71	преподавательница, головокружение
8	874	0,72	перераспределение
9	175	0,14	переоборудование
10	53	0,04	акклиматизировавшиеся
11	8	0,01	неакклиматизировавшиеся
12	1	0,00	интернационализирование

Итого 121 532 100

Слова длиной в 3—4—5 и 2 слога составляют 87%.

2. Словообразовательную или морфемную структуру (глубину слов принято отображать с помощью скобочной записи их морфемного членения, например *(рыб-ац)-к-ий*, что означает, что слово *рыбацкий* имеет вторую ступень производности или два шага глубины: *рыба* — *рыбак* и *рыбак* — *рыбацкий*; [*о-(суш)-*]-*ени-е* — третья степень производности (глубина в три шага), т. е. *сухой* — *сушить* — *осушить* — *осушение*, и т. п.

Начало скобочной записи положил Г. О. Винокур: «...морфологическая структура русского слова такова, что внутренняя зависимость между производящими и производными основами разных степеней обнаруживается в последовательном, а не одновременном присоединении морфем, составляющих основу каждой новой степени по сравнению с предшествующей... Соответственно морфологическая структура слова *сберегательский* выразится так: <{[(с-берег)-а]-тель}-ск}-ий>.²⁷ Использовал ее и С. Г. Бархударов: «...бинарную...конструкцию... слов принято изображать в виде такой схемы: {[(производ)-ств]-енн}-ик>.²⁸ П. А. Соболева словообразовательные шаги обозначает, как было показано в § 3, с помощью соответствующих реляторов: *осушение* — $R_2R_1R_1R_20$, т. е. (начиная от нуля — от корня) *сух* — *сухой* — *сушить* — *осушить* — *осушение*.²⁹ В «Школьном словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова глубина слов и шаги их словообразовательной истории передаются путем записи конкретных производных слов вправо от исходного производящего: слова последовательного образования — с отступом на каждый шаг (слова параллельного образования, одной ступени образования, сопроизводные — столбиком на соответствующем шаге, здесь они указаны в скобках): *зло* — *злой* — *злоба* (и *злость*) — *злوبيшь* — *озлобить* — *озлобленный* (и *озлобление*, *озлобиться*) — *озлобленность*.

В двухтомном Словообразовательном словаре глубина слов отражается путем записи производных слов столбиком с уступами вправо:

клей	зл(о)
кле-и-ть	зл(-о-ой)
с-клеить	зл-об(а)
скле-ива-ть	зл-об-и-ть
склеива-ль(щик)	о-зл-обить
склеиваль-щик-а	озлобл-ени(ый)
	озлобленн-ость

Слово *склеивальщица* имеет глубину в 5 словообразовательных шагов, слово *озлобленность* — в 6 шагов; непронизводные, корневые слова имеют нулевую глубину. По аппликативной порождающей модели словообразования (П. А. Соболева), порожд-

²⁷ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. С. 441.

²⁸ Бархударов С. Г. Указ. соч. С. 13.

²⁹ Соболева П. А. Исследования словообразовательной системы...

дающей и корневые, производные, слова, глубина всех слов будет на шаг больше: *склеивальщица*: $R_2R_2R_1R_1R_20$.

Словообразование от корня (в формулах А. П. Соболевой — от нуля) не имеет общего признания. По свидетельству Л. В. Щербы, А. Мейе даже от этимологии требовал, чтобы она «просто продолжала историю данного реального слова, производя его не от корня, а от слова же...».³⁰

Глубина слов в русском языке, как было уже отмечено, находится в пределах от одного шага до 4—5, исключительно редко до 7 шагов производности: *лес* — *лес-н(ой)* и *зло* — *злой* — *злоба* — *злостить* — *озлостить* — *озлобленный* — *озлобленность*.

Словообразовательную глубину слов можно определить по количеству словообразовательных морфем (формантов, дериваторов) в слове, с учетом нулевых: *о-зл-обл-енн-ость* — приставка и четыре суффикса (в прилагательном *злой* — нулевой: *зл-0-ой*). В префиксально-суффиксальных (конфиксальных, циркумфиксальных) образованиях приставка и суффикс считаются за один формант (конфикс, циркумфикс — единый, но расчлененный формант).

Характеристика слов по структуре (глубине) строится на основе только словообразовательных морфем (словообразовательная глубина равна количеству дериваторов) без учета словозменения; при характеристике слов по их морфологической длине учитываются все морфемы — словообразовательные и словозменные, а также корневая, исходная морфема. Поэтому в количественном выражении длина слов всегда превосходит глубину по меньшей мере на единицу (непроизводные неизменяемые слова, например *там*: длина — 1 морфема, глубина — нуль), но может превосходить на две единицы (непроизводные изменяемые слова, например *вод-а*: длина — две морфемы, глубина — нулевая) и даже на три единицы — производные слова комбинационной аффиксации, например *за-реч-н-ый*, *про-стен-ок-0*: длина — 4 морфемы, глубина — 1 шаг (1-я степень производности).

3. Характеристика слов по их морфемному (Грамматика-80 — «морфному») составу («строению»), как было сказано в самом начале, безразлична к глубине и по-разному учитывает длину, так как принимает во внимание не только количество морфем, но и их характер, тип (см. приведенное ранее сравнение слов *пригород* и *городской*). Поэтому «строение» слов гораздо более разнообразно, чем их длина и глубина: только среди простых слов «выделяются 57 типов морфного строения»

³⁰ Щерба Л. В. Памяти А. Мейе // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 409.

(Грамматика-80. С. 130). В Грамматике-80 типы «морфного строения» выделены, как и длины слов, чисто эмпирически, без теоретического исчисления их, но такое исчисление возможно. Основой может быть приведенная ранее модель-формула максимальной длины слов: П—К—С—О—П'—с указанием возможного количества одноименных морфем (С—от 0 до 3 и т. п.). В этом случае берется не сумма максимумов (это максимальная длина слов), а произведение чисел, отражающих все (в принятых границах, т. е. у С, например, от 0 до 3) возможные случаи количественной представленности в словах каждой из морфем; П и С дают по четыре таких случая (0, 1, 2, 3), О и П'—по два (0, 1), К в простых словах представлен всегда (и только 1). Все это можно передать следующей условной записью:

типы морфем	П	—	К	—	С	—	О	—	П'
пределы их количества в словах	0—3		1		0—3		0—1		0—1
количество возможных «случаев»	4		1		4		2		2

Произведение чисел 4, 1, 4, 2, 2 (=64) и даст количество теоретически возможных типов «морфемного строения» простых слов: в русском языке (в принятых ограничениях!) может быть 64 типа морфемного строения слов. Реализованы в конкретных словах, видимо, не все теоретически возможные типы: Грамматика-80, как было сказано, выявила лишь 57 типов.

Возможные 64 типа дают четыре равных (по 16 типов) подгруппы: 1) слова с любым набором приставок и суффиксов, но без окончаний и постфиксов (это наречия и деепричастия невозвратных глаголов; если показатель инфинитива суффикс, а не окончание, то сюда относятся также инфинитивы), 2) слова с приставками, суффиксами и окончаниями, но без постфиксов (все изменяемые слова, кроме возвратных глаголов и неопределенных постфиксальных местоимений), 3) слова с приставками, суффиксами и постфиксами, но без окончаний (возвратные деепричастия и неопределенные постфиксальные наречия), 4) слова, имеющие в своем составе все типы морфем (возвратные глаголы и изменяемые неопределенные постфиксальные местоимения).

Состав и соотношение указанных групп можно представить следующей схемой морфемного строения слов:

		17) K—O	
		18) K—C—O	
		19) K—C—C—O	
		20) K—C—C—C—O	
		21) П—K—O	
		22) П—K—C—O	
		23) П—K—C—C—O	
		24) П—K—C—C—C—O	
	+O	25) П—П—K—O	
		26) П—П—K—C—O	
		27) П—П—K—C—C—O	
		28) П—П—K—C—C—C—O	
		29) П—П—П—K—O	
		30) П—П—П—K—C—O	
		31) П—П—П—K—C—C—O	
		32) П—П—П—K—C—C—C—O	+O, П'
1) K			
2) K—C			
3) K—C—C			
4) K—C—C—C			
5) П—K			
6) П—K—C			
7) П—K—C—C			
8) П—K—C—C—C			
9) П—П—K			
10) П—П—K—C			
11) П—П—K—C—C			
12) П—П—K—C—C—C			
13) П—П—П—K			
14) П—П—П—K—C			
15) П—П—П—K—C—C			
16) П—П—П—K—C—C—C			
	+П		
		33) K—П'	
		34) K—C—П'	
		35) K—C—C—П'	
		36) K—C—C—C—П'	
		37) П—K—П'	
		38) П—K—C—П'	
		39) П—K—C—C—П'	
		40) П—K—C—C—C—П'	
		41) П—П—K—П'	
		42) П—П—K—C—П'	
		43) П—П—K—C—C—П'	
		44) П—П—K—C—C—C—П'	
		45) П—П—П—K—П'	
		46) П—П—П—K—C—П'	
		47) П—П—П—K—C—C—П'	
		48) П—П—П—K—C—C—C—П'	
			IV
		49) K—O—П'	
		50) K—C—O—П'	
		51) K—C—C—O—П'	
		52) K—C—C—C—O—П'	
		53) П—K—O—П'	
		54) П—K—C—O—П'	
		55) П—K—C—C—O—П'	
		56) П—K—C—C—C—O—П'	
		57) П—П—K—O—П'	
		58) П—П—K—C—O—П'	
		59) П—П—K—C—C—O—П'	
		60) П—П—K—C—C—C—O—П'	
		61) П—П—П—K—O—П'	
		62) П—П—П—K—C—O—П'	
		63) П—П—П—K—C—C—O—П'	
		64) П—П—П—K—C—C—C—O—П'	

Все это разнообразие конкретного морфемного строения слов может быть сведено к нескольким основным типам. Они были уже намечены (см. с. 74): 1) минимальный состав — только корень (в приведенной схеме — № 1), 2) полный состав — все разноименные морфемы без повторений (№ 54), 3) максимальный состав — все разноименные морфемы с максимально допустимым повторением одноименных морфем (№ 64), 4) промежуточные составы, переходные между минимальным, полным и максимальным составами (№ 2—53, 55—63).

Приведем соответствующий иллюстративный материал с некоторыми количественными данными.

Систематических количественных данных по этой характеристике слов нет. Можно воспользоваться некоторыми подсчетами по «Школьному словообразовательному словарю» З. А. Потихи (изд. 2. М., 1964; ок. 25 000 слов); в подсчеты берутся лишь имена существительные (ок. 11 000 слов).

1) K: в, с, от, да, нет, вдруг, пальто

2) K—C: хорош-о, круг-ом

3) K—C—C: сторон-к-ой (наречие), ноч-ева-ть,, ноч-у-я(-уй-а)

- 4) К—С—С—С: брод-яж-нича-я(-ай-а)
- 5) П—К: ни-где, от-ныне, от-куда, от-туда, от-сюда, кое-где
- 6) П—К—С: по-утр-у, по-друг-ому (наречия)
- 7) П—К—С—С: в-плт-ер-ом, по-дел-ов-ому, на-плут-ова-в
- 8) П—К—С—С—С: на-гряз-н-и-в
- 9) П—П—К: ни от-куда, ни от-туда, не от-куда
- 10) П—П—К—С: в-до-гон-ку (у Потихи: в-до-гон-к-у), при-от-кры-в
- 11) П—П—С—С: при-от-кры-ва-я(-ай-а)
- 12) П—П—К—С—С: по-на-гряз-н-и-в
- 13) П—П—П—К: тип, видимо, не реализован
- 14) П—П—П—К—С: по-при-о-сты-в
- 15) П—П—П—К—С—С: по-при-о-сты-ва-я(-вай-а)
- 16) П—П—П—К—С—С—С: не реализован
- 17) К—О: стен-а, сел-о, стол-Ø, стол-ы, бел-ый, нес-у (сущ-х: 2500)
- 18) К—С—О: вод-иц-а, стол-яр-Ø, сер-еньк-ий, толк-н-у (4100)
- 19) К—С—О: тк-ач-их-а, скор-ост-н-ой, сол-и-ли (2100)
- 20) К—С—С—О: чуд-ак-оват-ост-и (300)
- 21) П—К—О: при-город-Ø, -ы, пре-весел-ый, от-вез-ут (246)
- 22) П—К—С—О: пере-воз-к-а, пере-плет-чик-Ø, вз-дрос-н-ут (758)
- 23) П—К—С—С—О: раз-брак-ов-к-а, вы-нос-лив-ость-Ø, про-вер-оч-н-ый, про-толк-ну-л-и (580)
- 24) П—К—С—С—С—О: за-готов-и-тель-ниц-а, без-рад-ост-н-ость-Ø (144)
- 25) П—П—К—О: по-вы-дер-ут, за-на-вес-Ø (6)
- 26) П—П—К—С—О: за-на-вес-к-а, пере-на-сыт-и-ть (ть — окончание), пере-ни-сыщ-ени-е (-ений-э), при-со-един-и-ть (10)
- 27) П—П—К—С—С—О: не-до-вер-чив-ость-Ø, пере-во-оруж-и-ви-ий (116)
- 28) П—П—К—С—С—С—О: не-при-кос-нов-енн-ост-и, не-воз-держ-а-нн-ост-и (22)
- 29) П—П—П—К—О: по-при-о-сты-ть
- 30) П—П—П—К—С—О: по-при-о-сты-л-и, по-на-вы-пис-ыва-и-ть
- 31) П—П—П—К—С—С—О: по-на-вы-пис-ыва-л-и, не-о-про-вер-ж-и-л-ост-и
- 32) П—П—П—К—С—С—С—О — не реализован
- 33) К—П': где-то, где-либо, где-нибудь, куда-то
- 34) К—С—П': тряс-я-сь
- 35) К—С—С—П': толк-ну-вши-сь
- 36) К—С—С—С—П': горб-ат-и-вши-сь
- 37) П—К—П': от-куда-то, от-куда-нибудь
- 38) П—К—С—П': ис-пек-ши-сь
- 39) П—К—С—С—П': о-гляд-ыва-я-сь
- 40) П—К—С—С—С—П': на-брод-яж-нича-вши-сь
- 41) П—П—К—П': не реализован
- 42) П—П—К—С—П': при-от-кры-вши-сь
- 43) П—П—К—С—С—П': при-от-кры-ва-я-сь
- 44) П—П—К—С—С—С—П': по-из-гряз-н-и-вши-сь
- 45) П—П—П—К—П': не реализован
- 46) П—П—П—К—С—П': по-при-от-кры-вши-сь
- 47) П—П—П—К—С—С—П': по-при-от-кры-ва-вши-сь
- 48) П—П—П—К—С—С—С—П': не реализован
- 49) К—О—П': бер-у-сь, бер-ут-ся, как-ой-то, как-ая-нибудь
- 50) К—С—О—П': толк-н-ет-ся, толк-ну-ть-ся
- 51) К—С—С—О—П': горд-и-ви-и-сь
- 52) К—С—С—С—О—П': кудр-яв-и-ви-и-сь
- 53) П—К—О—П': за-тряс-ут-ся, возм-м-у-сь, при-сол-и-те (-и — окончание: Грамматика-80, С. 620)
- 54) П—К—С—О—П': при-кры-ва-ют-ся
- 55) П—К—С—С—О—П': пере-шум-ива-л-и-сь
- 56) П—К—С—С—С—О—П': рас-кудр-яв-и-ви-и-сь
- 57) П—П—К—О—П': при-от-кры-ть-ся, при-от-кро-ют-ся(ой-ут)
- 58) П—П—К—С—О—П': при-на-кры-ви-и-сь

- 59) П-П-К-С-С-О-П': *пере-ни-сыт-и-ви-ий-ся*
60) П-П-К-С-С-О-П': *по-из-гря-н-и-и-и-сь*
61) П-П-П-К-О-П': *по-при-от-кро-ут-ся-(ой-уг)*
62) П-П-П-К-С-О-П': *по-на-вы-дер-жи-в-ся*
63) П-П-П-К-С-С-О-П': *по-на-вы-дер-жи-ва-и-и-сь*
64) П-П-П-К-С-С-О-П': не реализован.

Некоторые структуры сложных слов:

- 1) К—К—О: *ноч-лег-о, ноч-лег-а, Нов-город-о* (м. б., нулевой интерфейс *ноч-о-лег-о*)
- 2) К—И—К—О: *снег-о-пад-о, лед-о-кол-ы, сол-с-вар-о*
- 3) К—И—К—С—О: *молот-о-бой-цы, земл-е-дель-цы, сен-о-кос-я-ый*
- 4) П—К—И—К—О: *о-плод-о-твори-и* (и — окончание повелительного наклонения. Грамматика-80. Ч. I. С. 620)
- 5) П—К—И—К—О—П': *о-плод-о-твори-и-те*
- 6) П—К—И—К—С—О: *о-плод-о-твори-ать*
- 7) П—К—И—К—С—С—О: *о-плод-о-твори-а-и*
- 8) П—К—И—К—С—С—О—П': *о-плод-о-твори-а-и-сь*
- 9) К—И—П—К—С—О: *земл-е-про-ход-цы*
- 10) К—И—К—И—П—П—К—С—О: *плл-е-вод-о-не-про-ниц-а-ем-ый*
- 11) К—И—К—И—П—П—К—С—С—О: *плл-е-вод-о-не-про-ниц-а-ем-ость-о*

Весьма усложненной морфемная структура может быть у сложных порядковых числительных: *ст-о-вось-ми-десят-и-тр-ех-тысяч-н-ый* (11 морфем). То же у сложных прилагательных на их основе: *тысяч-а-двух-сот-пят-и-десят-и-лет-н-ий* (14 морфем).

§ 5. СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В начале данной главы (§ 1) было упомянуто об отношениях между словообразованием и этимологией. Словообразование и этимология соотносятся между собой как актуальное языковое состояние в сфере образования слов и состояние, утраченное для непосредственного языкового сознания. Такое соотношение иногда определяется как синхрония и диахрония словообразования. Но синхрония и диахрония в словообразовании не сводятся к соотношению словообразования и этимологии. Поэтому рассмотрим эти соотношения отдельно: синхрония и диахрония в словообразовании (данный параграф), словообразование и этимология (§ 6).

В истории становления науки о словообразовании в русском языкознании можно отметить три основных этапа: 1) различение первообразных и производных слов (начало у М. В. Ломоносова,³¹ более определено в академической «Российской грамматике» 1802 г. и у А. Х. Востокова³²), 2) различение производных и производящих слов (В. А. Богородицкий³³ и др.).

³¹ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Л., 1952.

³² Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831. С. 4—5.

³³ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Казань, 1904. С. 98.

3) различие структуры (морфемного состава) и образования слов, выделение собственно словообразования (Г. О. Винокур и др., но особенно И. Д. Арутюнова).³⁴

В настоящее время словообразование как наука (дериватология) вступает в четвертый этап своей истории, который можно определить как разграничение синхронии и диахронии³⁵ в его объекте, в образовании слов. Этот этап только еще начался и находится в периоде становления: многое здесь остается еще неясным, спорным, противоречивым.

Первое проявление нового этапа истории словообразования в нашем языкознании можно связать с выходом книги «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка» (М., 1966). Обращение к синхронии и диахронии в словообразовании как явлению языка, к их соотношению между собой побудило авторов соответствующего раздела «Основ...» пересмотреть некоторые уже сложившиеся понятия и термины из области словообразования: «Термины „производность“, „производный“ и „производящий“ относятся прежде всего к диахроническому аспекту словообразования; для описания синхронных словообразовательных отношений более удобны термины „мотивирующий“ и „мотивированный“».³⁶ Это было первое прямо и отчетливо сформулированное решение основного вопроса словообразования, вставшего на новом этапе его развития. Смысл этого решения состоит в утверждении, что производность, образование слов — достояние диахронии языка, а в синхронном состоянии языка, т. е. на каждом конкретном этапе его развития, в частности и в современном русском языке, — только структурно-семантическое соотношение мотивированных и мотивирующих слов; замена терминов — явно производное от понимания существа вопроса. Можно, однако, заметить, что произошел отказ от основных, наиболее важных понятий и терминов словообразования, выработанных на предыдущих этапах его развития, в том числе и от производности слов, лежащей в основе всего явления словообразования. Было бы более последовательно отказаться и от самого словообразования: если нет производности слов, нет производных и производящих слов, то

³⁴ Арутюнова И. Д. Некоторые вопросы образования и морфологии основ слова // Филологические науки. 1958. № 1.

³⁵ Следует иметь в виду, что речь идет о разграничении синхронии и диахронии в собственно словообразовании, как оно определилось на третьем этапе, а не о синхронии и диахронии применительно к морфемному строению слов, что было намечено уже гораздо раньше, в трудах Ф. Ф. Fortunatova, И. А. Бодуэна де Куртене, В. А. Богородицкого (опрошение, переразложение и т. п.) и других ученых. См., например: Fortunatov Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Избранные труды. В 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 443—445.

³⁶ Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 57.

нет и словообразования; иначе получается нечто парадоксальное — словообразование без образования слов.

Решение, принятое в «Основах...», последовательно проведено, уже без обоснований и даже без оговорок, в Грамматике-70 и 80. Оно разделяется многими авторами, например К. А. Тимофеевым, изложившим свое понимание синхронии и диахронии в словообразовании обстоятельно и детально. К. А. Тимофеев не отказывается от понятия производности и применительно к синхронному словообразованию, но расценивает ее как мотивированность: «С точки зрения разграничения синхронии и диахронии требует уточнения понятие производности...» Производность в синхронном плане «понимается... как мотивированность»; производность диахроническая «понимается в генетическом плане, т. е. как отношение исторической преемственности между производным и исходным словом». Для обоих планов словообразования сохраняется и понятие производных слов, но опять-таки с определенной поправкой на синхронность. «Производные слова... могут быть изучены не только синхронно (с точки зрения состава и связей между родственными словами), но и диахронно, т. е. с точки зрения их появления на определенном этапе развития языка». Основной же вопрос решается так: слова в преобладающей своей массе в каждый данный момент или период, т. е. в синхронии языка, не образуются, а существуют уже в готовом виде и лишь воспроизводятся, употребляются в речи, поэтому «возникновение в языке новых слов представляет явление, относящееся к области истории развития языка (диахронии)», а в синхронном языковом состоянии все слова, производные и непроизводные, «сосуществуют на равных правах». Таким образом, словообразование — только в диахронии языка, а в его синхронии — только структурно-семантическое соотношение слов.³⁷

Своеобразна точка зрения Н. М. Шанского: он не отрицает синхронного словообразования, но, по его мнению, это лишь кажущееся словообразование (то, как слово «осознается образованным»), действительное же образование слов относится к прошлому состоянию языка «Производящая (или образующая) основа не всегда будет... действительно производящей... Производящая основа может быть как основой, от которой та или иная производная действительно образована, так и основой, от которой данная лишь осознается образованной».³⁸

Итак, есть действительное образование слов и кажущееся, мнимое, и часто может быть так, что нам только кажется, что то или иное слово образовано так-то и так-то, на самом деле оно образовано совсем иначе. Например, как пишет Н. М. Шан-

³⁷ Тимофеев К. А. Об основных понятиях словообразования // Русский язык в школе. 1971. № 3. С. 36, 34, 32.

³⁸ Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию: Автореф. докт. дис. М., 1966. С. 40.

ский в другом месте, слова *крохотный*, *звездочка*, *мохнатый* теперь осознаются образованными от слов *кроха*, *звезда*, *мох*, а на самом деле они образованы от не существующих теперь в русском языке слов *звездка*, *крохоть*, *мохна*.³⁹ Действительное образование слов изучается этимологией, синхронно осознаваемое (кажущееся) — словообразованием.

Вопрос о синхронии и диахронии в словообразовании рассматривался многими советскими учеными,⁴⁰ а также, в частности, польскими.⁴¹ Единства мнений пока не достигнуто: одним разграничение синхронии и диахронии в словообразовании кажется возможным и необходимым, другим — нецелесообразным и даже невозможным: «словообразование нельзя синхронизировать», «с понятием мотивации вносится в исследование субъективный момент, искажается действительная деривационная история слов».⁴²

Как ко всему этому отнестись? Действительно ли «словообразование нельзя синхронизировать»? Действительно ли словообразование принадлежит только диахронии языка, а в синхронии — только мотивированность слов или видимое, кажущееся, ненастоящее словообразование?

Думается, что это не так: словообразование не более других сторон языка сопротивляется синхроническому и диахроническому истолкованию его явлений, иначе говоря, и в словообразовании можно различать синхронию и диахронию, как это делается теперь применительно ко всем другим сторонам и уровням языковой системы.

Чтобы понять и правильно представить имеющиеся здесь отношения, надо предварительно установить, что такое словообразование и как понимаются синхрония и диахрония языка.

Синхрония буквально значит 'одновременность', диахрония — 'через время'. Применительно к языку синхрония — система языка в каждый данный период его существования, диахрония — становление этой системы на предшествующих этапах развития языка. Но язык всегда существует и действует как система, поэтому диахронию языка можно представить как бесконечную (пока существует данный язык) смену синхронных состояний языковой системы, то более, то менее завершенных и устойчивых.⁴³

Есть и другое определение синхронии и диахронии, в част-

³⁹ Шапский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. С. 15.

⁴⁰ Одна из последних работ: Немченко В. П. О диахронии и синхронии в словообразовании // Филологические науки. 1985. № 5.

⁴¹ Обзор дискуссии польских ученых по этому вопросу см.: Волоцкая З. М. К проблеме синхронного словообразования // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966.

⁴² Там же. С. 233.

⁴³ Синхрония — «состояние языка», диахрония — «эволюция» (Сосюр Ф. де. Труды... С. 114).

ности и применительно к словообразованию: диахрония — процессы, движение в языке, синхрония — языковой покой, языковые состояния. А так как образование чего бы то ни было, в том числе и образование слов, — это всегда определенный процесс, то оно поэтому принадлежит только диахронии, поэтому оно и «не синхронизируется». Но в известном смысле для языка в целом характерно только движение, так как он постоянно изменяется и развивается. Получается, что языку свойственна только диахрония, что язык в целом «не синхронизируется». Но известно, что в языке могут быть выделены периоды относительного покоя, состояния, когда происходящие в нем изменения оказываются изменениями в пределах сохраняющегося качества, например состояние современного русского языка. Диахрония, таким образом, не всякое движение, а лишь движение, приводящее к смене качественного состояния языка. Диахрония, однако, часто толкуется несколько упрощенно и даже несколько смещено по сравнению с исходным и строгим значением термина: под диахронией понимаются предшествующие какому-либо времени (чаще современности) состояния языка, которые, строго говоря, тоже синхронические, — каждое состояние синхронично для своего времени.

Словообразование как языковое явление — это, конечно, образование или возникновение слов. Но слова, пока существует язык, создаются непрерывно: создавались в прошлом, создаются теперь и будут образовываться в дальнейшем. Что же является предметом словообразования как науки: то, как образованы уже имеющиеся в языке слова, как образуются новые слова теперь или как могут быть образованы слова? Видимо, все это входит в проблематику словообразования (дериватологии), но основным вопросом является все-таки вопрос о том, как образованы имеющиеся уже в языке слова,⁴⁴ так как в каждый данный момент, в каждом конкретном акте применения языка новые слова создаются в ничтожно малой по отношению к существующему уже словарному фонду доле,⁴⁵ а вопрос о том, как могут быть образованы слова в будущем, относится лишь к области языкового прогнозирования.

В соответствии с изложенным пониманием синхронии и диа-

⁴⁴ Щерба Л. В., как было уже отмечено, считал иначе: «Одним из основных разделов грамматики являются, по-моему, правила словообразования, т. е. вопрос о том, как можно делать новые слова. Вопрос же о том, как сделаны готовые слова, — дело словаря» (Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Избранные работы по языковедению и фонетике. Л., 1958. С. 17).

⁴⁵ Но все-таки образуются, поэтому общий тезис «в синхронном состоянии языка не происходит образование новых слов» (Тимофеев К. А. Заметки о словообразовании // Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960. С. 424) принципиально неприемлем: новые слова создаются именно в синхронном состоянии языка — больше нигде им образоваться.

хронии языка, а также объекта словообразования, можно сказать, что слова, обнаруживаемые в речевых произведениях, в абсолютно преобладающей части, перед тем как быть употребленными в речи, имелись уже в языке, т. е. были образованы ранее, и в этом смысле принадлежат диахронии языка (во втором, несколько упрощенном и сдвинутом ее истолковании). По основной вопрос словообразования состоит не в том, когда были образованы слова, а в том, как они были образованы. О характере образования слов (о словообразовательной базе, способах и средствах словообразования и т. п.) можно судить только на основе структурно-семантического соотношения их с другими словами, имеющимися в языке, — никаких других свидетельств образования слов нет. Если имеющиеся в языке в данный период его существования (т. е. в его синхронии) структурно-семантические связи слов позволяют судить об их образовании, то основной словообразовательный вопрос решается положительно, и что самое важное для нас сейчас, вполне синхронически.

Однако структурно-семантическое, т. е. словообразовательное соотношение слов, как все в языке, исторически меняется, и может случиться, что современное, синхронное соотношение их окажется иным, отличным от их соотношения в прошлом (см. примеры Н. М. Шанского). Вместе с тем изменяется и восприятие, понимание носителями языка образования тех или иных конкретных слов. Это и есть смена одного синхронного состояния словообразования другим или, в соответствии с несколько сдвинутым пониманием самой диахронии, — смена диахронии синхронией в словообразовании, переход от диахронии в синхронию. Значит ли это, что в этих случаях сталкиваются два словообразования — действительное и кажущееся и что действительное словообразование — в прошлом языка, в его диахронии, а в современном состоянии, в синхронии, — только кажущееся словообразование, искажающее действительную деривационную историю слов?

Когда на эти и подобные вопросы отвечают утвердительно, когда говорят, что современное, синхронное, словообразование — это лишь кажущееся, а не действительное образование слов, то при этом упускают из виду, что таково обычное соотношение синхронных и диахронных явлений языка вообще. Современное, синхронное, состояние языка (в целом и в его отдельных участках или сторонах, в отдельных явлениях и единицах) отличается от его состояния в прошлом, в диахронии. Не будь этого, не было бы и смысла различать прошлое и настоящее, диахронию и синхронию языка, не быть же этого не может, так как язык непрерывно изменяется.

Все это может быть проиллюстрировано едва ли не любым элементом современной системы русского языка: 1) современные деепричастия, а также прилагательные типа *висячий*, *сыпуч-*

чий, горячий и спрягаемые глагольные формы на -л в прошлом были причастиями; 2) современный инфинитив в одной своей части продолжает старый супин, а в целом вышел из падежных форм глагольного имени; 3) форма *глаза* в современном языке является формой мн. ч., а словоформа *стола* в словосочетании *два стола* — формой род. пад. ед. ч., а в прошлом это были формы двойственного числа; 4) согласные [ж, ш, ц] теперь твердые звуки, а когда-то они были мягкими; 5) словом *абитуриенты* стали называть поступающих в вуз, а первоначально оно обозначало оканчивающих школу и т. п. И если синхронное словообразование только кажущееся, а не действительное, то и все приведенные явления современного языка надо будет считать лишь кажущимися, а не действительными: нам только кажется, что инфинитив — глагол, в действительности же это имя; нам только кажется, что звуки [ж, ш, ц] твердые, на самом деле они мягкие и т. д. Ясно, и в этом не может быть никакого сомнения, что это «кажущееся» и есть действительная реальность современного состояния языка, хотя оно и отличается, и может как угодно резко отличаться от реальности его прошлых состояний. В этом сама суть синхронии языка в отличие от его диахронии. И пусть современное понимание образования слова *звездочка* (от существительного *звезда* с помощью суффикса *-очк-а*) отличается от его образования в прошлом (от несуществующего теперь слова *звезда* с помощью суффикса *-к-а*), пусть современное восприятие образования существительного *печник* (*печ-ник*) отличается от его понимания в прошлом (*печн-ик*) и т. д., теперь все это существует в языке так, как отражается в современных соотношениях элементов языковой системы и как воспринимается носителями современного языка.

Можно, следовательно, и применительно к современному языку, к его синхронии смело и уверенно говорить о производности слов, о соотношении производных слов с их производящими, а не только о мотивированности слов, о словах мотивированных и мотивирующих. Можно в целом различать синхронную и диахронную в словообразовании, имея дело в обоих случаях с действительным, а не кажущимся только словообразованием.

Чтобы такое понимание синхронического словообразования ввести в русло большой научной традиции, можно сослаться на некоторые высказывания акад. Л. В. Щербы. Обсуждая вопросы словообразования, он писал: «... Могут быть случаи переходные, когда то или другое слово может забываться и делаться как бы вновь. *Писальщик, читальщик, ковыряльщик* никогда не входили и не входят еще в словарь, но могут быть всегда сделаны и правильно поняты: *подавальщик, подавальщица* — слова сделанные, но могут создаваться и вновь; *носильщик, писатель* — слова безусловно вошедшие в словарь, но еще вполне

живые в своем составе и могли бы быть сделаны; *метельщик* — слово, давно сделанное, наново сделано быть не может, но в составе своем понятное (хотя исторически, вероятно, от *метла*, а не от *мести*); слова *саинец*, *огурец* и т. п. в составе своем уже плохо понятны и раскрываются только при исследовательском подходе.⁴⁶ Таким образом, по Щербе, слова, имеющиеся в языке, уже сделаны, образованы, но многие из них также могли бы быть сделаны, образованы вновь.⁴⁷ Синхроническое словообразование (дериватология) как раз и занимается тем, что определяет, как существующие уже в языке слова могли бы быть образованы вновь на основе того как их образование осознается посетителями языка. Суть этого явления хорошо выражена также В. Г. Головиным: «При синхронном словообразовании анализируемые слова должны считаться как только что образованные».⁴⁸

И самое главное: синхронное словообразование при таком его понимании является реальным, действительным словообразованием, а вовсе не кажущимся только, подобно тому, как реально и действительно все существующее в синхронии языка. Так, например, имеющиеся в современном русском языке слова *велосипедист*, *барабанщик*, *технический*, *драматический* на основе структурно-семантического соотношения со словами *велосипед*, *барабан*, *техника*, *драма* понимаются носителями русского языка как мотивированные этими словами и, следовательно, образованные на их основе (*велосипед-ист* 'тот, кто ездит на велосипеде', *барабан-щик* 'музыкант, играющий на барабане', и т. п.), и это их действительное синхронное словообразование, хотя, как показывают исторические исследования, в диахронии языка было иначе: слово *велосипедист*, как и слово *велосипед*, было заимствовано из французского языка;⁴⁹ слово *барабанщик* — результат преобразования тюркского слова *барабанчи*,⁵⁰ а слова *технический* и *драматический* появились в русском языке гораздо раньше слов *техника* и *драма*.⁵¹ Так было (диахрония), стало иначе (синхрония).⁵²

⁴⁶ Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения. С. 17.

⁴⁷ Интересно, что возможность образования вновь уже образованного отмечал и А. А. Потебня: «... производные значения тоже могут быть даны преданием; но они могли бы и действительно быть произведены вновь» (Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 330).

⁴⁸ Головин В. Г. Очерк деривации имен прилагательных современного русского языка: Автореф. канд. дис. Самарканд, 1971. С. 11.

⁴⁹ Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958. С. 61.

⁵⁰ Русский язык в школе. 1971. № 3. С. 127.

⁵¹ Булагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971. С. 102, 220.

⁵² В этой связи следует учесть заметку Ю. В. Откупщикова «Поликлиника» (Русский язык в школе. 1974. № 2).

*

* *

Чтобы избежать недоразумений, надо хотя бы кратко сказать о мотивированности слов самой по себе.

Все изложенное не означает, что понятие и термин «мотивированность слов», а также другие сопряженные с ним понятия и термины бесполезны и не нужны. Напротив, в теории словообразования, синхронического и диахронического, им принадлежит очень важное место: мотивированность — основной семантический показатель производности слов и база формирования значения вновь образованных слов.⁵³ Но без связи с производностью мотивированность слов попросту повисает в воздухе: слова мотивированы, но что это значит? Каждое из этих понятий (и терминов) важно на своем месте, и нет нужды и оснований одно из них подменять другим. И нет нужды от синхронной производности бежать под защиту мотивированности.

§ 6. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЭТИМОЛОГИЯ

Общее соотношение между словообразованием и этимологией было определено в § 1. В известном смысле это явления одного порядка, с одним содержанием: их основной вопрос — как возникло, создано, образовано каждое конкретное слово. Различие лишь в том, что словообразование (дериватология) рассматривает «живое» образование слов, непосредственно осознаваемое (осознаваемое, говоря обобщенно, всеми носителями языка) и отражаемое в семантических соотношениях производных и их производящих, а этимология стремится выявить образование тех слов, словообразовательная связь которых с другими, прежде всего с их производящими, по каким-то причинам утрачена, забыта, не осознается. Этимология, таким образом, это забытое словообразование, а словообразование, следовательно, не что иное, как живая этимология слов. Так, в соотношении слов *окно* — *оконный*, *подоконник* и т. п. проявляется словообразование, а в соотношении (если идти от того же слова) *окно* — *око* — уже этимология, забытое словообразование *око* — *ок-н(о)*. Близость словообразования и этимологии обнаруживается в термине деэтимологизация: деэтимологизация — это утрата словообразовательных связей (*велеть* — *воля*, *верх* — *вершок*, *вкусить* — *вкус* и т. п.).

Но этимология и словообразование — многоплановые, многоуровневые явления, поэтому граница между ними (что, впрочем, ясно и из их общего соотношения) не только не абсолютна, но и весьма неотчетлива, размыта. Между ними, можно сказать,

⁵³ Монсеев А. И. Мотивированность слов // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1963. № 322. Вып. 68.

даже не граница, а широкая пограничная, переходная зона. В этимологии различают по меньшей мере два уровня, или степени, глубины проникновения в забытое словообразование, условно говоря, ближнюю и дальнюю этимологии. Различие между ними в общих чертах сводится к следующему: ближняя этимология восстанавливает (воспроизводит и т. п.) забытое словообразование, не выходя за пределы данного языка, на основе лишь его материала, открывая в нем то, что оказалось скрытым и забытым; дальняя этимология выходит за пределы анализируемого языка, обращается к материалам других языков, прежде всего родственных. Так, к примеру, для установления этимологии (происхождения) слова *окно* достаточно материала русского языка: *око* — *окно*. Надо лишь разъяснить забытую связь между этими словами и найти подкрепление в сходных отношениях между другими словами в русском же языке. *Око* — устарелое название органа зрения (совр. — *глаз*), *окно* — отверстие, проем в стене, через которое можно видеть (ср. функцию ока, органа зрения) то, что за стеной, снаружи помещения (или то, что внутри помещения, если смотреть снаружи), это проем для обозрения. В подкрепление этой этимологической догадки можно привести слово *глазок* (уменьш. к слову *глаз*, — опять 'орган зрения') в значении 'отверстие (обычно как-то специально оборудованное) в двери для обозрения (когда потребуется) того, кто или что за дверью'.

Таков же уровень этимологии слова *окунь*. И это слово было некогда образовано от слова *око* и буквально, говоря по-современному, означало 'глазастая рыба'. Сравните с другими названиями рыб по их внешним, телесным признакам: *голавль* (из *головаль*) — 'головастая рыба', *красноперка* ('рыба с красными перьями плавников'), *усач*, *пила-рыба*, *рыба-меч* и т. п.

Напротив, этимологию слова *дом* на материале только русского языка установить не удастся, но помогают другие языки, в частности греческий: в нем слово, родственное русскому *дом*, *domos*, значит 'строение', от *demo* — 'строю' (соответствующие слова других родственных языков: польск. — *dom*, лат. — *domus*, др.-индийск., санскритск., — *damas* — подтверждают родство этих языков, но этимологию не вскрывают; немецкое слово *Zimmer* 'комната' иллюстрирует развитие значения слова того же корня, ср. соотношение *d* — *ц* в словах *два*, лат. *duo* — нем. *zwei*). Это, безусловно, дальняя этимология (хотя и не самая далекая, не самая глубинная).

В этимологических исследованиях и этимологических словарях преобладает дальняя этимология, например, *рыба* — **ur* (водоем) или *рябой*.⁵⁴ В основном ближняя этимология пред-

⁵⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева: В 4 т. Т. 3. М., 1971, ссылка на Якобсона и Топорова.

ставлена в «Кратком этимологическом словаре русского языка».⁵⁵

При этимологических сопоставлениях особенно важно учитывать морфонологические варианты морфем, исторические изменения и чередования звуков: только те сближения реальные, которые могут быть подкреплены не только семантическими, но и фонетическими соответствиями.

Приведем некоторые этимологии, главным образом из числа ближайших.

БАСНЯ: *ба-сн-я*. Корень тот же, что в глаголе *баять*, устар. и обл. 'говорить' суффикс *-снь* — тот же, что в слове *песня*. **Басня** — букв. 'то, что бается, говорится, рассказывается', ср. *сказ, сказка, рассказ* (как *песня* 'то, что поется').

ВРАЧ: *вр-а-ч*. Корень тот же, что в глаголе *врать*, в первоначальном значении — 'говорить' (ср. лат. *verbum* и нем. *Wort* 'слово'). **Врач** — букв. 'тот, кто заговаривает — лечит заговором'.

ГЛАЗ: вероятно, *гла-з*, корень, видимо, тот же, что в слове *гладкий*. Можно предположить первоначальное значение 'гладкий шарик', ср. польск. *głaz* 'камень', нем. *glas* 'стекло', 'стакан' (ср. также *глазурь, глазированный*; объединяющая сема — 'гладкий, блестящий'). В связи с семантическим переходом от 'камень, шарик' к 'орган зрения' ср. *шары*, груб. простореч. 'глаза'; ср. также *глазное яблоко*.

ГРУЗ, ГРЯЗЬ: слова одного корня, чередование *у-я*, из юсов (*у* из юса большого, *я* из юса малого). Буквальное значение: **груз** 'то, что погружает, погружается, тонет'; **грязь** 'то, во что тонет, погружается, т. е. топь, болото', ср. лит. *grimsti* 'погружаться, утопать'.

ЗОДЧИЙ, ЗДАНИЕ, СОЗИДАТЬ — слова одного корня, чередование: *о-џ-и* (*зод, зџ, зид*, из *зџд*, исходное значение — 'глина').

ДЕРЕВНЯ: *дерев-н(я)*, корень тот же, что в слове *дерево*, а в *дерево* — тот же, что в глаголе *драть, выдирать* — применительно к деревьям, к лесу — 'корчевать'. **Дерево** — букв. 'то, что выдрано', **деревня** 'место, освобожденное от деревьев, выкорчеванное', затем — 'пашня на этом месте', далее — 'поселение около этой пашни', наконец — 'населенный пункт', теперь — 'населенный пункт соответствующего социального статуса, в отличие от села, поселка, города'.

МЕШОК: *меш-ок*, корень *мех*, чередование *х-ш*. Букв. 'маленький мех' (мех — в значении 'мешок, бурдюк'). Название идет от обычая изготавливать мешки из шкур животных.

НОЖ: тот же корень, что в словах *во-из-ать, про-из-ить, за-ноз(а)* (чередование: *з-ж*), тот же корень и в словах *пронизать, нанизывать*. **Нож** — букв. 'то, что вонзается, пронзает, пронизывает'.

НЕМЕЦ: *нем-ец* — букв. 'немой, т. е. не говорящий по-русски, говорящий на непонятном языке'.

НЕГОДЯЙ: *не-год-яй* — букв. 'не годящийся (к чему-либо)'.

ЗАЕМ, ПОЙМА ('часть речной долины, затопляемая в половодье'). **ПОНЯТИЕ:** слова одного корня, ср. *вз-я-ть, вз-им-ать*: **заем** 'то, что взято', **пойма** 'то, что захватывается (водой)', **понятие** 'то, что взято, схвачено сознанием, умом, памятью'.

СОХАТЫЙ: *сох-ат(ый)*, корень тот же, что в словах *соха, посох*, суффикс *-ат(ый)*, как в словах *рогатый, усатый*. **Соха** — первоначально 'палка, сук с развилкой', отсюда и *посох*, и *соха* 'крестьянский инвентарь для обработки земли', а также 'подпора, подставка (обл.)', тоже обычно с развилкой на конце'. **Сохатый** значит 'имеющий ветвистые рога'.

СУТКИ: *су-тк-и*, корень — *тк*, ср. *ткнуть, тыкать, стыкать*. **Сутки** — это

⁵⁵ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. 3-е изд. М., 1975.

результат *стыкания, смыкания* (дня и ночи). Этот же корень в слове *точка* (чередование *к-ч*) 'след от тыканья'.

ТАТЬ: *та-ть*, ср. *таить, тайна*. Тать 'тайный (вор)'.

ТУЧНЫЙ, ср. *тук* (устар.) 'жир'. Слова *туча* и *туша* того же корня.

УЗЫ, СОЮЗ, УЗНИК, ВЯЗАТЬ, ВЕНЗЕЛЬ (из польского *węzeł* 'узел') — слова одного корня, с юсовым чередованием: *у-я-ен*; препозитивное *в* — вставное, протетическое, как в слове *навык* (ср. *наука*).

В приведенных сопоставлениях нет живых словообразовательных связей слов, они принадлежат уже этимологии. В Словообразовательном словаре все приведенные здесь слова даны в разных гнездах, преимущественно как вершины отдельных самостоятельных гнезд. Но это близкая этимология, бывшие словообразовательные связи еще просматриваются, они окончательно еще не утрачены; этимологию здесь можно не только понять, но и непосредственно почувствовать. Поэтому такие сопоставления могут быть полезными в лексикологии — при анализе значения слов, в орфографии — при установлении (проверке) написаний по морфологическому принципу, в морфемике и морфнологии — при идентификации морфем и выявлении их вариантов, возникающих как следствие исторических чередований, и даже в словообразовании — при выявлении средств и способов словообразования, характера мотиваций и т. п. И в словообразовательном словаре они должны найти какое-то отражение: утрированный и бескомпромиссный синхронизм в нем вряд ли уместен.

Так же, в плане ближней этимологии, может быть представлена и значительная часть заимствований (см. Введение — пример со словами *тужурка, журнал, дежурить*). В еще большей мере это применимо к интернациональным словам, созданным на базе древних классических языков. Так, слово *микроскоп* может быть сопоставимо с другими словами и по первой части (*микро-*, греч. *mikros* 'мелкий, маленький'), и по второй (*-скоп*, греч. *skopeo* 'смотрю'): *микромметр, микрофон, микроб, микрон* и т. п.; *телескоп, перископ, фильмоскоп* и т. п., и даже *епископ* — букв. 'надсмотрщик' (греч., ерi 'на, над, сверх, а также после'), ср. *эпиграф* — букв. 'надпись'; *эпилог* — букв. 'последствие', *эпидерма* 'надкожица', и даже *эпидемия* (букв. 'на весь народ') и т. п. Аналогично: *декан* — букв. 'десятник' (греч. *deka* 'десять'), ср. *декада* (период в десять дней), *декабрь* (десятый месяц: год начинался с марта), *декалитр* и т. п.

В целом данные ближней этимологии весьма ценны и полезны, и их следует широко использовать.

Для сравнения приведем один пример из дальней, глубинной этимологии — слово *человек*: «Бывает так, что то или иное слово выходит из самостоятельного употребления и исчезает из памяти народа, но сохраняется в сложных словах, где его удастся распознать путем этимологического анализа. Так, слово *čelověkъ* в современном употреблении никем уже не осознается как составленное из *čelo* «род, семья» (ср. русск. *челядь*, др.-

инд. *kulam* «род, племя») и *уѣкъ* «дитя» (ср. лит. *veikas* «дитя»), стало быть, человек=«дитя рода». Оба компонента относятся к древнейшему славянскому лексическому фонду, а все сложение ведет нас в далекие глубины родо-племенного строя.⁵⁶

Таким образом, словообразование тесно соприкасается со многими другими явлениями языка — словоизменением, морфемным составом слов, этимологией и т. п., — но оно должно быть с достаточной четкостью отграничено от них как вполне самостоятельное явление.

⁵⁶ Абаев В. И. Сложные слова — хранители древней лексики // Вопросы языкознания: 1983. № 4. С. 75.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Способы словообразования — это обобщенно-дифференцированное определение того, как образованы и образуются новые слова. Широкое распространение получили определения и наименования способов словообразования через своего рода прикрепление их к основным сторонам языка или разделам языкознания — морфологии, лексике, фонетике, синтаксису: морфологический способ, фонетико-морфологический, синтаксический, морфолого-синтаксический или синтаксико-морфологический, лексико-синтаксический, лексико-семантический и т. п.

Эта терминология идет в основном из работ В. В. Виноградова,¹ но отдельные фрагменты ее начали складываться несколько раньше;² затем она была поддержана авторитетом Грамматики-52 и введена даже в школьные учебники. Но это скорее характеристики, а не наименования способов словообразования: они очень общи и неконкретны, в них нет строгой номинативности. Показательно, что Грамматики-70 и -80 этими терминами не воспользовались: способы словообразования названы в них по средствам (формантам) словообразования: префиксация (т. е. префиксальный способ), суффиксация, постфиксация и т. п.; отмечены также «смешанные», или комбинированные, способы: префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный и т. п. Это прямой ответ на вопрос, как образованы слова, собственно номинативное обозначение способов. На основе таких наименований способы словообразования можно определить как «функцию», обобщенно-дифференцированное отражение средств словообразования; в наименованиях способов образования сложных слов должен быть отражен характер сложений.

¹ Современный русский язык: Морфология / Под ред. В. В. Виноградова, М., 1952.

² Щерба Л. В. Очередные проблемы языкознания (1945 г.) // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. С. 17 и след.

Выделяется значительное количество способов словообразования, но они, как уже было сказано в Гл. I, могут быть сведены в несколько групп в зависимости от или в соответствии с общим характером образуемых слов: 1) аффиксация — образование простых производных слов (производящая база — отдельные слова), 2) сложения — образование сложных слов (производящая база — два слова и более, словосочетания), 3) аббревиация и аббревиация со сложением — образование сокращенных и сложносокращенных слов (производящая база — отдельные слова и именные словосочетания), 4) транспозиция — семантические и грамматические преобразования имеющих в языке слов, ведущих к возникновению (образованию) новых слов — омонимов к уже существующим. Аффиксация может быть простой, например суффиксация, и комбинированной, например суффиксация с префиксацией. Некоторые способы далее будут рассмотрены отдельно.

§ 2. ОБЗОР СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1. Аффиксация — образование простых производных слов³

А. Простая аффиксация

1. Префиксальный способ словообразования (префиксация) — образование слов с помощью приставок: *писать* — *вписать*, *дописать*, *написать*, *переписать*, *подписать*, *приписать*, *город* — *пригород*, *приятный* — *неприятный*, *завтра* — *послезавтра*, *сюда* — *отсюда*, *кое-что*, *кое-где* и т. п.

Префиксация — наиболее простой способ словообразования: словообразовательное средство (приставка) присоединяется к полному, оформленному слову и (поэтому) вновь образованные слова оказываются в той же части речи, к которой принадлежит производящее: от глаголов образуются глаголы, от существительных — существительные и т. п. (см. приведенные выше примеры). Это «внутреннее», нетранспозиционное, словообразование.

Префиксальным способом образуются слова всех знаменательных частей речи, кроме числительных: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения (см. примеры), но в наибольшей мере он характерен для глаголов: от многих первичных глаголов образуется 10—12 и более приставочных глаголов, например: *лететь* — *влететь*, *взлететь*, *вылететь*, *долететь*, *залететь*, *налететь*, *облететь*, *отлететь*, *перелететь*.

³ Образование простых производных слов иногда называют также словообразованием, в отличие от (слово)сложения — образования сложных слов.

теть, полететь, подлететь, прилететь, пролететь, слететь, улететь. С другой стороны, каждая приставка используется при образовании многих производных и на базе многих производящих. Приставка *пере-*, например, использована (в пределах материала 17-томного словаря) при образовании более 550 отглагольных производных глаголов.

Приставочных (по образованию) существительных и прилагательных гораздо меньше, но в их образовании занято большое количество приставок, большей частью собственно примененных, в частности заимствованных:

а-: асимметрия, аморальный; **анти-**: антициклон, антивещество, антивирус, антигезис; антиисторический, антипедагогический; **архи-**: архиепископ, архиплут, архинебежда; архиглупый, архинеленый; **без/с-**: беспорядок, безучастие (ср. *бес-прив-ис*, префиксально-суффиксальный способ); **вице-**: вице-адмирал, вице-президент, вице-консул; **гипер-**: гиператом, гиперзвук, гиперфонема, гиперкомплексный, гипермаксимальный, гиперкорректный; **де-**: демонтаж, демобилизация; **дез-**: дезинформация, дезориентация; **дис-**: дисгармония, диспропорция, дискомфорт; **до-**: доистория, доисторический (ср. *до-воен-н(ый)*); **за-**: заграница, затакт (муз.) (ср. *за-стен-ок*, *за-реч-н(ый)*); **ир-**: ирреальный, иррациональный; **контр-**: контр-адмирал, контратака, контрудар, контрдовод, контрразведка, контрпредложение; **над-**: надкожица, надзаголовок (ср. *надпись*, *надбан-к(а)*); **наи-**: наибольший, наилучший, наивысший; **не-**: недруг, неприятель, неправда, неудача, неклеп, непроводник, невыезд, неполный, неискренний, несправедливый; **обер-**: обер-мастер, обер-офицер, обер-прокурор, обер-плут, обер-враль; **от-**: отблеск, отсвет, отзвук (ср. *отход-и*, *отзыв-и*, *отказ-и*); **па-**: паклен (ср. *неклен*), паценок (простореч.) (ср. *па-сын-ок*); **пере-**: перерасчет, пересмена, переследствие, перекомиссия (ср. *переход-и*, *по-*: понизье, повысье; **под-**: подгруппа, подкласс, подкомиссия, подпункт, подпочва, подрамник, подпоручик, подпрапорщик, подсознание, подполковник, подпол (ср. *подход-и*, *подвоз-и*, *под-окон-ник*); **пра-**: прадед, правнук, правнучка, прабабушка, прапрадед, праязык, прародина; **пре-**: преизбыток, предобрый, премилый, презабавный; **пред-**: предпарламент, предистория, предосторожность (ср. *пред-бан-ник*); **при-**: привкус, призвук, пригород (ср. *приход-и*, *пристрой-к(а)*, *при-мор-ье*); **про-**: проректор, проконсул, просеминарий, прогимназия, прозападный, проамериканский; **противо-**: противовес, противочлен, противоракета; **прото-**: прототип, протопоп, протоистория; **псевдо-**: псевдонаука, псевдореализм; **рас-**: растуман(т), расстрасавица, разудалый, расчудесный (ср. *расход-и*); **ре-**: реорганизация, ремилитаризация, ретрансляция; **сверх-**: сверхприбыль, сверхчеловек, сверхскорость, сверхзвук, сверхкласс; сверхпрочный, сверхдальний, сверхточный; **с-**: спутник (но м. б. *с-пут-ник*); **со-**: соавтор, соученик, сомножитель, соразмерный (м. б. *со-размер-ный*); **суб-**: субподрядчик, субаренда, субтропик(и); **су-**: сумрак (ср. *суглинок*, *супесь*); **супер-**: суперкласс, суперобложка, суперсложный, супермощный; **транс-**: трансполярный, трансатлантический; **ультра-**: ультразвук, ультрамодный; **экс-**: экс-президент, экс-чемпион; **экстра-**: экстракласс.

Глагольные приставки большей частью многозначны. Это можно видеть в образованиях слов с одной и той же приставкой на базе разных производящих: *подъехать* (приблизиться), *подлить* (добавить), *подговорить* (побудить), *поджарить* (слегка) и т. п. Но это проявляется также и в многозначности одного и того же производного глагола, например, *перезарить* — 1) 'поджарить жарению больше, чем нужно, испортить жарением': *Неумелая хозяйка то недожарит, то перезарит* (ср. *пересолить суп*), 2) 'подвергнуть жарению еще раз, заново': *Все ос-*

тыло, придется пережаривать (ср. переписать сочинение, перестроить дом), 3) 'подвергнуть жарению все или многое поочередно': Котлет так много, что не пережарить и за час (ср. Переженил детей, внучат. . . Грибоедов).

2. Суффиксальный способ (суффиксация) — образование слов с помощью суффиксов: аппарат — аппарат-чик, печь — печ-ник, писать — писа-тель, пасти — пас-тух, конь — кон-юх, стена — стен-н(ой), село — сель-ск(ий), белый — бел-и(ть), бел-е(ть), столяр — столяр-нича(ть), хороший — хорош-о, быстрый — быстр-о, сорок — сорок-ов(ой), сушить — суши-льщик, суши-к(а).

Суффиксацией образуются слова всех знаменательных частей речи, кроме местоимений: существительные, прилагательные, числительные, глаголы, наречия (см. примеры), но особенно широко суффиксация используется при образовании существительных и прилагательных.

Суффикс присоединяется к основе производящего слова, окончания и другие показатели форм в словообразовании не участвуют, в производные слова не переходят (см. примеры); исключения единичны: расти — расти-тельный (форма инфинитива полностью перешла в производное слово), женить — женить-б(а), блюсти — блюсти-тель. Могут изыматься из словообразовательного процесса и некоторые другие аффиксальные (постфиксальные) части производящих слов, ср.: писа(ть) — писа-тель, но пис-ец, пись-м(о), пис-ч(ий) (писчие принадлежности, писчая бумага). Это определяется как усечение производящих основ и причисляется к морфонологическим явлениям словообразования, в связи с чем различаются «усекающие» и «неусекающие» суффиксы.

Суффиксация может быть транспозиционной (образование слов иной по сравнению с производящим словом части речи, в том числе так называемая синтаксическая деривация) и нетранспозиционной (внутреннее словообразование). Суффиксальное внутреннее словообразование прилагательных и наречий, а также глаголов в основном модификационное: белый — беленький, беловатый, быстро — быстренько, хорошо — хорошенько; у глаголов — видообразование: толкать — толк-ну-ть, подтолкнуть — подтолк-ива-ть (тут можно видеть особый способ — мену суффиксов, рессуффиксацию). Внутреннее словообразование имен существительных может быть как модификационным, так и мутационным: стол — столяр и столик, конь — конник, конюх, конина и коняга, корова — коровник и коровушка, коровенка и т. п. Впрочем, мутацию и модификацию у имен существительных можно усмотреть и при транспозиционной суффиксации, если в так называемой синтаксической деривации видеть сохранение лексического значения производящего слова: писать — писатель, пищик и писание, письмо (слово письмо многозначно: 'то же, что писание' — «синтаксическая»

деривация; 'бумага с написанным текстом' — лексическая деривация).

Суффиксация может сопровождаться чередованием конечных согласных производящих основ, особенно заднеязычных (и другими морфонологическими явлениями): *рука* — *ручка*, *ручной*, *нога* — *ножка*, *ножной*, *пух* — *пушок*, *пушной*, *пушнина*, *пушистый* («чередующие» суффиксы).

Суффиксы могут быть многозначными (или омонимичными), например суффикс *-ин(а)*: *солом-ин(а)*, *горош-ин(а)* и т. п. — значение единичности; *тиш-ин(а)*, *велич-ин(а)*, *шир-ин(а)* и т. п. — значение отвлеченности (признака); *кон-ин(а)*, *баран-ин(а)*, *свин-ин(а)* и т. п. — 'мясо животного'; *молодч-ин(а)*, *дурач-ин(а)* — значение эмоциональной выразительности, экспрессии. Суффикс *-к(а)*: *перевоз-к(а)*, *перенос-к(а)*, *зачет-к(а)*, *ленинград-к(а)*, *комсомол-к(а)*, *доч-к(а)*, *руч-к(а)*, *каш-к(а)*, *кон-к(а)* и т. п.

3. Нуль-суффиксальный способ (нулевая суффиксация; используются также другие названия: безаффиксальный, бессуффиксальный) — образование слов с помощью «нулевого» суффикса, т. е. материально не выраженного. Нулевой суффикс здесь усматривается потому, что образуемые при этом производные слова во многом аналогичны суффиксальным. Так образуются следующие типы (разряды) слов: 1) отглагольные существительные отвлеченного значения: *переходить* — *переход*, *перелететь* — *перелет*, *оплатить* — *оплата*, *мечать* — *мена*, *свезжаться* — *свезд*, *звать* — *зов* (ср. *читать* — *чтение*, *читка* и т. п.); 2) отглагольные существительные с конкретизированным и предметным, а также личным значениями: *заказать* — *заказ*, *выстрелить* — *выстрел*, *прицепить* — *прицеп*, *лазить* — *лаз*, *рыть* — *ров*, *шить* — *шов*, *переходить* — *переход* (место, где переходят), *задирать(ся)* — *задира*, *реветь* — *рева*, *заикаться* — *заика*; 3) отаггективизированные отвлеченные существительные: *новый* — *новь*, (ср. *новизна*), *удалой* — *удаль*, *черный* — *чернь*, *сухой* — *сушь*, *гнилой* — *гниль*; *четвертый* (порядковое числительное) — *четверть*; *злой* — *зло*, *добрый* — *добро* (исторически — субстантивация кратких прилагательных); 4) порядковые числительные как производные от количественных: *пять* — *пятый*, *шесть* — *шестой*, *десять* — *десятый*, *сто* — *сотый*, но ср. *три* — *третий*, *четыре*, *четверо* — *четвертый*, *сорок* — *сороковой*, *тысяча* — *тысячный* (суффиксация); 5) некоторые относительные прилагательные: *золото* — *золотой* (ср. *железный*, *медный*, *серебряный* — суффиксация), *свинья* — *свиной* (ср. *конь* — *конный*, *конский*).

Нулевая суффиксация близка к обычной суффиксации и может быть признана ее разновидностью. Она оформляет в основном транспозиционное словообразование (исключение составляет образование порядковых числительных от количественных — внутреннее словообразование).

4. Флексивный способ (флексация) — образование слов с помощью окончания, флексии (мена системы флексий, словоизменительной парадигмы); способ близок к нулевой суффиксации). Так образуются (точнее — соотносятся между собой) некоторые наименования лиц женского и мужского пола: *супруг — супруга, кум — кума, внук — внука, раб — раба*; такое же соотношение у некоторых заимствованных слов: *маркиз — маркиза, синьон — синьора* (из итальянского языка), *сеньор — сеньора* (из испанского языка), *инфант — инфанта* (по *кузен — кузина*). Так же различаются некоторые собственные имена и фамилии мужчин и женщин: *Валентин — Валентина, Александр — Александра, Валерий — Валерия, Серафим — Серафима; Иванов — Иванова, Семенов — Семенова*; мена окончаний: *Толстой — Толстая, Чайковский — Чайковская*. То же в нарицательных субстантивированных прилагательных: *русский — русская, заведующий — заведующая, дежурный — дежурная* и т. п.

В данных образованиях усматривается разновидность так называемой конверсии — образования новых слов путем перевода слов в другую парадигму словоизменения.

5. Постфиксальный способ (постфиксация). Этим способом образуются только возвратные глаголы и неопределенные местоимения, включая местоимения-наречия: *стучать — стучаться, слушать — слушаться, собирать — собираться, строить — строиться* (строить что-либо для себя); *кто — кто-то, кто-либо, кто-нибудь, что — что-то, какой — какой-то, чей — чей-то, когда — когда-то, где — где-то* и т. п.

Образование только внутреннее, нетранспозиционное, и в основном модификационное. В возвратных глаголах, кроме того, усматривается залоговое словоизменение (формообразование), особенно при собственно возвратном, взаимном, страдательном и безличном значении: *мыть — мыться, строить — строиться (дом строится рабочими), встречать — встречаться, спать — (хорошо) спится*, и т. п.

6. Мена аффиксов (реаффиксация), субститутивное (заменяющее) словообразование — так можно определить образование слов со связанными корнями.

1) Мена приставок: *с-вергнуть, от-вергнуть, низ-вергнуть; за-нять, на-нять, от-нять, пере-нять, при-нять, под-нять, раз-нять, с-нять, у-нять*.

2) Мена суффиксов: *сепара-ция — сепара-тор, сатурация-сатуратор, Франц-ия — франц-уз(ы)*.

Б. Комбинированная аффиксация

7. Префиксально-суффиксальный способ (суффиксация с префиксацией, ведущее положение принадлежит суффиксации): *окно — под-окон-ник, река — за-реч-н(ый), за-реч-ь-е* (фоне-

тически: *-и-й-е*). Новое слово образуется путем одновременного присоединения к основе производящего слова суффикса и приставки. Способ этот называют еще конфиксальным (конфиксация) и циркумфиксальным (циркумфиксация) и в нем усматривается использование единого, но прерывистого аффикса (форманта) — конфикса (циркумфикса).

Этим способом образуются существительные (в значении производных слов большей частью имеется пространственный компонент), а также прилагательные, глаголы и наречия (прилагательные тоже обычно с пространственным значением). Префиксально-суффиксальное образование может быть внутренним (существительные, часть глаголов) и транспозиционным (все прилагательные, часть глаголов):

1) существительные: *окно — под-окон-ник, стакан — под-стакан-ник, зеркало — под-зеркаль-ник, под-свеч-ник, под-локот-ник, под-осин-овик, под-берез-овик; ухо — на-уш-ник(и), рукав — на-рукав-ник, плечо — пред-плеч-ье(-й-е), при-мор-ье(-й-е), вз-мор-ье, про-сел-ок, пере-лес-ок, рать — со-рат-ник* (значительное опрощение) и т. п.

2) прилагательные: *рука — на-руч-н(ый), река — за-реч-н(ый), Москва — под-москов-н(ый), дума — без-дум-н(ый), смысл — бессмысл-енн(ый), глагол — от-глаголь-н(ый), прерывать — не-прерыв-н(ый).*

3) глаголы: *дремать — вз-дрем-ну(ть), петь — на-пе-ва(ть), сила — обес-сил-е(ть), обес-сил-и(ть), тень — за-тен-и(ть), прямой — вы-пря-и(ть), целый — у-цел-е(ть).*

4) наречия: *низ — в-низ-у, с-низ-у, пятеро — в-пятер-ом, сухо — на-сух-о, городской — по-городск-ому, братский — по-братск-и, догонять — в-догон-ку, перемешать — в-перемеш-ку, перемежать — в-перемеж-ку.*

8. Префиксально-нуль-суффиксальный способ (нулевая суффиксация с префиксацией):

1) образование существительных — от существительных же, прилагательных и глаголов: *дно — без-дн-а, лед — на-ледь, море — по-мор, мороз — из-морозь, песок — су-песь* (усечение *-ок* или связанные корни), *толк — бес-толочь; зеленый — про-зелень, седой — про-седь; доить — у-дой, косить — у-кос, ловить — у-лов, бегать — за-бег, плыть — (плыву) — за-плыв; сесть, сидеть — не-по-сед-а, дотрагиваться — не-дотрог-а.*

2) образование прилагательных — только с приставкой *-без* и только от названий частей тела человека или животного (и немногих близких к ним названий): *без-ус-ый, без-рог-ий, бес-хвост-ый, без-зуб-ый, без-голос-ый, бес-пол-ый, без-ост-ый, без-лист-ый, но и без-лист-н-ый* (ср. прилагательные с приставкой *без-* от других слов: *без-дорож-н-ый, без-дом-н-ый, бес-край-н-ий* и т. п. (с суффиксацией)). Опрощенные образования: *сугубый, сутулый.*

Как нулевая суффиксация является разновидностью суф-

фиксации, так и этот способ является разновидностью префиксально-суффиксального способа или близок к нему. Его можно назвать и префиксально-флексивным способом.

9. Префиксально-постфиксальный способ (префиксация с постфиксацией): *думать* — *в-думать-ся*, *задуматься*; *гулять* — *нагуляться*, *разгуляться*; *усесться*, *выспаться*, *напиться*, *наесться*, *вчитаться*, *вработаться*, *сработаться*, *присмотреться* и т. п. Только внутриглагольное словообразование.

10. Суффиксально-постфиксальный способ (суффиксация с постфиксацией): *лень* — *лен-и(ть)-ся* (-ть — формообразовательный аффикс и при рассмотрении способов словообразования не принимается во внимание), *слеза* — *слезиться*, *толпа* — *толпиться*; *колоситься*, *братиться*; *скупой* — *скуп-и(ть)-ся*, *белый* — *белеться* (то же, что *белеть* в одном из значений). Только внешнее, транспозитивное словообразование.

11. Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ (суффиксация с префиксацией и постфиксацией): *мигать* — *перемиг-ива-(ть)-ся*, *переговариваться*, *переписываться*; *прицеп-и(ть)-ся*, *приземлиться*, *приводниться*, *примоститься*; *простой* — *о-прост-и-(ть)-ся*, *осмеливаться*; *не* — *от-не-ка-ть-ся*, *отнекиваться*.

2. Сложение — образование сложных слов⁴

1 (12). Основосложение (основосложение с нулевой суффиксацией): *земл-е-дел*, *земл-е-коп*, *земл-е-мер*, *лед-о-кол*, *лед-о-став*, *лед-о-ход*, *лес-о-воз*, *сен-о-кос*, *снег-о-пад*, *снег-о-пах*, *лист-о-пад*.

Основосложение характеризуется наличием интерфикса — соединительных гласных -о- (после парных твердых согласных) и -е- (после мягких, шипящих и ц): *душ-е-губ*, *лиц-е-мер*. Наличие интерфикса — формальное отличие сложных слов от сложносокращенных, ср. *кож-е-ед* и *кож-завод*. Имеются, однако, сложные слова древнего образования без соединительных гласных: *ноч-лег*, *вель-мож-а*, *Нов-город*, *Бел-город* (нулевой интерфикс); по их образцу в современном языке образуются собственные имена — названия городов по имени лиц: *Ленин-град*, *Калинин-град*, *Ворошилов-град* (ср. *Волг-о-град*, *Волг-о-донск*).

2 (13). Основосложение с «флексацией» (сложнофлексивный способ): *длинн-о-нос-ый*, *широк-о-плеч-ий*, *крут-о-рог-ий*, *светлоглазый*, *чернобровый*, *остроносый*, *длиннорукий*, *белозубый*.

Во второй части сложений здесь те же основы, что и в образованиях префиксально-флексивного способа (*без-ус-ый* — *длинн-о-ус-ый*, *без-рог-ий* — *крут-о-рог-ий* и т. п.), — образования от названий частей тела человека или животного. Исключения единичные: *широкополый кафтан* (с широкими по-

⁴ Более подробно вопросы сложения рассматриваются в § 4.

лами), широкополая шляпа (с широкими полями), длиннопо-
лый и т. п.

В некоторых случаях и здесь есть колебания между нулевой
и материально выраженной суффиксацией: многоголос-ый и
многоголос-н-ый, широколист-ый и широколист-н-ый и т. п.

3(14). Основосложение с суффиксацией (сложносуффик-
сальный способ): живот-н-о-вод-ств(о), молот-о-бо-ец (-бой-ец),
земл-е-дел-ец, земл-е-дел-ие (-ий-е), вод-о-снабж-ени-е (ений-е),
бетономешалка, громкоговоритель, двуязычие, однофамилец,
второгодник, баснописец, бытописание; мног-о-гран-н(ный), круп-
нокалиберный, белокаменный, тр-ех-этаж-н(ый), пят-и-этаж-
н(ый).

4(15). Осново-словосложение (вторая часть — слово); квар-
тир-о-съемщик (ср. съемщик квартиры), грузополучатель, на-
логоплательщик, асфальтоукладчик, морозостойкий (стойкий
против мороза), зернохранилище, засухоустойчивый, взаимовы-
годный, трудоемкий, всевозможный, русско-французский, торго-
во-промышленный, хлебозавод, водоснабжение, лесопарк, носо-
елотка, железобетон, юго-восток, юго-запад.

Основная примета: сложные слова этого образования мож-
но развратить в словосочетание с использованием второй ча-
сти как самостоятельного слова (зернохранилище — хранилище
зерна, грузополучатель — получатель груза и т. п.). Но форм-
ально такие образования могут быть осмыслены и как сложе-
ние с суффиксацией.

5(16). Словосложение (лексикализация словосочетаний) —
стяжение в одно слово словосочетания: сегодня (ср. сего дня),
сейчас, тотчас, сумасшедший (из с ума сшедший), впередсмот-
рящий; неужели (из не уже ли).

Сюда можно отнести также лексикализованные сочинитель-
ные и аппозитивные сочетания слов: диван-кровать, вагон-рес-
торан, изба-читальня, матч-реванш, плащ-палатка, фильм-спек-
такль, отец-мать (родители), хлеб-соль (угощение), грусть-тос-
ка, тоска-кручина, чуть-чуть, едва-едва, давно-давно, давным-
давно.

3. Аббревиация и аббревиация со сложением — образование сокращенных и сложносокращенных слов

1(17). Аббревиация (сокращение) — образование сокращен-
ных слов: специалист — спец; зав, пом, зам, метро (из метро-
политен) — сокращение второй части слова; рация из радио-
станция — сокращение средней части слова. Способ в целом
слабопродуктивный, используется преимущественно в разговор-
ной речи. Из сравнительно новых образований — интим (ин-
тимный, интимность).

2(18). Аббревиация со сложением (точнее, может быть, —
сложение с аббревиацией: сложение сокращенных слов) — об-

разование сложносокращенных слов — только имен существительных на базе субстантивных словосочетаний. В зависимости от характера аббревиации выделяется несколько разновидностей сложносокращенных слов.

1) Инициальные (инициальная аббревиация): а) звуковые (сокращение слов до начальных звуков): *вуз* (высшее учебное заведение), *ООН*, *США*, *втуз*, *рик* (устар.), *МХАТ*, *дот*, *загс*, *роно*, *ГАИ*; б) буквенные (буквенная аббревиатура) — сокращение слов до начальных букв (их названий): *ЦК* (читается: це-ка), *СССР*, *БССР*, *ВЦСПС*, *ВЛКСМ*, *ГДР*, *ФРГ*, *ПТУ*, *МГУ*, *ЛГУ*, *ГЭК*, *ВАИ*.

2) Слоговой (слоговая аббревиация): *колхоз*, *совхоз*, *завхоз*, *комсомол*, *парторг*, *местком*, *горком*, *сельмаг*. Первая часть заканчивается обычно на согласный, но ср. *наштадив* (начальник штаба дивизии), *наштакор*, *станция «Вега»* (Вене-ра и комета Галлея).

3) Смешанный: *облоно* (областной отдел народного образования), *районо*, *самбо* (самооборона без оружия), *ЦДСА* (цэ-дэ-са).

4) Сложносокращенные слова в узком смысле — первая часть сокращена, вторая — полная: *стен-газета*, *сбер-касса*, *зар-плата*, *сель-совет*, *гор-совет*, *проф-союз*, *парт-собрание*, *гос-экзамен*. Многокомпонентные объединения: *госкомсельхозтехника*.

Четвертый тип слов является переходным между сложносокращенными и сложными словами, поэтому к сложносокращенным словам их многие не относят. В «Словаре сокращений русского языка»⁵ указаны лишь первые части таких слов: *сбер...*, *стен...*, *зар...* и т. п.

Полноправными единицами языка являются сложносокращенные слова второго типа: они хорошо мотивированы семантически, изменяются по падежам и числам, проявляют грамматический род, категорию одушевленности — неодушевленности (*завхоз* (муж. р.) — *завхозы*, *завхозу*, *завхозам*, *вижу завхоза*, *завхозов* и т. п.). По проявлению грамматических свойств к ним приближаются слова инициально-звукового типа (*вуз*, *дот*), но семантическая мотивация их очень бледная, и это сближает их с непроизводными, корневыми словами (см., например, *загс*). Род аббревиатуры в целом может расходиться с родом основного слова сокращенного словосочетания: *вуз* — муж. р., *высшее учебное заведение* — ср. р.

В образовании (создании) слов этого типа наблюдается тенденция к омонимии с реальными, обычными словами, *МИР* — *Музей истории религии (и атеизма)*, *МИГ* — *самолет Микояна и Гуревича* и т. п. Слова этого типа, оканчивающиеся

⁵ Алексеев Д. И., Гозман И. Г., Сахаров Г. В. Словарь сокращений русского языка. 3-е изд. М., 1983.

на гласные (*США, ГАИ, роно*) не склоняются. Явно ущербными являются слова инициально-буквенного типа: они не склоняются, слабо мотивированы семантически, их род повторяет род ведущего слова: *ИТУ* — ср. р., так как *училище*. Но многие слова этого типа вполне укрепились в языке.

В специальных, профессиональных текстах встречается высокая концентрация аббревиатур: *ИРЯ АН СССР, НИИ школ МП РСФСР, НИИ СиМО АПН СССР...*⁶.

4. Транспозиция — образование омонимов к уже существующим словам

1(19). Собственно транспозиция (иначе — конверсия) — переход слов из одной части речи в другую (лексико-синтаксическая транспозиция).

1) Субстантивация — переход слов разных частей речи (главным образом прилагательных и причастий) в существительные: *столовая, прихожая, пельменная, пирожковая, процедурная, операционная; раненый, учащийся, трудящийся; поцелуй* (ср. повел. накл. глаг.); без омонимии (опрошенная субстантивация): *запятая, насекомое, ушат* 'кадка с двумя ушами — приспособления для подъема, подвешивания', букв. 'имеющий уши'.

2) Адъективация — переход причастий в прилагательные: *выдающийся, блестящий*; без омонимии: *висячий, горячий, скрипучий, вареный*.

3) Нумерализация — переход в числительные: *раз* 'один' (при счете, разг.); без омонимии (забытая нумерализация): *сорок* ('мешок', ср. *сорочка*); процесс нумерализации захватывает также слова *тысяча, миллион* и т. п. (без омонимии).

4) Прономинализация — переход в местоимение: *данный, известный* 'этот, некоторый', *один* 'какой-то': *Вас там один гражданин спрашивает*.

5) Интеръективация — переход в междометия: *братюшки! матушки! Черт возьми!*

6) Переход знаменательных слов в служебные: а) в предлоги: *вокруг, около, благодаря, посредством, в отношении к, в связи с, по направлению к, с целью* и т. п.; б) в союзы: *что, поэтому* (из местоимений); *хотя, хоть* (дееприч.); в) в частицы: *один, одна, одно, одни* 'только' (*Одно недоразумение; пришли одни мальчики*), *пусть, пускай*.

2(20). Лексикализация грамматических форм слова, а именно формы мн. ч. имен существительных — превращение формы мн. ч. в самостоятельное слово (при сохранении ее и в парадигме исходного слова): *лес/леса* (1) — *леса* (2) 'приспособление на стройке'; *счет/счета, -ы* (1) — *счета* (2) 'прибор для сче-

⁶ Русский язык в школе. 1982. № 4. С. 113.

та'; *весы, куплеты, выборы, курсы, номера* (в гостинице), *хоры, права* (документы и т. п.).

3(21). Омонимизация полисемии (распад полисемии): *партия* 1 и 2: 'политическая организация' (*либеральная партия*) и 'раунд в игре' (*партия шахматная*); *класс* 1 и 2: 'социальная группа людей' (*рабочий класс*) и 'учебная комната в школе'; *среда* — 'день недели' и 'окружение'; *завод* — 'промышленное предприятие' и 'приспособление в механизме' и т. п. Это так называемый семантический способ словообразования.⁷ Сюда же можно отнести семантически не мотивированные переносные употребления слова в старинных названиях букв: *добро, слово, зело* (устар.) и др.

Здесь представлена собственно семантическая омонимия, ср. словообразовательную омонимию: *посол* (1) 'дипломат', от *послать, посол* (2) — от *посолить (посол грибов)*; *засаливать* — от *засалить*, и *засаливать* — от *засолить* и т. п.

§ 3. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Существуют количественные данные о продуктивности морфем (корней и приставок), точнее — о их представленности в словах. Это имеет некоторое отношение к способам словообразования.

Около 60 000 простых слов (по Орфографическому словарю (М., 1963) образованы на базе примерно 4500 корневых морфем (2200 корней). Общее соотношение корней и слов на уровне морфем 1:13, на уровне морфем — 1:27.⁸

Распределение корневых морфем по степени их вхождения в слова (основы слов):⁹ из 4126 корневых морфем 500 морфем (12,1%) создают по одной основе, 1600 (38,8%) — по 2—5 основ, 800 (19,4%) — по 6—10 основ, 550 (13,3%) — по 11—20, 400 (9,6%) — по 21—49, 276 (6,7%) — по 50—386 основ. Последняя, наиболее продуктивная, группа корневых морфем (об-

⁷ О семантическом словообразовании в широком понимании (всякое новое значение — новое слово) см.: Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981. — Образование нового значения слова при сохранении его единства (без распада полисемии) называют «семообразованием» (Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965. С. 61). См. также § 5.

⁸ Ефремова Т. Ф. 1) Несколько наблюдений над морфологическим строением слов современного русского языка // Проблемы моделирования языка. Тарту, 1969 (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 228). 2) Опыт составления словаря морфем русского языка // Русский язык в национальной школе. 1969. № 4; 3) Из наблюдений над структурой современного русского языка на уровне морфем // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968; Кузнецова А. И. Существуют ли в русском языке корневые морфемы, специфические только для имен или только для глаголов? // Язык и человек, М., 1970.

⁹ Ефремова Т. Ф. Несколько наблюдений...

разует более 50% основ) распределяется следующим образом: 211 морфов дают по 50—100 основ, 41 — по 101—150, 18 (*кат, вал, ход, зна, ли, би, вод, вяз, каз, пис, руб, мы, мер, сын, мен, ры, ви, чит*) — по 151—200 основ, 6 морфов — по 201—386 основ, а именно: корень (корневой морф) *прав* отмечен в 201 основе, *жи* — в 202, *рез* — в 220, *де* — в 266, *да* — в 308, *ста* — в 386 основах.¹⁰

Количественная характеристика (продуктивность) приставок:¹¹

Ø — 18 541 (30,8%) слов из 60 221; **За-** — 3664; **С-** — 3523 (в том числе *со-* — 784, *сз-* — 39); **По-** — 3100; **Раз-** — 2875 (в том числе *раз-* 1314, *рас-* 1444, *роз-* 17, *рос-* 15, *разо-* 41, *разъ-* 44); **На-** — 2721; **У-** — 2398; **О-** — 2256 (*об-*, *обо-* отдельно); **Пере-** — 2248; **Вы-** — 2150; **Про-** — 2063; **От-** — 2026 (в том числе *ото-* 47, *отъ-* 30); **При-** — 2001; **Под-** — 1847 (в том числе *подо-* 56, *подъ-* 22); **Об-** — 1609 (в том числе *обо-* 76, *объ-* 67); **Из-** — 1462 (в том числе *из-* 796, *ис-* 595, *изо-* 19, *изъ-* 36, *ыз(ъ)-* 16); **В-** — 1232 (в том числе *во-* 128, *въ-* 15); **Вз-** — 1176 (в том числе *вз-* 393, *воз-* 290, *вс-* 213, *вос-* 206, *взс-* 57, *взъ-* 15, *возо-* 2); **До-** — 1032; **Без-** — 728 (в том числе *бес-* 328); **Не-** — 424; **Пре-** — 313; **Пред-** — 270 (в том числе *предъ-* 9, *предо-* нет); **Над-** — 202 (в том числе *надо-* 15, *надъ-* 1); **Су-** — 124; **Па-** — 59; **По-** — 43; **Недо-** — 39; **Н-(?)** — 35; **Пра-** — 28; **Ка-** — 13; **Через-** — 10 (в том числе *через-* 1, *черес-* 5, *чрез-* 4); **Обез-** — 8 (в том числе *обес-* 4); **К-** — 6.

Всего 34 приставки (в том числе Ø), 60 221 слово.

Из приведенных данных следует, что 18 наиболее продуктивных приставок (каждая в 1000 и более слов) дают 39 378 (94,5%) слов, остальные 15 приставок (без учета Ø) — 2302 (5,5%) слов; групповое соотношение их продуктивности — 1 : 19.

Проведено наблюдение за продуктивностью приставочных и бесприставочных глаголов при суффиксальном образовании существительных со значением лица в сфере наименования лиц по профессии. По официальным тарифно-квалификационным справочникам учтено 968 существительных с некоторым перевесом отприставочных образований: 543 (58%) против 405 (42%). В приставочных производящих глаголах использовано 25 приставок, из них 14 (56%, чуть более половины) дают 533 производных (около 95%). Это приставка *раз-/с-* — 74 образования, *за-* — 61, *с(о)-* — 55, *о-* — 51, *на-* — 49, *про-* — 41, *вы-* — 40, *об(о)-* — 37, *от-* — 36, *под-* — 25, *пере-* — 22, *у-* — 16, *по-* — 15, *при-* — 11 (например: *прививщик, привязывальщик, приготовитель, приемщик, прикатчик, прикрепляльщик, припайщик, пристащик, присучальщик, притирщик, прицепщик*). Приведем остальные приставки и сочетания приставок: *из-/с-*, *в-*, *до-*, *обез-*, *вз-*, *воз-/с-*, *над-*, *о-про-*, *пре-за-*, *рас-пре-*, *с-на-*.

Если сопоставить характеристики приставок, то окажется, что наиболее «продуктивные» (чаще представленные в материале) приставки в них совпадают. Это подтверждает объектив-

¹⁰ Ефремова Т. Ф. Опыт составления словаря... (75 000 слов, 60 000 простых).

¹¹ Там же.

ность имеющихся данных, полученных в независимых друг от друга исследованиях и на разном материале.

§ 4. ОСНОВОСЛОЖЕНИЕ ИЛИ СЛОВОСЛОЖЕНИЕ?

В недавнем прошлом в советском языкознании состоялась своеобразная (без объявления и организационных форм) дискуссия о сущности способов образования сложных слов и о соответствующих терминах. Дискуссия не дала каких-либо окончательных решений, и вопрос, лежавший в ее основе, имевший к тому же длительную предысторию, остался открытым. Интересно и полезно поэтому рассмотреть теперь спокойно и сам вопрос, и возникшие в связи с ним дискуссионные контроверзы.

На особенность образования сложных слов указал у нас еще М. В. Ломоносов: «умножение» слов «происходило произведением и сложением. Произведение состоит в парашении складов... Сложение бывает от совокупления двух или многих речений воедино: ...рукомойникъ от рука и мою».¹²

На протяжении столетия с лишним после Ломоносова в этот пункт русской грамматики не было внесено каких-либо существенных уточнений: грамматисты этого периода говорили об образовании сложных слов в целом. Отсутствовали у них и современные термины. Лишь у И. И. Давыдова сказано, что словообразование делится на словопроизводство и словосоставление.¹³

Первым, кто указал на основосложение и словосложение, а вместе с тем и отождествил их, был, видимо, Ф. Ф. Фортунатов: «Грамматически сложным словом называется такое полное слово ...которое заключает в себе сложную основу. ...Сложная основа есть такая основа ...которая заключает в себе форму основосложения, иначе называемую формою словосложения».¹⁴ И надо сразу же отметить, что, хотя основосложение отождествлено здесь со словосложением, предпочтение отдано все же основосложению: оно поставлено на первое место, особо выделено, а сущность сложной основы разъясняется в соответствии именно с ним: «Последняя (т. е. сложная основа. — А. М.) образуется сочетанием основы ... одного слова с последующей основой другого слова».¹⁵ Но если фортуновское отождествление основосложения и словосложения дошло до наших дней, то его предпочтение основосложения не было вос-

¹² Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 409—410.

¹³ Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852. С. 48, 57.

¹⁴ Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М., 1956. С. 174—175.

¹⁵ Там же. С. 175.

принято последующими авторами. Напротив, предпочтение стали отдавать термину словосложение, а основосложение было отодвинуто на задний план. Это проявилось и в кодификации терминов: «Основосложение. То же, что словосложение».¹⁶

Что можно сказать о предпочтении одного или другого из рассматриваемых терминов и об их отождествлении? Присмотревшись к контекстам, в которых применяются и разъясняется наиболее распространенный из них — *словосложение*, нетрудно заметить бросающееся в глаза противоречие: способ словообразования назван словосложением, а механизм и результат его действия разъясняется как сложение основ (или корней): «...словосложение — составление слов из двух и больше корней»;¹⁷ «Словосложение или сложение основ»;¹⁸ «Словосложение ... широко распространенное явление ... Как известно, сущность его состоит в том, что новое слово образуется из двух, реже трех ... полизначных основ»;¹⁹ и т. п.

По существу же этих терминов надо сказать следующее. Присматриваясь к контекстам, в которых применяется и разъясняется наиболее распространенный из них — *словосложение*, нетрудно заметить бросающееся в глаза противоречие: способ словообразования назван словосложением, а механизм и результат его действия разъясняется как сложение основ (или корней): «...словосложение — составление слов из двух и больше корней»;¹⁷ «Словосложение или сложение основ»;¹⁸ «Словосложение ... широко распространенное явление ... Как известно, сущность его состоит в том, что новое слово образуется из двух, реже трех ... полизначных основ»;¹⁹ и т. п.

Следовательно, слово образуется путем сложения основ, но способ такого словообразования называется все же не основосложением, как можно было бы ожидать, а словосложением. У одного из авторов прямо так и сказано: «Более половины (сложных прилагательных на *-тельн-* — А. М.) образованы путем сложения основ. Поэтому (?) основным способом словообразования сложных прилагательных ... следует считать словосложение».²⁰

Особенно остро это противоречие между сущностью языкового явления и его терминологическим обозначением сказалось в следующей формуле: «Среди сложных существительных в русском языке различают образованные: ... в) словосложением глагольной основы и именной (*лизоблюд, вертопрах*)».²¹ Итак,

¹⁶ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 298. То же определение см.: Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985. С. 70.

¹⁷ Булаховский Л. А. Введение в языковедение. М., 1953. Ч. 2. С. 94.
¹⁸ Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык: Лексика. М., 1954. С. 162.

¹⁹ Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956. С. 68.

²⁰ Коровин Ф. Г. Образование прилагательных на *-тельн-* в современном русском языке // Учен. зап. Киргиз. пед. ин-та. 1957. Вып. 3. С. 41.

²¹ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1956. Т. 39. С. 362.

«словосложение основ» (?) — таков логический, но парадоксальный итог необоснованного увлечения термином *словосложение*.

Вот в этих условиях и началась упомянутая дискуссия. Прежде всего обозначился резкий поворот «симпатий» в пользу основосложения, но уже не стихийный и безотчетный, и это особенно показательно, а с соответствующими обоснованиями: «...словосложение или, точнее, основосложение»;²² «...ср. термин „словосложение“, в то время как правильное было бы говорить об основосложении, поскольку слова... могут сочетаться друг с другом только в словосочетаниях и предложениях, а сложные основы состоят из основ»;²³ «Для сложных слов, мы полагаем, предпочтительней применять термин „основосложение“, а не „словосложение“, как принято в литературе, потому что в сложных словах соединяются преимущественно не грамматически оформленные слова, а основы слов».²⁴

Противоположную позицию занял В. П. Григорьев: термин *основосложение* он решительно отвергает, так как этот термин, по его мнению, может породить «иллюзию», «будто могут существовать вне слов и словосочетаний самостоятельные основы, способные складываться в цельнооформленные словарные единицы».²⁵

Откликом на дискуссию была статья И. В. Каллистовой «Словосложение или основосложение?». Автор статьи поддерживал сторонников теории словосложения: «Поскольку, как справедливо указывают сторонники теории словосложения, основы как самостоятельные единицы языка не существуют, то естественно, что в сознании языкового коллектива сложность составных слов осознается через сопоставление ее (!) с соответствующими самостоятельными простыми элементами, т. е. словами, а не основами. ... Самым убедительным доказательством существования ... процесса именно словосложения может служить то, что всякое сложное слово ассоциируется языковым коллективом как сложное лишь постольку, поскольку оно соотносится с отдельными, самостоятельными словами» (ср., например, *водовоз* и *возящий воду*, *словосложение* и *сложение слов* и т. д.).²⁶ Но, «с другой стороны, — продолжает автор, — нельзя не согласиться и с теми исследователями, которые утверждают, что в сложном слове ... компоненты ... не являются самостоя-

²² Левковская К. А. Словообразование. М., 1954. С. 17.

²³ Левковская К. А. Лексикология немецкого языка. М., 1956. С. 182.

²⁴ Собанская Т. В. Вопрос о продуктивности типов сложных прилагательных в истории русского языка // Учен. зап. Даугавпилск. пед. ин-та. 1958. Вып. 1. С. 336. Ст. 1.

²⁵ Григорьев В. П. 1) О границах между словосложением и аффиксацией // Вопросы языкознания. 1956. № 4. С. 52; 2) Некоторые вопросы теории словосложения. М., 1955. С. 7.

²⁶ Проблемы языкознания / Сб. в честь академика И. И. Мещанинова. Л., 1961 (Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 301. Вып. 60). С. 108.

тельными морфологическими единицами и потому не могут рассматриваться как слова».²⁷ В итоге И. В. Каллистова считает, что образование сложных слов является словосложением, а образованное слово представляет собой уже основосложение; происходит, таким образом, «диалектическое изменение», превращение «словосложения» в «основосложение».²⁸

С таким примирением дискутирующих сторон согласиться нельзя. Что же в действительности здесь происходит? Дело не в том, что словосложение, действующее на уровне словообразования, диалектически переходит в основосложение уровня морфемного состава уже образованного сложного слова. Существо вопроса состоит в том, что и на уровне словообразования действует не только словосложение, когда базисные, или производящие, слова полностью переходят в образуемое сложное слово (ср. *тот час* и *тотчас*, *сего дня* и *сегодня*, *с ума сшедший* и *сумасшедший* и т. п.), но и основосложение, когда базисные слова переходят в новое слово лишь своими основами (ср. *мерить землю* и *земл-е-мер*, *снег падает* или *падение снега* и *снег-о-пад* и т. п.).

Таким образом, дискутирующие стороны были одинаково правы и неправы. Они были правы, утверждая, что в словообразовании действует основосложение (К. А. Левковская и др.) и словосложение (В. П. Григорьев), но в еще большей степени они были неправы, категорически настаивая на реальности только какого-либо одного способа образования сложных слов — только основосложение или только словосложение. Ошибочны в своих крайностях обе сопоставленные точки зрения. Но истина здесь оказалась не между ними, в так называемой золотой середине (отсюда неприемлемость каких-либо компромиссов, вроде предложенного И. В. Каллистовой), а в их совмещении: и основосложение и словосложение, — каждое на своем месте.

Доводы дискутировавших сторон были очень слабыми и по содержанию, и по форме. Основы вне слов, конечно, не существуют, но это не может мешать им «складываться в цельно-оформленные словарные единицы»: аффиксы ведь тоже не существуют вне слов, но это не мешает им «складываться» с основами и с другими аффиксами во все новые и новые «цельно-оформленные словарные единицы». Более того, именно в этом и состоит основной путь русского словообразования, сложение же полных слов в единое новое слово встречается довольно редко. Выходит, таким образом, что некоторые «иллюзии» может породить не термин *основосложение*, а, скорее, наоборот, термин *словосложение*, если настаивать только на нем. Фактически же и тот и другой термин хороши, но каждый на своем месте.

²⁷ Там же. С. 109.

²⁸ Там же.

С другой стороны, слова состоят, конечно, не из слов, а части слов — не слова (К. А. Левковская), но отсюда еще не следует, что слово не может быть создано путем сложения слов же. Быть образованным из слов и состоять из слов — не одно и то же. Слова, объединившись и составив новое слово, тем самым перестают уже быть и превращаются в части вновь созданного слова. Части слова *сегодня* — *сего-* и *-дня*, конечно, уже не слова, а только части слова, но тем не менее само слово *сегодня* образовалось путем сжатия в единую лексическую единицу целого словосочетания *сего дня*, состоявшего из двух отдельных и самостоятельных слов — словоформ: *сего* и *дня*.

Признание основосложения и словосложения в качестве отдельно и самостоятельно действующих способов образования сложных слов в научной литературе уже отражено: «В современном языке действует следующая система образования имен лиц... Сложение: а) способ основосложения, в) способ словосложения».²⁹ Это надо было только закрепить, но закрепления, к сожалению, пока не произошло.

Выяснив самостоятельность и отдельность основосложения и словосложения, надо напомнить, что образование сложных слов не сводится и к этим двум способам. Авторы, изучающие вопрос специально, приходят к выводу, что имеется несколько способов образования сложных слов: основосложение (*землемер*), основосложение с суффиксацией (*молотобоец*), словосложение (*сегодня*), основословосложение (*квартиросъемщик*) и др.³⁰ Некоторые авторы предлагают при этом использовать термин *словосложение* в качестве общего для всех этих способов: «Сущность словосложения как словообразовательного приема состоит в том, что новое (сложное) слово образуется путем соединения... двух (или более) отдельных слов, их основ, корней или даже отрезков слов (в сложносокращенных словах)».³¹ Такое обобщение, однако, нельзя признать удачным.

Обобщенный термин для всех способов образования сложных слов действительно необходим, но им должен быть не какой-либо частный, узкоориентированный термин — *словосложение* или *основосложение*, а в известном смысле нейтральный, общий по самой своей сути. Таким термином может быть уже используемый в разных значениях термин *сложение*: это наименование, в отличие от конкретизированных терминов — *основосложение*, *словосложение* и т. п.,... легко и свободно осознается именно как обобщение этих последних, подобно тому, как

²⁹ Лыков А. Г. О некоторых особенностях словообразования имен существительных со значением лица в современном русском языке // Учен. зап. Каспийск. ун-та. 1957. Вып. XXII. С. 29.

³⁰ Там же; Шеляховская Л. А. Структурно-морфологические типы сложных слов и их продуктивность в русском языке. Алма-Ата, 1956. С. 17.

³¹ Яценко Б. М. Развитие способов словосложения в русском языке советской эпохи // Учен. зап. Каспийск. ун-та. 1954. Т. VI. Филологические науки. С. 21.

аффиксация легко и свободно осознается в качестве обобщения *префиксации, суффиксации, постфиксации* и т. п.

Грамматика-70, написанная вскоре после рассмотренной дискуссии («Основы построения...» этой грамматики были опубликованы в 1966 г., через четыре года после статьи И. В. Каллистовой), не учла в должной мере ее содержание и результаты. Термины *основосложение* и *словосложение* в ней вообще не использованы, а термин *сложение* использован не как обобщение всех конкретных способов образования сложных слов, а применительно лишь к одному из этих способов — к образованиям типа *первоисточник, лесостепь, царь-пушка*. То же повторено в Грамматике-80. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой основосложение определено как «вид словосложения», а в «Кратком словаре-справочнике» В. Н. Немченко³² основосложение по-прежнему просто отождествляется со словосложением. Обсуждаемый вопрос, таким образом, полностью сохраняет свою остроту и актуальность.

Учитывая все рассмотренное, основосложение и словосложение следует поставить на принадлежащие им по праву места в словообразовательной системе языка. Это тем более необходимо, что, как всегда, за терминологической неупорядоченностью скрывается неотчетливость в разграничении и квалификации соответствующих языковых явлений. Хотя терминологическая неустроенность в данном случае оказалась широко распространенной и глубоко укоренившейся, преодолеть ее вполне возможно, так как языковой материал не только настоятельно требует этого, но и подсказывает пути реализации самих этих требований.

§ 5. СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Проблему семантического словообразования со всей определенностью поставил В. В. Виноградов.³³ С тех пор семантический способ неизменно значится в общей системе способов словообразования, но материал, привлекаемый для его характеристики, как правило, очень незначителен (часто лишь единичные примеры так называемого разрыва полисемии, перехода полисемии в омонимию). Поэтому и сам этот способ оказывается на периферии словообразовательной системы. Иначе к этому вопросу подошел В. М. Марков. Семантический способ слово-

³² Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985. С. 70. Там же см. дополнительную литературу по вопросу (с. 70—71, 160—161).

³³ Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка... М., 1952.

образования он противопоставил всем прочим способам как безморфемный способ всем морфемным. При таком подходе по материалу он почти не уступает всем им, вместе взятым: это все случаи переносного употребления слов, вся полисемия. Полисемия же просто отрицается: «...без отрицания полисемии... невозможно рассчитывать на понимание сущности семантического способа образования слов».³⁴ Так, формулируя существо вопросов, автор опирается на известные положения А. А. Потебни и Л. В. Щербы. А. А. Потебня писал: «...мы нашли многозначность слов поятием ложным: где два значения, там два слова».³⁵ Такое же суждение есть и у Л. В. Щербы: «Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская (имеется в виду практика толковых словарей. — Л. М.) точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений... Это вытекает логически из признания единства формы и содержания...».³⁶ В. М. Марков, полностью соглашаясь с этим, критикует тех авторов (Р. А. Будагова, А. А. Уфимцеву, Д. Н. Шмелева и др.), которые считают, что вопрос не решается столь просто и однозначно.

Однако ссылаясь на широкоизвестное мнение А. А. Потебни и опираясь на его авторитет, нельзя упускать из виду и его высказывания иного содержания: «...она (внутренняя форма слова. — Л. М.) показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одно слово... может обозначать предметы разные».³⁷ Здесь многозначность слов признается реальным и вполне объяснимым свойством языка. Из этих двух положений А. А. Потебни нельзя просто взять какое-либо одно и отмахнуться от другого. Задача состоит в том, чтобы понять условия их совмещения: не исключено, что А. А. Потебня, как и Л. В. Щерба, отрицал многозначность слов только в каком-то особом смысле или, как сказано у Л. В. Щербы, только «в сущности говоря».

Особого рассмотрения требует ссылка Л. В. Щербы на единство формы и содержания. Единство формы и содержания — всеобщий закон бытия и развития природы, общества и

³⁴ Марков В. М. О семантическом способе словообразования и русском языке. С. 20.

³⁵ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. Т. 1—2. М., 1958. С. 39.

³⁶ Щерба Л. В. Опыт теории общей лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 290—291.

³⁷ Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 115.

сознания; ему подчиняется и язык на всех своих уровнях, во всех своих сторонах, частях и единицах. Но проявления этого закона разнообразны. Специфика его реализации в языке не отмечена ни в общей отсылке Щербы, ни в комментариях к ней других авторов. Сопоставим высказывания. Л. В. Щерба: «Это (сколько значений, столько слов. — А. М.) вытекает логически из признания единства формы и содержания»;³⁸ Р. А. Будагов: «К этой точке зрения (точке зрения А. А. Потебни: «...где два значения, там два слова». — А. М.) был близок и Л. В. Щерба, утверждавший, что слово имеет лишь одно значение, и ссылавшийся при этом на „единство формы и содержания“: одно слово — одно значение — одна форма выражения этого значения...»;³⁹ А. А. Уфимцева: «В доказательство столь категорического отрицания явления многозначности слов Л. В. Щерба приводит общую, собственно говоря, ничего не доказывающую фразу о единстве формы и содержания»;⁴⁰ В. М. Марков: «...чрезмерно легкое отношение к известному философскому тезису, продемонстрированное в работе А. А. Уфимцевой, представляется совершенно неоправданным».⁴¹ Специфика единства формы и содержания в языке осталась здесь даже незатронутой.

Специфика эта состоит в том, что закон единства формы и содержания в языке взаимодействует с внутренним законом самого языка — с так называемой асимметрией языкового знака: в принципе каждый знак может и стремится иметь и другие функции, кроме своей исходной, первичной, а каждая функция — иметь другой знак выражения, кроме исходного, первичного. Следствием взаимодействия этих двух законов является то, что единство формы и содержания в языке, в данном случае — в словах, может иметь по меньшей мере две формы проявления: 1) условно говоря, полное единство, однозначное соответствие формы и содержания, звукового комплекса и значения (все однопозначные слова, их около 60—65% словарного состава языка), 2) асимметричное соответствие формы и содержания, звукового комплекса и значения слов — все случаи полисемии, омонимии, дублетности, фонетической вариантности слов, а отчасти также синонимии и паронимии слов, например *земля* — 'планета', 'суша', 'почва', 'уголья', 'страна' и т. п. (полисемия); *балка I* — 'овраг', *балка II* — 'перекладина' (омонимия); *конница* и *кавалерия* (дублетность); *галоша* и *калоша*, *матрац* и *матрас* (фонетические варианты); *кинуть*, *бросить*, *швырнуть* (синонимия); *боцман* и *лоцман*, *лестный* и *льстивый* (паронимия).

³⁸ Щерба Л. В. Опыт теории общей лексикографии. . .

³⁹ Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958. С. 12.

⁴⁰ Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1966. С. 86.

⁴¹ Марков В. М. О семантическом способе словообразования. . . С. 12.

Основной формой проявления асимметричного единства формы и содержания в лексике являются полисемия и омонимия слов: они представляют большую часть асимметричных слов. Формально, чисто внешне, асимметрия полисемии и омонимии проявляется совершенно одинаково: одной форме соответствует два (или более, что в омонимии встречается редко) значения (см. приведенные примеры: *земля*, *балка*). Но содержательно между ними глубокое различие: одно слово при разных значениях (полисемия), разные слова при одной форме (омонимия). Это можно интерпретировать как разрешение (сведение) асимметрии формы и содержания «в пользу» формы или «в пользу» содержания, а именно: при полисемии решающий фактор — форма (единая форма объединяет разные значения в одно слово), при омонимии — значение (разные значения распекают единую форму на разные слова).

Тот и другой путь вполне обычны для языка, но более соответствует его природе, более органично для него разрешение асимметрии в пользу формы: слово, языковой знак — прежде всего некая форма, имеющая определенное значение, выполняющая определенную функцию. Поэтому более приемлемо узкое понимание омонимии: при котором не исключается и полисемия (нет сплошной омонимии): омонимы — результат случайного совпадения звучания разных слов (заимствования, типа *балка I* (овраг), *балка II* (перекладина)); словообразовательные преобразования: *посол I* от *послать* и *посол II* — от *посолить* и т. п.); результат семантических и этимологических преобразований: *коса* 'орудие', 'прическа', 'полоса земли', *ключ* и т. п. В это число войдут и омонимы семантического способа словообразования.

Таким образом, полное отрицание многозначности, полисемии слов, перевод полисемии в омонимию как следствие семантического словообразования — крайность. Семантические процессы могут привести к образованию слов-омонимов, но в своей основной части они остаются в пределах полисемии. Семантический способ словообразования, ведущий к омонимии, крайний и редкий случай этих процессов. Примеры слов, образованных этим способом (типа *завод (1)* 'предприятие' и *завод (2)* 'приспособление в механизме', *среда* 'день недели' и *среда* 'окружение') были приведены в § 1.

§ 6. ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ОБРАТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

«Обратное словообразование» выделено совсем недавно. Отчасти, может быть, поэтому здесь многое еще остается неясным: не устоялась терминология, не выявлен в сколько-нибудь широком охвате подходящий материал, не достигнуто единство в его истолковании.

Первое упоминание обратного словообразования можно отнести к середине 50-х годов и приписать А. И. Смирницкому.⁴² Вслед за ним, но может быть, и независимо от него об обратном словообразовании писали А. А. Реформатский, Н. Д. Арутюнова, А. М. Мячина, К. А. Левковская, Н. М. Шанский, М. А. Михайлов, Н. А. Янко-Триницкая⁴³ и др.

Терминологическое обозначение рассматриваемого явления колеблется в очень широких пределах, от *обратного словообразования* (можно принять за исходный термин), *обратного разложения* (Словарь Ахмановой), *усложнения основы* (Н. М. Шанский),⁴⁴ до *редеривации*,⁴⁵ *реверсии*,⁴⁶ *регрессии*, *регрессионной деривации*, *рекомпозиции*, *декомпозиции*, *дезаффиксации* (Словарь Ахмановой). Поэтому упорядочение терминологии в этом ее участке — задача острая и актуальная. Предпочтение должно быть отдано исходному термину, но кавычки или эпигет «так называемое», по-видимому, еще нужны.

Материал, подводимый под «обратное словообразование», в русском языке пока крайне невелик — всего несколько разрозненных слов: *зонт* при *зонтик*, *фляга* при *фляжка*, *дояр* при *дойрка*, вероятно, также *стюард* при *стюардесса* и некоторые другие; из детской речи: *коша* при *кошка*, *лога* при *ложка*. Материал этот, к тому же, неоднороден. Так, в Словаре Ахмановой рядом с соотношением *зонт* — *зонтик* приведено соотношение совсем другого типа: *вход* — *входить*, *призыв* — *призывать* (нулевая суффиксация). Слова *дойр* и *зонт* также различны: при *дойр* есть не только *дойрка*, но и *дойть* (в Грамматике-70 дано как раз *дойть* — *дойр*. — С. 64, в Словообразовательном словаре: *дойть* — *дойр* — *дойрка*), а при *зонт* только *зонтик*. А. А. Реформатский, сопоставляя аналогичные образования (*пятаец* при *пятачок* и *пятак*, *точьца*, *тачьца* только при *точка* и *тачка*), заметил, что между ними есть «существенное» различие: *пятаец* и *пятачок* можно понять как

⁴² Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

⁴³ Реформатский А. А. Точьца, тачьца и пятаец // Вопросы культуры речи. Вып. II. М., 1959; Арутюнова Н. Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации // Вопросы языкознания. 1960. № 2; Мячина А. М. Обратное образование (реверсия) в английском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1962; Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962; Шанский Н. М. В мире слов. М., 1971; Михайлов М. А. Взаимодействие разных типов основ в процессе образования слова // Лексика, терминология, стили. Вып. I. Горький, 1973; Янко-Триницкая Н. А. «Дай мне логу» // Развитие современного русского языка. 1972; Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

⁴⁴ Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. С. 129.

⁴⁵ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь. М., 1975. Слова *зонт*, *фляга*.

⁴⁶ Мячина А. В. Обратное образование (реверсия) в английском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1962.

«параллельные» образования от *пятак*,⁴⁷ а «исходный пункт» для слов *точьца* и *тачьца* можно лишь «восстанавливать» и только «теоретически»: *точа* и *тача* или *тока* и *така*, как детские *коша* и *лога* при *кошка* и *ложка*. Обратное образование автор видит лишь во втором случае — в теоретических *точа* и *тача* или *тока* и *така* и в детских *коша* и *лога*, т. е. в случаях «восстановления» «исходного пункта». Неологизмы типа *наив*, *интим*, *примитив*, *изыск* и т. п. сюда тоже, видимо, не относятся: это мотивированные слова.

Процесс и сущность обратного словообразования определяются, истолковываются по-разному, и формально, и содержательно, — даже одним и тем же автором. См., например, определение (толкование) некоторых терминов рассматриваемого ряда в Словаре Ахмановой: «Деаффиксация. 2. (регрессивная деривация) — вычленение основы из производного слова и включение ее в парадигму соответствующей части речи»; «Реконструкция — восстановление первоначальной формы одного из элементов сложного или производного слова»; «Регрессия — выделение простой (первообразной) основы из слова, ошибочно принятого за производное». Таким образом, то вычленение (выделение), то восстановление; то просто основы, то первообразной или первичной формы; то из производного слова, то из слова, ошибочно принятого за производное.

Интересны два следующих определения: «...способ словообразования, когда в... словообразовательном квадрате появляется не четвертый член (ср. *нога* > *ножка* : *конфета* > *конфетка*), а третий (ср. *нога* > *ножка* : *фляга* < *фляжка*), называется обратным словообразованием».⁴⁸ «Редеривация (обратное словообразование). — Образование слова не в виде производного, а в виде производящего» (Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова, Словарь-справочник лингвистических терминов).

Итак, обратное словообразование — это образование третьего члена словообразовательного квадрата, иначе — образование не производных, а производящих слов, т. е. нечто необычное, нечто прямо противоположное «прямому», настоящему словообразованию — образованию производных, мотивированных слов. Как же быть с этой необычностью?

Тут, видимо, мало назвать способ обратным — надо увидеть и осознать именно то, что этот «способ» принципиально противостоит всем другим способам: все они образуют производные, мотивированные слова, а он один — слова производящие, мотивирующие. Признав такой способ, надо далее внести поправку в общее определение (и понимание) словообразования: оно до сих пор выводилось из представления, что словообразование — всегда образование производных (в широком

⁴⁷ Реформатский А. А. *Точьца, тачьца и пятачек*... С. 231.

⁴⁸ Шанский Н. М. В мире слов. С. 107.

смысле, включая и сложные) слов, слов вторичных, мотивированных, — теперь надо будет включать в словообразование и образование слов непронизводных, немотивированных, первичных, которые при этом сразу же оказываются производящими. Так, слова типа *зон* для системы языка первичные, непронизводные, и притом всегда, не только какое-то время спустя после их «образования», но и в момент «образования»; более того, это всегда производящие слов, от которых они будто бы образованы. Наконец, при допущении «обратного словообразования» система словообразования примет такой вид, когда одна ее «половина» будет представлена многими десятками тысяч слов, другая — единичными словами. В системе обнаружится переко́с. Чтобы избежать такого переко́са, обратное словообразование изымает из синхронии и передают в диахронию: это «способ диахронического словообразования».⁴⁹ Может быть, поэтому его нет и в Грамматике-80. Но от передачи «неприятного» объекта в другое ведомство ничего не изменится в существе вопроса: ненормальный переко́с будет теперь в диахронии словообразования, так как все диахроническое словообразование в принципе изоморфно синхронному и только обратное словообразование окажется вне такой изоморфности.

Нужны, по-видимому, другие решения. Все дело в том, что так называемое обратное словообразование в соответствии с отмеченными его особенностями вообще не является словообразованием, ни синхронным, ни диахронным. Это своего рода «этимологизация» — выявление (фактически может быть и создание, но психологически, т. е. с точки зрения «языковой деятельности» — только выявление) этимона, производящего слова к данному «пронизводному» слову (генетически, может быть, и непронизводному, но психологически, т. е. с точки зрения языкового сознания, непременно производному; то, что «классический» *зонтик* генетически оказался сложным, для обратного словообразования не имеет никакого значения, это простая случайность). Это, иначе говоря, восстановление производящего слова,⁵⁰ или, что то же, восстановление третьего элемента словообразовательного квадрата. В принципиальном отношении «образование» слова *зон* при слове *зонтик* — то же самое, что восстановление слова под звездочкой, например *крохоть* при слове *крохотный* или *белица* при *беличий*, с той лишь (но весьма существенной, конечно) разницей, что установление этимологии слова — сознательная, целенаправленная

⁴⁹ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 8.

⁵⁰ «Основа слова *пушк(а)* нечленима на морфемы, но содержит два субморфа, что и дает возможность превратить их в морфемы. Это характерный случай так называемого обратного словообразования, когда восстанавливается предполагаемая или создается возможная базовая основа для данного слова (*пуха* или *пуша*)» Янко-Трипницкая Н. А. «Дай мне логу». С. 261.

научная деятельность, а обратное образование — стихийный языковой процесс. Кроме того, продукт этимологизации остается достоянием лишь науки, а не живого языка, а продукт «обратного образования» становится живым фактом языка, хотя может быть и образованным «ошибочно» (что не обязательно: детская *коша*, оказывается, совпадает с научно восстановленным этимологом слова *комка*).⁵¹ В этом отношении «обратное словообразование» надо уподобить не научной, а так называемой народной этимологии: там и тут стихийный, спонтанный языковой процесс; там и тут могут быть ошибки, хотя и не обязательно; там и тут продукт процесса становится или может стать фактом языка.

Вывод о том, что «обратное словообразование» вовсе и не словообразование, не означает, что само оно не представляет для языковедов никакого интереса. Нет, это весьма интересное явление; его надо изучать и описывать, и может быть, даже в связи со словообразованием, но не как словообразование (синхронное или диахронное) и не в его составе, а как особое явление. А так как в результате «обратного образования» возникают новые лексические единицы, то оно вместе со словообразованием должно встать в ряд с заимствованием слов из других языков, словотворчеством (разного рода «выдумыванием» слов, если оно дает реальные слова) — всеми явлениями и процессами, ведущими к обогащению языка новыми словами.

⁵¹ «Совр. *кошка*, вероятно, является производным с суф. *-ка* от ласкат. *коша*, представляющего собой образование от *когъ* с суф. *-ша*» (Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь... С. 217).

Глава 5

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЧАСТИ РЕЧИ

§ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Так как каждое слово в русском языке непременно принадлежит определенной части речи, то и словообразование тоже обязательно образует слова той или иной части речи на базе слов конкретной части речи. Части речи, таким образом, входят в словообразование дважды: как база (производящие слова) и как результат (производные слова).

Части речи проявляют себя так же в словообразовательных значениях: словообразовательное значение — это семантическое соотношение производных и производящих слов, следовательно, всегда соотношение слов каких-либо частей речи. С частями речи связаны и средства словообразования. Все это: частеречный статус производящих и производных слов, словообразовательные значения в единстве с соответствующими средствами словообразования — определяет в конце концов и словообразовательные типы.

Словообразовательная характеристика частей речи предполагает характеристику следующих явлений: 1) части речи (слова каждой данной части речи) как база словообразования и общее частеречное соотношение производящих и производных слов, т. е. слова каких частей речи образуются от слов данной части речи; 2) части речи (слова каждой данной части речи) как результат словообразования и общее частеречное соотношение производных и производящих, т. е. от слов каких частей речи образуются слова данной части речи; 3) словообразовательное значение производных разных частей речи как семантическое соотношение производных и производящих слов соответствующих частей речи.

В пунктах первом и втором рассмотрению подлежит один и тот же материал лишь в разном направлении и разной организации. Далее будет рассмотрен главным образом лишь пункт первый — слова по частям речи как словообразовательная база. По пункту второму — образование слов по частям речи —

можно отослать к имеющейся литературе, прежде всего к Грамматикам-52, -70, -80; организация словообразовательного материала в Грамматике-80 кратко рассмотрена в Приложении. Характеристика словообразовательных значений выносятся в Гл. 6.

Говоря о соотношении словообразования и частей речи, следует отметить, что это соотношение существенно не только для словообразования, но и для характеристики самих частей речи. Не случайно при общей характеристике (определении) частей речи обычно учитываются и их словообразовательная специфика: «Части речи в русском языке представляют собой лексико-грамматические разряды слов, которые разграничиваются по выражаемым ими значениям, по свойственным им морфологическим признакам и грамматическим категориям, по типам формообразования и словообразования, по синтаксическим функциям... Таким образом, каждая часть речи в русском языке... характеризуется присущими ей морфологическими свойствами и словообразовательными типами...».¹

§ 2. ВНУТРЕННЕЕ И «ВНЕШНЕЕ» СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПО ЧАСТЯМ РЕЧИ

В частеречных соотношениях производящих и производных, и, напротив, производных и производящих много общего. Слова каждой данной части речи, как правило, могут быть базой образования слов разных частей речи, в их числе и той же самой, например, существительные могут быть базой образования существительных же (*стол — столяр, застолье, столняк*) и слов других частей речи — прилагательных (*стол — столовый*), глаголов (*стол — столоваться*), наречий (*дом — домой*) и т. п. И, наоборот, слова данной части речи могут быть образованы от слов разных частей речи, в их числе и той же самой, например существительные могут быть образованы от существительных же (см. приведенные уже примеры: *стол — столяр* и т. п.) и от слов других частей речи — прилагательных (*белый — белая, белье, белизна*), числительных (*пять, пятеро — пятерка, пятерня*), глаголов (*читать — читатель, читальня, читка, чтение*) и т. п. Это было отмечено в свое время еще В. Г. Белинский: «В общем свойствам частей речи... принадлежит еще и то, что... они производятся взаимно одна от другой... В рассуждении взаимоотношения производства частей речи друг от друга должно заметить следующее: а) ежели от имени производят множество определительных слов (*камень — каменный, дерево — деревянный, деревянистый, слава — славный*), глаголов (*каменеть, каменить, деревенеть, деревянить, славить*), то нао-

¹ Современный русский язык: Морфология / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1952. С. 36.

борот, и множество имен (отвлеченных) происходит от определенных слов (*многий* — *множество*, *большой* — *большинство*, *малый* — *малость*... *белый* — *белизна*) и глаголов (*послать* — *посланник*, *посол*, *мочь* — *могущество*, *вельможа*, *быть* — *бытие*, *существо*, *знать* — *знание* и проч.)...»²

На этой основе различаются два основных направления словообразования — нетранспозиционное и транспозиционное, проще — внутреннее (внутри данной части речи) словообразование (внутриглагольное, внутрисубстантивное и т. п.) и «внешнее», при котором производное слово оказывается в иной, нежели производящее, части речи, например: *лететь* — *улететь* и *летчик*; *желтый* — *желтоватый* и *желтеть*, *желтизна*; *камень* — *камешек* и *каменистый*, *окаменеть* и т. п.

На других основаниях различаются отмеченные ранее мутационное и модификационное словообразование, а также лексическое и синтаксическое. Много спорного в понимании синтаксического словообразования (синтаксической деривации).

Синтаксическую деривацию обобщенно можно определить как такое словообразование, при котором производное слово в иной по сравнению с производящим частеречной форме выражает то, что является категориальным (частеречным) значением производящего, например *читать* — *чтение*: действие (частеречное значение глагола) обозначено отглагольным производным существительным; *добрый* — *доброта*: качественный признак (частеречное значение прилагательного) обозначен отадъективным производным существительным и т. п.]

Производящими словами при синтаксическом словообразовании могут выступать главным образом глаголы и прилагательные, гораздо реже и с малой вероятностью — числительные и наречия. Синтаксическими производными при них оказываются существительные (преимущественно отглагольные и отадъективные), наречия (отадъективные), предлоги (семантические образования на базе наречий). Например:

глагол — существительное: *читать* — *чтение*, *читка*, но не *читатель*, *читальня*, *читалка*;

прилагательное — существительное: *смелый* — *смелость*, но не *смельчак* (и не *смецель*, *осмелиться*);

прилагательное — наречие: *смелый* — *смело*;

наречие — предлог: *около* — *около дома*;

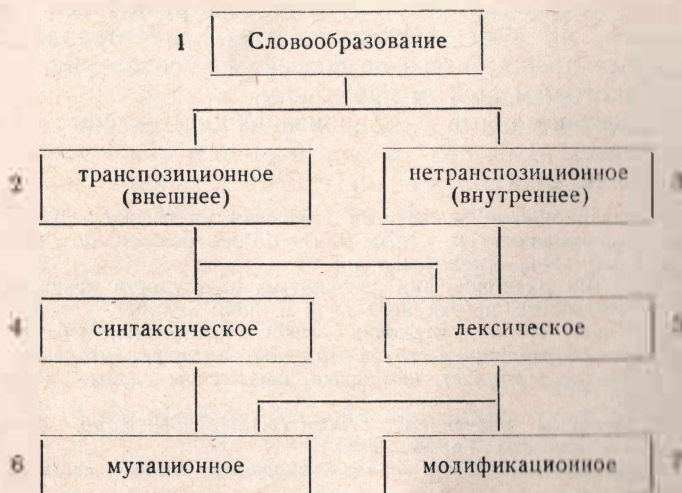
числительное — существительное (?): *пять* — *пятерка* (в собственном количественном значении), но не *пятерня*, *пятак*, *пятачок* (и не *впятером*, *упятерить* и т. п.).

Существительные и местоимения синтаксическими производными не бывают: *лес* — *лесной*, *лесистый*, *обезлесеть*

² Белинский В. Г. Основания русской грамматики... // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 2. М., 1953. С. 684.

(-ить) — лексические образования, а не синтаксические. *ячество, свой — свойство, свояк, усвоить, освоить(ся)* — лексические производные.

Синтаксическое словообразование только внешнее, транспозиционное; модификационное — только внутреннее, нетранспозиционное; лексическое и мутационное словообразование может быть и внутренним, и внешним. Общее соотношение между функциональными разновидностями словообразования можно показать в схеме:

Примеры (в порядке номеров схемы):

1) В пределах используемого иллюстративного материала *свой* относится все, что будет указано в п. 2 и 3;

2) *лес — лесной, лесистый, обезлесеть/-ить; смелый — смелость, смелыш, осмелеть, осмелиться, смело; читать — читатель, читальня, чтение, читание, читка*;

3) *лес — лесник, лесничий, лесничество, перелесок, лесок; смелый — смелехонкий; читать — перечитать, прочитаться, вчитаться, зачитаться*;

4) *смелый — смелость, смело; читать — чтение, чтение, читка*;

5) все образования из п. 3; из п. 2 то, что не перечислено в п. 4, а именно: все образования на основе существительного *лес*, а также *смелый — смелыш, смелеть, осмелиться; читать — читатель, читальня*;

6) все транспозиционные образования (п. 2), как лексические (п. 5), так и синтаксические (п. 4); синтаксические образования все мутационные); из внутреннего словообразования: *лес — лесник, лесничий, лесничество, перелесок*;

7) только внутренние образования (п. 3, но не все внутренние образования модификационные): *лес — лесок, лесочек, лесиче; смелый — смелехонкий (серый — серенький, сероватый); хорошо — хорошенько; петь — напевать, подпевать*. Но *лес — лесник, стол — столяр* и т. п. — мутация.

§ 3. СЛОВА ПО ЧАСТЯМ РЕЧИ В ФУНКЦИИ ПРОИЗВОДЯЩИХ

(ЧАСТЕРЕЧНОЕ СООТНОШЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩИХ И ПРОИЗВОДНЫХ)

1. Имена существительные как производящие слова

Имена существительные могут быть производящими словами при образовании имен существительных же (внутреннее словообразование), а также прилагательных, глаголов, наречий, в единичных случаях и слов других частей речи (внешнее словообразование на базе существительных). Материал группируется далее прежде всего по способам образования, а частично и по некоторым другим признакам.

1) Существительные (производящие) — существительные (производные):

а) суффиксация

с модификационными значениями (значения уменьшительности, увеличенности, ласкательности и т. п.): *дом — домишко, домина, домище; вода — водица, водичка; каша — кашка* и т. п.;

с различными мутационными значениями, в частности названия лиц по предмету деятельности, профессиональной и иной: *аппарат — аппаратчик, машина — машинист, станок — станочник, кран — крановщик, лебедка — лебедчик; барабан — барабанщик, труба — трубач, гитара — гитарист; лыжи — лыжник, футбол — футболист, шахматы — шахматист; грибы — грибок, ягоды — ягодник;*

с собирательным значением: *студент(ы) — студенчество, аспиранты — аспирантура, профессора — профессура;*

со значением единичности: *горох — горошина, песок — песчинка, снег — снежинка;*

со значением помещений, вместимости и пространства: *птицы — птичник, коровы — коровник; сахар — сахарница, соус — соусник, перец — перечница; малина — малинник, осина — осинник* и др.;

б) префиксация —

с сохранением типового, тематического значения производящих, в частности — значения лица: *автор — соавтор, путник — спутник, ректор — проректор, чемпион — экс-чемпион, полковник — подполковник, прапорщик — подпрапорщик, поручик — подпоручик, есаул — подесаул, лекарь — подлекарь, рاميш — подрамиш, сваха — подсваха; дед — прадед, прапрадед, прабабка, правнук, правнучка;*

другие значения: *вид — подвид, группа — подгруппа, заголовок — подзаголовок, класс — подкласс, подкомиссия, подкомитет, подотдел, подотрасль, подпункт, подраздел, подрайон, подсекция, подстанция, подтип, подтропики; город — пригород, сказка — присказка;*

в) суффиксация с префиксацией,

например, с приставкой *под-*

названия разного рода приспособлений, сооружений: *стакан — подстаканник, подблюдник, поддонник, поддонок, подсвечник, подфарник, подлокотник, подоконник, подоконница, подоконье, подзеркальник, подножка, подножие, подгрифок, подрамник, подрамок, подрессорник, подседельник, подворотня, подземеелье, подполье, подсанки;*

названия грибов, растений, рыб, животных: *подосиновик, подосинник,*

подберезовик, поддубень, поддубок, подгрудок, подснежник, подсакольник, подлесок, подлесье, подлещик, подъязок, подкаменщик, подлисок, подлинник, подтелок;

название мест: подгорье, подстепье, подполье, подлечек, подлавок, подыбица (ср. с другими приставками: заречье, примостье, предгорье),

топоним: Подмосковье (ср. Заволжье, Предуралье);

названия частей тела: подбородак, подгрудок, подшеек, подглазье, подзобок, подусники, подреберье, поджилки, подзатыльник (в одном из значений);

названия лиц: подмастерье, подчасок, подпасок; другие значения: подстрочник, подзаголовок, подрячник, подгололье, подголовок.

Приставочно-нуль-суффиксальные образования: море — помор, зола — подзол.

В этом разделе (существительные — существительные) можно выделить образования наименований лиц по местности — городам и другим населенным пунктам (по месту жительства или рождения): Москва — москвич(и), Ленинград — ленинградец, Киев — киевлянин, Тула — туляк(и), Одесса — одессит(ы) и т. п. Имеются наименования лиц по территориальным регионам, по рекам, озерам и т. п.: Сибирь — сибиряк(и), Кавказ — кавказец, Крым — крымчак(и), Волга — волжанин, юг — южанин, север — северянин и т. п. Отмечаются варианты наименования: Волга — волжанин и волгарь, Крым — крымчак(и) и крымчанин, Москва — москвич(и) и москвитянин (устар.), москвитин (устар.), москаль (устар.) и т. п.³

Суффиксы наименований лиц по местности разнообразны, но их продуктивность не равновелика. Первое место занимает суффикс -ец и его производные (интерфиксальные варианты) — овец, инец, янец, имец: ленинград-ец, новгородец, тамбовец и т. п., а также: Зель — зеец, Нея — неец, Омск — омец, Сумы — сумец, Устье — устьянец, Короча — корочанец, Уфа — уфимец, Улан-Удэ — уланудэнец и т. п. На долю этих суффиксов приходится около 80% наименований. Второе место принадлежит

³ Такие существительные общими толковыми словарями, как правило, не фиксируются (в 17-томном словаре отмечены сибиряк, крымчак, южанин и подобные, но названия по городам и здесь отсутствуют). Поэтому составляются специальные словари (Словарь названий жителей РСФСР / Под ред. А. М. Бабкина. М., 1964; Словарь названий жителей СССР / Под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова. М., 1975. — Во втором словаре наименования жителей приведены по союзным республикам, а в их пределах — по областям, краям, автономным республикам, областям и округам. «Словарь, — как сказано в Предисловии, — носит словообразовательный характер»: в него включены «лишь те названия жителей, которые словообразовательно связаны с соответствующими географическими наименованиями» — наименованиями городов и поселков, «которые являются... административными центрами районов, областей, краев, национальных (теперь — автономных. — А. М.) округов, автономных и союзных республик» (с. 6 и 5). Отдельно даны «названия жителей по рекам, озерам, островам и т. п.» (с. 448—472); есть приложение — «Названия жителей городов зарубежных стран» (с. 473—560) — по континентам, а в их пределах — по странам (здесь тоже отдельная рубрика — «Названия жителей по рекам, озерам, островам и т. п.»). В конце словаря алфавитный «Указатель названий жителей» — около 10 000 единиц.

наименованиям на *анин, янин, чанин*: Волга — волжанин, Киж — кижанин, Орша — оршанин, Ош — ошанин, Пронск — прончанин, Сумы — сумчанин, сумлянин, Мстёра — мстерянин, Муром — муромлянин, муромчанин, юг — южанин и т. п. (около 15%). Довольно представительны образования на *-ич(и)* и *-як(и)*; остальные суффиксы представлены единичными образованиями. Приведем некоторый материал:

-ич(и): Болхов — болхович(и), Боровск — борович(и), Венёв — веневиц(и), Верей — верейц(и), Вышь — вымич(и), Вятка — вятич(и), Гдов — гдович(и), Козельск — козелич(и), Коломна — коломнич(и), Кострома — костромич(и), Кромь — кромич(и), Лальск — лалич(и), Лутск — лутич(и), устар., Москва — москвич(и), Нема — немич(и), Омск — омич(и), Остров — острович(и), Порхов — порхович(и), Псков — пскович(и), Ржев — ржевич(и), Серпухов — серпухович(и), Тверь — тверич(и), Томск — томич(и), Холм — холмич(и), Чухлома — чухломич(и), Юхнов — юхнович(и), Яранск — яранич(и), Яхрома — яхромич(и); **-ак/як-**: Пинега (р.) — пинжак(и), Тума — тумак(и), Унжа (р.) — унжак(и), Юг (р.) — южак(и), Вохма — вохмяк(и), Гусь-Хрустальный — гусьяк(и), Кемь — кемляк(и), Кимры — кимряк(и), Косьва — косьвяк(и), Курск — курыак(и), Пенза — пензяк(и), Пермь — пермяк(и), Подолья — подоляк(и), Сива — сивяк(и), Смоленск — смоляк(и), Тверь — тверяк(и), Тобольск — тоболяк(и), Толша (р.) — толимяк(и), Тотма (р.) — тотмяк(и), Тула — туляк(и), Устье (Архангельская и Владимирская обл.) — устьяк(и); **-чак**: Крым — крымчак(и); **-арь**: Волга — волгарь, Ока — окарь, Мышкино — мышкарь, Пежма (р.) — пежмарь, Чунский (пос.) — чунарь, Сить (р), ситский — сицкарь; **-ар**: Кокина — кокишар(ы), Ницца — ниццар; **-ач**: Сим — симач; **-аль**: Москва, стар. Москвы — москаль; **-ай**: Ветлуга — ветлугай; **-дал**: Камчатка — камчадал; **-ит**: Одесса — одессит; **-ицик**: Питер — питерщик; **-(к)ас**: Вача — вачкас(ы), Ачка — ачкас(ы), местн.; **-иот**: Кипр — киприот(ы), Корфу — корфиот(ы), Массалия — массалиот(ы), Смирна — смирниот(ы).

Довольно широко представлены безаффиксные образования названий жителей, равные названиям местностей (городов или регионов) или представляющие некоторое их «усечение»:

Белое море — беломор(ы), Белое озеро — белозер(ы), Белозёрск — белозёр(ы), Большое село — большесел(ы), Выгоничи — выгоничи, Климовичи — климовичи, Коршак — коршак(и), Красноборск — краснобор(ы), Красносельский р-н — красносел(ы), Красноярск — краснояр(ы), Лейлак — лейлак(и), Макарьев — макар(ы), Мосальск — мосаль, Мурманск — мурман(ы), Осташков — ошаш(и), Павлово — павел, павлы, Парфеньево — парфен(ы), Поморье — помор(ы), Прибалтика — прибалт(ы), Пустозёрск — пустозёр(ы), Сергач — сергач(и), Старая Русса — старорусс(ы), Степняк — степняк(и), Суздаль — суздаль, -и, Тетюши — тетюши, Турочак — турочак(и), Углич — углич(и), Холмогоры — холмогор(ы), Черное море — черномор(ы), Черный Яр — чернояр(ы).

2) Существительные — прилагательные (относительные):

а) суффиксация: река — речной, сад — садовый, город — городской, лес — лесной, лесистый, кожа — кожаный, дерево — деревянный, камень — каменный, каменистый, планета — планетный, планетарный (и планетарий — планетарный);

б) префиксально-суффиксальные образования: берег — прибрежный, гора — предгорный, река — заречный, вода — надводный, подводный; успех — безуспешный; ворсинка — межворсинчатый;

в) префиксально-бессуффиксальные: рога — безрогий, усы —

безусый, лист — безлистый, зуб(ы) — беззубый (обычно от названия частей тела);

г) бессуффиксный способ (нулевая суффиксация): золото — золотой.

3) Существительные — глаголы:

а) суффиксация: завтрак — завтракать, ночь — ночевать, плотник — плотничать, смола — смолить, цинк — цинковать;

б) префиксально-суффиксальное образование: вода — обводнить, кант — окантовать, стекло — застеклить;

4) Существительные — наречия:

а) суффиксация (исторически — адвербиализация падежных форм): шаг — шагом, бег — бегом, день — днем, лето — летом, стрела — стрелой;

б) префиксально-суффиксальные образования (исторически — адвербиализация предложно-падежных форм): бок — вбок, сбоку; верх — вверх, сверху; сторона — всторону; с опрошением: исподтишка, спозаранку, спозаранок.

Словообразовательная связь с существительными у слов других частей речи, сверх рассмотренных, отмечается в единичных случаях и часто только этимологически: числительные — пять, сорок, сто, тысяча (нумерализация; этимология); предлоги — посредством, составные предлоги — с целью, по направлению к и т. п.; междометия — матушки, батюшки.

2. Имена прилагательные как производящие слова

Имена прилагательные могут быть производящими при образовании прилагательных же, а также существительных, глаголов, наречий.

1) Прилагательные — прилагательные (в основном — суффиксация):

а) суффиксация: серый — серенький, сероватый, тяжелый — тяжеленный, большой — большущий, злой — злощущий, смуглый — смугляный, смугленький;

б) префиксация: модный — сверхмодный, мощный — сверхмощный, реакционный — ультрареакционный, веселый — развеселый, добрый — предобрый, лучший — наилучший, высокий — невысокий; ниже — понизе.

2) Прилагательные — существительные:

а) суффиксация: белый — белье, белок, белая, белышка; желтый — желток, желтизна; черный — чернота, чернота, старый — старик, старина, старость; активный — активность, крепкий — крепыш;

б) бессуффиксные образования (нулевая суффиксация): зеленый — зелень, тихий — тишь, удалой — удаля, сухой — суши;

в) субстантивация прилагательных:

Названия помещений (торговых, медицинских, жилых и др.): биллиардная, булочная, ванная, гардеробная, гостиная, спортивная, детская, за-

кусочная, калачная, кладовая, кондитерская, котельная, котлетная, кубовая, курильная, лакейская, людская, молельная, молочная, мастерская, мясная, ординаторская, парикмахерская, пельменная, перевязочная, пивная, пионерская, пирожковая, прачечная, приемная, прихожая, процедурная, рюмочная, сосисочная, спальная, столовая, трапезная, уборная, умывальная, учительская, чайная, чебуручная, шашлычная, шорницкая.

Названия лиц: раненый, больной, рядовой, учащийся, обвиняемый, подсудимый, подданный, приближенный, возлюбленный, поверенный, уполномоченный, заключенный, подзащитный, новобранный, горничная, ссыльный, рас-сылный, вожатый, пострадавший, потерпевший, рабочий, служащий, прохожий, приезжий, отдыхающий, заведующий, верующий, суженый.

Прочие: борзая, вселенная, всеошная, входящая, закладная, запятая, застольная, исходящая, касательная, коренная, мировая, мостовая, набережная, отпускная, передовая, переменная, повинная, подноготная, подорожная, постоянная, производная, родословная, рукопаиная, секущая, челобитная.

3) Прилагательные — глаголы:

а) суффиксация: белый — белеть, белить, седой — сидеть, ветхий — ветшать, крепкий — крепнуть, крепить, крепчать, свирепый — свирепеть, свирепствовать;

б) префиксально-суффиксальные образования: хромой — охрометь;

в) префиксально-суффиксально-постфиксальные: ловкий — изловчиться.

4) Прилагательные — наречия:

суффиксальные и суффиксально-префиксальные образования (исторически — адвербиализация падежных и предложно-падежных форм): быстрый — быстро, высокий — высоко, громкий — громко; левый — влево, налево, слева; правый — вправо, направо, справа; давний — издавна, красный — докрасна.

3. Имена числительные как производящие слова

Числительные могут быть производящими для числительных же, а также для существительных, глаголов, наречий.

1) Числительные — числительные:

а) суффиксация (от количественных числительных образуются собирательные и порядковые, а также количественные, бывшие сложные): три — трое, третий, тринадцать, тридцать; пять — пятеро, пятнадцать; сорок — сороковой;

б) нулевая суффиксация: пять — пятый, шесть — шестой, двадцать — двадцатый, сто — сотый, девяносто — девяностый;

в) сложения: пять, десять — пятьдесят; пять, сто — пятьсот.

2) Числительные — существительные:

суффиксация: два — двойка, пять, пятеро — пятерка, сто — сотня, тридцать — тридцатка, сорок — сороковка.

3) Числительные — глаголы, немногочисленные:

суффиксальные и префиксально-суффиксальные образования: два, двое — двоить, вдвоить, удвоить.

4) Числительные — наречия:

суффиксальные и префиксально-суффиксальные образования:

два, двое — дважды, вдвое, вдвоем, вдвое, подвое; второй — во-вторых и т. п.

5) Числительные — прилагательные (редко): суффиксация: *один — одинокий, одиноконек, одинаковый, одинарный; два, двое — двоякий; сложения (весьма многочисленны): двукратный, десятикратный, трехдневный, трехметровый и т. п.*

По данным Словообразовательного словаря числительные обладают наивысшим «словообразовательным потенциалом» (Т. 2. С. 440): в гнездах с именами числительными в вершине на одно исходное (вершинное) слово приходится в среднем 115,3 производных слова, тогда как на одно исходное имя существительное — лишь 7,5 производных слова. Надо, однако, иметь в виду, что производные слова в гнездах не все образованы непосредственно от исходного, вершинного слова, есть производные 2-й и последующих степеней производности. Слова разных частей речи по количеству непосредственно образованных от них производных еще не сопоставлены. О числительных в этой связи следует отметить, что их непосредственные производные — главным образом сложные слова, преимущественно прилагательные. Так, гнездо с числительным *пять* в вершине имеет 180 производных, из них производных первой степени (непосредственно производных) лишь 80 (менее 45%), простых производных (всех степеней производности) — 44 (25%); *пять — пятеро, пятерик — пятериковый; пятерка — пятерочка, пятерочник — пятерочница; пятерня, пяток, пятак, пятаина, пятница, пятнадцать и т. п.;* сложные образования: *пятиактный, пятиалтынный, пятиаршинный, пятибальный, пятиведерный, пятивековой и т. п.,* сложные существительные: *пятиборье, пятиклассник, пятикурсник, пятистишие, пятитомник, пятиугольник; неизменяемое прилагательное: сам-пят (обл.).* Такие же в основном соотношения производных в гнездах с вершинами *три* (более 400 слов), *два* (около 550 производных) и другими числительными (дополнительные данные — см. в § 4).

4. Местоимения как производящие слова

По «словообразовательному потенциалу»⁴ местоимения согласно Словообразовательному словарю стоят на втором месте после числительных: 37,6 (в среднем) производных слов на одно исходное (вершина гнезда) производящее слово. В это надо внести существенную оговорку: высокий «словообразовательный потенциал» местоимений как средний показатель сложился за счет лишь единичных производящих местоимений (главным образом за счет местоимения *сам*), далее — за счет

⁴ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 440.

сложных образований, притом не первой степени производности.

Из 940 производных слов в местоименных гнездах в целом (при 25 исходных производящих) около 175 входят в гнездо *сам*, из них простых только два: *самость* (отмечено в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в 17-томном), *самостный* (в общих словарях, включая Обратный словарь, не отмечено); в гнезде *себя* все слова, кроме исходного и производного *отсебятина*, сложные (их пятнадцать); в гнезде *свой* 87 производных, из них простых — 36 (40%), из которых на первой ступени производности лишь семь. Степень продуктивности личных местоимений незначительна: *я* — *якать* — *яканье*, *ячество*, *не-я* (4 слова), *ты* — *тыкать*, *тыкаться*, *тыканье*, *затыкать* (4 слова), *он* — нет производных. С учетом этих данных «словообразовательный потенциал» местоимений нельзя признать высоким, он, скорее, ограниченный. Но некоторые отместоименные образования и помимо сложных все-таки отмечаются, в частности в не-транспозитивном, внутреннем (внутриместоименном), словообразовании.

1) Местоименные — местоимения:

а) постфиксация (вопросительные местоимения — неопределенные местоимения): *кто* — *кто-то*, *кто-либо*, *кто-нибудь*, *что-то*, *какой-то*, *чей-то*, *сколько-то*, *где-то*, *когда-то*, *куда-то* и т. п.

б) префиксация (вопросительные — неопределенные и отрицательные): *кто* — *кое-кто*, *что* — *кое-что*; *кто* — *некто*, *никто*, *некого*, *как* — *кое-как*, *где* — *кое-где* и т. п.;

в) семантико-синтаксическое преобразование (вопросительные — относительные местоимения): *кто(?)* — *Кто ищет, тот всегда найдет*; *что(?)* — *Я знаю все, что ты мне скажешь*; *где(?)* — *Деревня, где скучал Евгений...*

Притяжательные местоимения словообразовательно соотносятся с личными и возвратными местоимениями: *я*, *меня* — *мой*; *ты*, *тебя* — *твой*, *мы*, *нас* — *наш*; *вы*, *вас* — *ваш*; в значении притяжательного местоимения 3-го лица употребляется род. пад. личного местоимения 3-го лица: *его*, *ее*, *их*.

2) Местоимения и другие части речи:

а) суффиксация: *я* — *якать*, *ты* — *тыкать*, *вы* — *выкать*; *свой* — *свойство*, *своjak*, *свойский*, *свойственный*;

б) префиксально-суффиксальные образования: *свой* — *присвоить*, *усвоить*.

5. Глаголы как производящие слова

От глаголов образуются глаголы же, существительные, прилагательные, наречия.

1) Глаголы — глаголы:

а) суффиксация, точнее — мена суффиксов: *толкать* — *толкнуть* (однократность), *лететь* — *летать* (кратность, неоднократность), *издать* — *издавать* (несов. вид, имперфективация), *переписать* — *переписывать* (то же);

б) постфиксация: *ломать — ломаться, стучать — стучаться, встречать — встречаться, мыть — мыться* и т. п. (различные значения возвратности);

в) префиксация: *лететь — влететь, вылететь, долететь, отлететь, прилететь, улететь, перелететь, пролететь* (мимо) и т. п. (пространственные значения); *летать — полетать* (немного), *пролетать* (некоторое время) и т. п. (способы действия). Префиксация — самый распространенный способ образования глаголов. Характеристика продуктивности глагольных приставок была приведена в гл. 4, § 3;

г) префиксация с постфиксацией: *думать — вдуматься, задуматься; есть — наесться, спать — выспаться*.

2) Глаголы — существительные:

а) суффиксация: *читать — читатель, читальня, читалка, чтение, читка, сушить — сушильщик, сушилка, сушка, сушение; плясать — плясун, пляска; прясть — пряжа, прядильница, прялка, прядение*. Отглагольные суффиксальные существительные, особенно отвлеченные (*чтение, читка* и т. п.) весьма многочисленны.

Отдельно приведем отглагольные существительные, употребляющиеся только во мн. числе, преимущественно с суф. -к(и). Вещественные существительные (большой частью со значением 'отходы производства' и т. п.): *блестки, выварки, выгарки, выгребки, выжарки, выжимки, выморозки, выпарки, высевки, выскребки, вытопки, вычески, вычистки, доскребки, недоедки, обноска, обтрепки, объедки, опилки, осадки, оскребки, отжимки, отсевки, отруби, очески, очистки, помылки, сливки, смывки, смылки*.

Прочие: *враки, выродки, выселки, завидки, задатки, зажинки, (об)жинки, дожинки, пожинки*, *заморозки, издержки, нападки, начатки, недобитки, носилки, обутки, отметки, подвертки, поддавки, поминки, припевки, схватки, ужимки*.

С суф. -ин(ы): *крестины, родины, смотрины* (ср. именины);

б) нуль-суффиксация: *всходы, выборы, довыборы, отбросы, отходы, перевыборы, переговоры, переборы, похороны, припасы, прикрасы, проводы, разводы, распросы, сборы, хлопоты*.

Отвлеченные нуль-суффиксальные существительные, образующиеся от приставочных и бесприставочных глаголов в словарном составе языка представлены весьма широко, например, с корнем *ход-*:

ход, вход, восход, выход, заход, доход, исход, обход, отход, переход, поход, приход, подход, расход, сход, уход (некоторые из таких существительных имеют и конкретизированные значения, например значение места: *вход, выход, переход*); *доход, расход* и др.; образования от глаголов с приставкой *вы-*: *выбор, выброс, вывод, вывих, вывоз, выгиб, выговор, выгон, выгреб, выдох, выезд, выем, выжиг, выжим, вывоз, выкат, выкрик, вырез, вылет, вылов, вылом, вымолот, вымысел, вынос, выпас, выпуск, вырез, выруб, высев, выстрел, выступ, выхлоп, выход, а также выпись, выплата, выслуга, выдача*.

Некоторые из таких существительных имеют параллельные, иногда синонимичные образования на *-ка* и *-ние*: *вывоз* — *вывозка*, *вылет* — *вылетание*, *вымочка* — *вымачивание*, *выбор* — *выборка* — *выбирание*. По большей частью образования на *-Ю*, *-ка* находятся в отношениях дополнительности, дополнительного распределения: при наличии образования на *-Ю* не используются образования на *-ка*, при наличии таких образований не используются существительные на *-Ю*: *выгиб*, *выговор*, *выгреб*, *выдох*, *вызов*... — *выкройка*, *вымочка*, *выпарка*, *выпечка* и т. п. При параллельных образованиях возникает расхождение в значении: *вынос* (по 4-томному словарю: 4. 'То, что выносится текущей водой') — *выноска* (2. 'Примечание к тексту'...); образование от омоимичных глаголов: *выезд* — от *выехать* — *выезжать* (1), *выездка* — от *выездить* — *выезжать* (2) — *выезжать* ('приучать лошадь ходить в упряжи или под седлом');

в) Отмечаются приставочно-суффиксальные отглагольные существительные; но, видимо, немногочисленные: *гореть* — *о-гар-ок*, *о-гар-ыш*, *сколоть* — *о-скол-ок* и т. п. В Грамматике-80 приведено значительное количество таких существительных: *обмылок*, *опилки*, *походка*, *позевота*, *попрошайка*, *погремушка*, *поковка*, *заморозки*, *перекладина*, *перестрелка* и др. (Т. 1. С. 237). В Словообразовательном словаре такие существительные (только что приведенные — все) представлены как суффиксальные: *обмылить* — *обмыл-ок*, *опилить* — *опил-к(и)*, *перекласть* — *переклад-ин(а)* и т. п. Сторонники множественности словообразовательной мотивации (множественности словообразовательной структуры производных слов) здесь увидят, вероятно, один из примеров ее реализации. Предпочтения заслуживает, однако, позиция Словообразовательного словаря: это обычные суффиксальные образования от приставочных глаголов, такие же, как *подвесить* — *подвес-к(а)*.

3) Глаголы — прилагательные:

Суффиксация: *висеть* — *висячий*, *сидеть* — *сидячий* и т. п. (исторически — адъективация причастий), *вязать* — *вязальный*, *разводить* — *разводной*, *вянуть* — *вялый*.

4) Глаголы — наречия:

а) Суффиксация: *стоять* — *стоя*, *сидеть* — *сидя* (исторически — адвербиализация деепричастий), *волочь* — *волоком*, *торчать* — *торчком* (исторически — адвербиализация падежной формы отглагольных имен существительных), *реветь* — *ревмя* (только в усилительном значении в сочетании с тем же глаголом: *ревмя ревет*, *кишмя кишит* и т. п.);

б) префиксально-суффиксальные образования: *перемешать* — *вперемешку*, *перемежать* — *вперемежку*, *торопиться* — *второпях*, *перегонять* — *вперегонку*, *вперегонки* (исторически — адвербиализация предложно-падежных форм отглагольных имен существительных).

6. Наречия как производящие слова

От наречий могут быть образованы наречия же, существительные, прилагательные.

1) Наречия — наречия:

а) суффиксация: *гладко — гладенько, рано — раненько, рановато, тихо — тихонько, тихохонько* (в основном — модификация);

б) префиксация: *темно — затемно* (исторически — адвербиализация предложно-падежной формы), *прочь — непрочь, завтра — наавтра, послезавтра*;

в) префиксально-суффиксальные образования: *долго — подолгу* (исторически — адвербиализация предложно-падежной формы).

2) Наречия — существительные:

суффиксация (единичные образования): *сообща — сообщник, хорошо — хорошист, отлично — отличник, итого — итог*.

3) Наречия — прилагательные:

а) суффиксация: *вчера — вчерашний, искони — исконный, сплошь — сплошной, давно — давнишний, сегодня — сегодняшней, дома — домашний* (может быть *дом — домашний*);

б) префиксально-суффиксальные образования (единичные): *вместе — совместный* (а от прилагательного — вновь наречие: *совместный — совместно*).

7. Незнаменательные слова как производящие

Служебные слова также могут иногда быть производящими во внутреннем или даже внешнем словообразовании:

1) предлог — предлог (сложные): *за — из-за, под — из-под; меж — промеж, между — промежу* (устар. и просторечн);

2) союз — союз: *что — чтобы, как — как бы*;

3) предлог — существительное: *пред — предок*;

4) предлог — наречие: *вне — извне, вовне*;

5) предлог — прилагательное: *вне — внешний*;

6) частица — существительное: *авось — авоська*.

Тот же иллюстративный материал можно использовать для «переворачивания», встречного, описания. Его можно представить как активный и пассивный аспект словообразования: от производящих к производным — активное словообразование (прогрессивный аспект), от производных к производящим — пассивное словообразование (регрессивный аспект). Пассивное словообразование детально описано в имеющейся уже литературе, поэтому в интересах экономии целесообразно ограничиться ссылкой на основную литературу.⁵

⁵ Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973. Гл. XI; Словообразование основных частей речи. С. 241—302; Русская грамматика: В 2 т. Т. I. М., 1980. С. 142—413; Немченко В. Н. Современный русский язык: Словообразование. М., 1984. С. 143—177.

§ 4. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СООТНОШЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩИХ ПО ЧАСТЯМ РЕЧИ

О количественном соотношении частей речи в функции производящих слов данных нет. Можно привести пока только данные о распределении по частям речи слов, возглавляющих словообразовательные гнезда в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова.

В словаре есть также данные о продуктивности вершинных слов, об их «словообразовательном потенциале» (Т. 2. С. 440) в виде среднего количества производных слов в гнезде с соответствующей вершиной. Характеристики частей речи по количеству гнезд и по «словообразовательному потенциалу» не совпадают; глаголы, например, по количеству гнезд занимают второе место, а по продуктивности — третье, а существительные соответственно — 1-е и 7-е места. Места, занимаемые частями речи по количеству гнезд, в основном соответствуют их распределению по общему количеству слов в пределах словарного состава языка. Такую характеристику можно получить по Обратному словарю.

Приведем распределение частей речи по количеству в них слов (по Обратному словарю), затем по количеству возглавляемых ими гнезд (по Словообразовательному словарю) в сопоставлении с первым распределением, наконец, — распределение частей речи по словообразовательной продуктивности в сопоставлении с двумя первыми. Словарный состав Обратного словаря и состав слов-вершин Словообразовательного словаря количественно не совпадают, поэтому сопоставлению подлежат лишь относительные (в %) показатели, но безотносительно к сопоставлению важны и абсолютные данные, поэтому приводятся и они.

Слова русского языка по частям речи распределяются следующим образом:

Части речи	Количество слов	%
1) Существительные	56 332	46,35
2) Глаголы	37 319	30,71
3) Прилагательные	24 786	20,40
4) Наречия	1916	1,58
5) Междометия	341	0,28
6) Частицы	149	0,12
7) Предлоги	141	0,12
8) Числительные	117	0,10
9) Союзы	110	0,09
10) Местонаимения	93	0,08
11) Прочие	228	0,19
Итого	121 532	100,00

Существительные, глаголы и прилагательные вместе составляют 118 437 слов, 97,46%; те же части речи и наречия — 120 353 слова, 99,4%.

Слова русского языка по количеству возглавляемых ими словообразовательных гнезд распределяются так:⁶

Части речи	Количество гнезд	%	Распределение по количеству слов	%
1) Имя существительное	8898	70,95	1	46,35
2) Глагол	2413	19,25	2	30,71
3) Имя прилагательное	944	7,50	3	20,40
4) Наречие	86	0,7	4	1,58
5) Междометие	75	0,6	5	0,28
6) Звукоподражание	63	0,5	—	—
7) Местоимение	25	0,2	10	0,08
8) Имя числительное	22	0,17	8	0,10
9) Другие части речи (предлоги, частицы, союзы)	16	0,13	(6, 7, 9)	0,19
Итого	12 542			

Таким образом, по количеству гнезд части речи распределяются примерно так же, как по общему количеству слов, но относительные, процентные, показатели все-таки разные: по количеству слов у существительных 46,35%, а по количеству гнезд — 70,95% (второй показатель выше), у глаголов и прилагательных, напротив, второй показатель ниже: 30,71% — 19,25% и 20,40% — 7,50%. Это говорит о том, что существительные по словообразовательной продуктивности превосходят глаголы и прилагательные, создают больше гнезд, чем глаголы и прилагательные. По среднему количеству производных слов на одно исходное, вершинное, производящее существительные резко уступают и глаголам, и прилагательным:

Части речи	Среднее количество производных на одно исходное	Распределение гнезд по количеству слов
1) Числительные	115,3	8
2) Местоимения	37,6	7
3) Глаголы	23,2	2
4) Прилагательные	15,7	3
5) Звукоподражания	8,7	6
6) Наречия	8,3	4
7) Существительные	7,5	1
8) Междометия	6,6	5
9) Другие части речи (предлоги, союзы, частицы)	6,1	9

⁶ Всего гнезд — 12 542, производных слов в них — 142 840 (сложные слова повторяются столько раз, сколько в них корневых частей; без таких повторений производных слов в гнездах — 126 034).

По среднему количеству производных слов на одно исходное, вершинное, производящее на первое место, можно сказать, неожиданно вышли имена числительные, которые по количеству гнезд и по количеству лексем занимают почти последнее, 8-е, место. Так же неожиданно на втором месте оказались местоимения (по другим показателям у них 7-е и 10-е места). В том и другом случае высокий средний показатель получился за счет сложных слов. Это можно видеть из следующей сводки:

Числительные	Количество слов в гнезде			%
	всего	простых	сложных	
Один	285	27	258	90,6
Два	583	90	493	84,5
Три	403	82	321	79,6
Четыре	181	47	134	74,0
Пять	180	35	145	80,6

Здесь можно отметить также, что производные от числительных дольше сохраняют свою производность, реже деэтимологизируются. Возможно, и составитель словаря как-то иначе подходил к производным от числительных, нежели к производным от других частей речи. Как бы то ни было, но от гнезда *стол* (33 производных слова) оторвано гнездо *столяр* (12 слов); от гнезда *гость* (50 слов) — гнезда *гостинец*, *гостиница*, *угощать* (13 слов), а при слове *пять* указана *пятина*, в гнезде *четыре* — *четы* и *четушка*, а *четверг* все-таки отделен (ср. *пятница* — при *пять*; *вторник* — тоже отдельно от *второй*, но с пометой — «ср. *второй*»).

Еще более заметно это проявляется у местоимений: местоимения *я*, *ты*, не давшие сложных образований, имеют небольшие гнезда (5 слов в каждом; местоимение *он* — не имеет производных), а при местоимении *сам* 573 производных, из них 571 слово сложное (простые только *самость* и *самостный*). Кроме того, отдельно, самостоятельными гнездами даны слова, этимологически того же корня, *самый* (12 слов), *самец* (3), *самодержавный* (7), *самодельный* (2), *самостоятельный* (3). Гнездо *себя* имеет 16 производных, из них 15 сложных (простое слово одно — *отсебятина*).

Глава 6

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Словообразовательное значение — это, беря в общем плане, семантическое соотношение производного слова с производящим, но не всякое такое соотношение. Так, семантическое соотношение производного и производящего может быть показано в словообразовательном толковании производного: *мостик* 'маленький мост'; *рыбак* 'тот, кто ловит рыбу'; *станочник* 'тот, кто работает на станке' и т. п. Но это лексическое, а не словообразовательное значение соответствующих слов. Разграничить лексическое и словообразовательное значение производных слов весьма непросто, так как словообразовательное значение входит в состав лексического значения как его мотивация: лексическое значение есть отношение слова к предмету (явлению), наименованию (языковое отражение мира), словообразовательное значение — основа или способ этого отношения и отражения. Словообразовательное значение, таким образом, должно быть отвлечено от лексического значения производного слова или извлечено из него. Сформулировать, словесно выразить результат такого отвлечения оказалось очень трудно.

Широко распространен прием общей отсылки к значению производящего (мотивирующего) слова, например в Грамматике-80: «Существительные с суф. *-льщик*... называют лицо, производящее действие, называемое мотивирующим словом»: *носить* — *носильщик* (Т. 1. С. 144); «Прилагательные с суф. *-к*... имеют значение 'склонный к действию, названному мотивирующим словом...': *колкий*» (с. 294); «Глаголы с преф. *в-/во-*... имеют знач. 'поместить(ся), проникнуть во что-н., с помощью действия, названного мотивирующим глаголом': *вкатить*, *вползти*» (с. 357); «Наречия с суф. *-ом*... обозначают признак, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»: *утром* (с. 400), и т. п. Так же формулирует словообразовательные значения Р. С. Ману-

чарян: «...отглагольным прилагательным русского и армянского языков присущи следующие значения: 1. такой, который склонен к действию, названному производящей глагольной базой: *хвастливый* — 'склонный к хвастовству'...»¹ Такие определения словообразовательных значений ведут к отождествлению их с лексическим значением производных слов, к подмене их словообразовательным толкованием производных, — так именно и получается у Р. С. Манучаряна: *хвастливый* 'склонный к хвастовству'.

Несколько иначе словообразовательное значение (прилагательных) формулирует В. Н. Немченко: использует формулу «...что-либо», например, *газовый* (*газовая сварка*) 'осуществляемый с помощью чего-либо', *простудный* (*кашель*) 'вызванный чем-либо' и т. п. (см. § 3 — словообразовательные значения прилагательных). В таких формулировках словообразовательное значение полнее, «чище» отграничивается от лексического.

Можно воспользоваться также приемом «вычитания» значения производящего из значения производного: словообразовательное значение — разница, остаток такого вычитания, например, *мостик*: 'маленький мост' — 'мост' = 'маленький'; *рыбак*: 'тот, кто ловит рыбу' — 'рыба' = 'тот, кто ловит', и т. п. К получаемому таким путем остатку можно добавлять формулу «что-либо»: «что-либо маленькое», «...ловит что-либо». Но слово *ловит*, кажется, тоже слишком конкретно для словообразовательного значения, здесь необходимо обобщение.

Словообразовательное значение выражается словообразовательным формантом: в приведенных примерах — суффиксами *-ик*, *-ак*. Но словообразовательный формант выражает, строго говоря, только самое общее семантическое соотношение производного и производящего: суф. *-ак* в существительном *рыбак* выражает лишь общее отношение к слову *рыба*, но в значении слова *рыбак* содержится и конкретное отношение к рыбе: '...ловит рыбу', — прямого указания на этот семантический компонент производного слова суф. *-ак* не содержит. Нет в этом суффиксе прямого указания и на другой семантический компонент слова *рыбак* — значение лица, 'тот, кто...', ср. *черпак* — 'то, что...', 'то, чем...'.²

Таким образом, в лексическом значении производных слов есть такие семантические компоненты, которые прямо не связаны со словообразованием, а если и связаны, то непосредственно не отражены в словообразовательных компонентах, — они лишь «угадываются» (В. А. Богородицкий):² *подосиновик* —

¹ Манучарян Р. С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981. С. 243.

² В. А. Богородицкий это представил на примере сложных слов: «Как при обычном словопроизводстве, так и в сложениях, содержится элемент подразумеваемости: подразумевается (остается невыраженным, предоставля-

‘гриб’, *подснежник* — ‘цветок’, *подлокотник* — ‘часть кресла’, *подоконник* — ‘деталь оборудования оконного проема’; *конюх* — ‘лицо, работник, занятый уходом за лошадьми (конями)’, а не ‘возчик’, не ‘пастух конского стада’, не ‘всадник’ или ‘наездник’ (ср. *конник*), хотя отношение к лошадям имеют все эти лица, а не только конюх, а само слово *конюх* не имеет в своей структуре прямых указаний на специализированное отношение к указанному животному. В целом словообразовательное значение обычно лишь намек на действительное, лексическое, значение слова, но намек, из которого вырастает это значение, и намек обязательный для производного слова. «Представление (то, что теперь называют мотивацией слова. — А. М.) ...составляет непременную стихию возникающего слова».³ И еще: «Общий закон языка состоит в том, что всякое новое слово имеет представление».⁴

Словообразовательное значение, как и словообразование в целом, неотрывно связано с частями речи: словообразовательное значение — это всегда семантическое соотношение слов определенных частей речи. Далее в кратких извлечениях будут рассмотрены словообразовательные значения имен существительных, прилагательных и глаголов. Используются и оговоренные ранее (гл. I, § 9) формулировки.

§ 2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Грамматика-80 выделяет следующие словообразовательные значения (точнее — типы словообразовательных значений) производных и сложных имен существительных (Т. I. С. 256 и след.; в скобках даем некоторые замечания и разъяснения): 1) предметно-характеризующие (мутационное словообразование, внешнее и внутреннее), 2) модификационные (только внутреннее словообразование), 3) транспозиционное (т. е. синтаксическая деривация, иногда с усложнением модификациями), 4) соединительное (только в сложных и сложносокращенных словах). Это очень общие формулировки, они нуждаются в конкретизации.

1. Предметно-характеризующие значения

Предметно-характеризующий тип словообразовательных значений можно конкретизировать по семантическим (или темати-

ется догадливости слушателя, угадывается) отношение между представлениями, обозначенными обоими членами сложения» (Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 95).

³ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—2. М., 1958. С. 19.

⁴ Там же. С. 34.

ческим) группам имен существительных: наименования лиц, предметов, пространств, помещений и т. п.

1) Наименования лиц даются по многочисленным основаниям, или признакам, индивидуальным и социально значимым. Среди последних выделяются наименования лиц по профессии, создаваемые по процессу труда (в основном отглагольные), по предмету труда, по средствам (орудиям) труда и по продукту труда. Это соответствует основным характеристикам общественного труда: «Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда... Процесс угасает в продукте».⁵

(1) Наименования по процессу труда: а) в наименовании отражается только процесс труда: *варщик, крепильщик, резчик, разлищик, сушильщик, токарь* (сюда относятся и неактуальные для современности наименования: *звонарь, писарь, писец* и т. п.); отыменные наименования по процессу труда: *аппретурищик, монтажист, монтажник, операционник, такелажник* и т. п.; б) в наименовании отражается процесс, сквозь который просматривается (опосредованная мотивация) предмет труда, которым что-либо покрывается, снабжается, насыщается, обрабатывается или который перемещается, удаляется: *асфальтировщик, бронировщик, восковальщик, глазурищик, засольщик, крахмальщик, лакировщик, никелировщик, обезжиривальщик, ошиновщик, проклейщик, талькировщик, увлажняльщик, фанеровщик, хромировщик, шпаклевщик, этикетировщик*; в) наименования по процессу, сквозь который просматривается продукт труда: *брикетировщик, дражировщик, брошюровщик, пакетиловщик, таблетировщик, ворсовальщик, глянцевищик, гранильщик, огранищик, плиссировщик*; г) по процессу, сквозь который просматриваются средства труда: *бункеровщик, вальцовщик, каландровщик, прессовщик, стропальщик, транспортировщик, утюжилщик, фильтровальщик, штамповщик, эксгаустировщик* и т. п.

(2) Наименования лиц по предмету труда: *гранитчик, жестианщик, каменщик, медник, паркетчик, стекольщик, бетонщик, кислотчик, мозаичник, плиточник, этикетчик, зольщик, инструментальщик, сапожник* (ремонт обуви), *гребенищик, часовщик* (ремонт часов), *табунищик*, (табун скота для табунщика — предмет труда) и т. п.

(3) Наименования по продукту труда: *браслетчик, вафельщик, дрожжевик, ковровщик, мастичник, обувщик, очеркист, печник, столяр, термитчик, тортовщик, тузлунчик, футлярищик, чулочник, шапочник, электролитчик* и т. п.

(4) Наименования по средствам труда: *автоматчик, аппаратчик, бульдозерист, вагранщик, дизелист, компрессорщик, крановщик, лебедчик, машинист, моторист, насосчик, станочник,*

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189, 191.

тракторист; музыканты: гармонист, гитарист, трубач, флейтист и т. п.

В наименованиях лиц по профессии отмечается словообразовательная синонимия (дублетность): *варичик/варильщик, выбивщик/выбойщик/выбивальщик, выгрузчик/выгружальщик, вязчик/вязальщик, загрузчик/загружальщик, закрепитчик/закрепляльщик, мерчик/мерильщик, набивщик/набойщик/набивальщик, наклеивщик/наклеивальщик, обмотчик/обматывальщик, обрезающий/обрезальщик, оцинковщик/оцинковальщик, поверщик/поверятьщик, пропитчик/пропитывальщик, просеивщик/просеивальщик, разгрузчик/разгружальщик, резчик/резальщик, рубщик/рубильщик, смазчик/смазывальщик, шлифовщик/шлифовальщик* и т. п.

Из непрофессиональных наименований лиц отметим наименования по месту (страна, город, местность и т. п.) рождения или жительства, характеризующиеся большим разнообразием суффиксов (они в другой связи уже упоминались: *астраханец, костромич, одессит* и т. п. (см. гл. 5, § 3).

Наименования лиц по характерным индивидуальным признакам (образования от глаголов, прилагательных и существительных же): *врун, враль, зевака, крикун, лгун, лжец, певун, плясун, хохотун; крепныш, слепец, смельчак; бородач, усач, носач, губан, горбун, глупец, старик, старец* и т. п.

Названия совокупностей лиц (личные существительные — мотивирующие слова): *студенчество, крестьянство, офицерство, молодежь, детвора, пионерия, комсомолы, профессура* и т. п.

2) Наименования предметов (в широком смысле):

(1) Наименования орудий, машин, инструментов, приспособлений и т. п.: а) по действию: *резец, резак, тесак, черпак, шатун, бегун, каток, лежак, лом, колун, носилки, зажигалка, точило, мыло, шило, грузило, включатель, выключатель, выпрямитель, передатчик, тральщик, тягач, жнейка, косилка, молотилка, поилка, сортировка, тиски, щипцы, умывальник, утиральный (ср. *ручник*), подстилка, покрывало, одеяло, заслонка, подвеска, подставка* и т. п.; б) по предмету, по пространственному отношению к нему, например к части тела: *наушник, наперсток, налокотник, подлокотник, нагрудник, наколенник, намордник, подножка; подсвечник, подстаканник, подсанки; топорщице, кнутовище, метлище* (своеобразная часть предмета).

(2) Названия одежды, обуви — по различным признакам: *обувь, одежда, одевание, ватник, кожанка, дубленка, стеганка, безрукавка, бескозырка, поддевка, подризник, пыльник, белье, тельняшка, распахонка, штормовка, нарукавник* и т. п.

(3) Названия помещений — по действию или предмету (предмету содержания, хранения, продажи и т. п.): *пристройка, красильня, читальня, спальня, курилка, мойка, караулка, забегаловка, вытрезвитель, ночлежка, парилка, теплушка, подвал, погреб, подпол, подполье, коровник, телятник, свиначник, птич-*

ник, скворечник, псарня, конюшня, колокольня, предбанник, житница, сенник, сеница; части, детали помещений, построек: простенок, подоконник, переборка, перегородка, перекладина; субстантиваты: передняя, приемная, столовая, массажная, операционная, процедурная, перевязочная, пирожковая, пельменная, пивная, рюмочная, булочная, котельная.

(4) Названия вместилищ — по предмету хранения, содержания и т. п.: кофейник, молочник, сливочник, соусник, салатница, сахарница, супница, цветочница, чайница, чайник, пепельница, чернильница, перечница, горчицница (ср. подстаканник: не 'вместилище', а 'приспособление').

(5) Названия мест — по предмету, признаку, действию (скопление чего-либо, след, последствие чего-либо, пространственные отношения и т. п.): городище, пожарище, пепелище, клеверщище, рисовище, гороховище, репище, пашня, лыжня, березняк, дубняк, сосняк, осинник, малинник, ягодник, залесье, загорье, заречье, предгорье, взгорье, междуречье, приморье, поморье, побережье, полесье, заполярье, верховье, пригород, долина, равнина, выработка, проход, проезд.

(6) Названия промежутков времени — по явлениям природы: предгрозые, предзимье, межсезонье.

(7) Названия веществ, материалов, напитков, блюд — по веществу же, по действию или признаку: известняк, плитняк, настойка, вишневка, перцовка, сырник(и), морковник, свекольник, варево, печиво, жарено, жаркое, пиво, курено, кислота, жидкость, мешковина и т. п.

(8) Названия видов мяса — по названиям животных: баранина, зайчатина, конина, осетрина, лососина, лосятина и лосина, медвежатина, телятина; названия кож, шкур животных: лосина, овчина.

(9) Названия частей дискретного (делимого на обособленные части) вещества (значение единичности; сингулятивы): виноградина, горошина, градина, жемчужина, изюмина, картофелина, льдина, соломина, тесина, хворостина; уменьшительные: пылинки, снежинка, слезинка, травинка. Названия части собирательного целого: бусина, штанина.

(10) Названия количеств — по соответствующим количественным числительным: двойка, тройка, четверка, пятерка... десятка, десяток, сотня; названия предметов по их количественным характеристикам: двойня, двойняшки, тройня, трояк, тройка, трешка, трешница, пятерня, пятачок, пятерка, четверка, четвертка.

(11) Названия животных — по действиям и признакам (в частности — по масти, цвету волосаного покрова, оперения): буренка, карюха, карько, белка, синица, краснозобец, красноперка; грызун(ы), кряква, крякуша, наседка, стригунок, нетель, землеройка, первотелок и т. п.

2. Модификационные значения

Грамматика-80 выделяет следующие модификационные значения имен существительных (все во внутреннем словообразовании, но модификационный характер проявляется не всегда отчетливо):

1) Значение женского пола (в названиях лиц и животных): *пассажирка, писательница, учительница, поэтесса, шалунья, плясунья, раба, супруга; медведица, волчица, волчиха, орлица, перепелка*. Сомнительно, что это только модификация: *учительница*, например, это не 'женщина, имеющая какое-то отношение к учителю', а 'женщина, которая учит (детей в школе)', и т. п.

2) Невзрослость (название детенышей): *змееныш, слоненок, утенок, утеныш, подсвинок, подтелок, подлещик*; в названиях лиц: *поваренок, татарчонок, цыганенок (подпасок, подмастерье — см. п. 4)*.

3) Подобие: *горлышко, дымка, носок, шейка* (в лингвистической терминологии: *аффиксоид, префиксоид, суффиксоид, радиксоид*), *супесь, суглинок, отчим, пасынок (мачеха, падчерица — со значительным опрошением)*.

4) Подчиненность (рангом ниже): *подгруппа, подтип, подполковник, подпасок, подмастерье, проректор, вице-адмирал, вице-консул, вице-президент*.

5) Старшинство: *овермастер, архиепископ, протопоп*.

6) Дополнительность, побочность: *призвук, привкус, отзвук, отголосок, оттенок*.

7) Отрицание: *недруг, неправда, неприятель, беспорядок, дисгармония*.

8) Противоположность, противонаправленность: *антициклон, демонтаж, контратака, контрудар, противоток, антифашист*.

9) Повторность: *переследствие, ретрансляция*.

10) Первоначальность: *прародина, праязык*; дальнейшее родство: *прадед, правнук, прапрадед, праправнук* и др.

11) Предшествование: *предыстория*; бывший: *экс-президент, экс-чемпион*.

12) Собирательность: *дубняк, березняк, белье, зверье, студенчество, крестьянство, аппаратура, аспирантура* и т. п., — сомнительно, чтобы это была только модификация (эти образования ранее были приведены поэтому среди образований со значениями мутационного словообразования).

13) Единичность: *горошина, соломина, пыlinka* (эти образования также были уже приведены ранее в ряду мутационных значений).

14) Оценочность (наиболее отчетливый случай модификационных значений) — уменьшительность, ласкательность, увеличительность, пренебрежительность: *головка, шубенка, сто-*

лик, вагонетка, рыбка, братишка, сестренка, кашка, молочко, неделька, сторонка, сторонюшка, коровушка, коровенка, домик, домище, домина, холодище, пылица, идея, книжонка, штука-вина, ворюга, архиплут.

3. Транспозиционные значения (синтаксическая деривация)

1) Отвлеченное, субстантивированное действие (отглагольные сущ.): *вязание, добыча, расклейка, рисование, чтение* и т. п. То же с оттенком интенсивности: *беготня, ругня, хлопотня*; ослабленности: *трусца, постирушка*; длительности: *хлопоты, пересуды*; отдельный акт действия: *взгляд, мах, заплыв, прыжок, толчок*; способ, характер соответствующего действия: *походка, выговор, почерк*. Возможна синонимия: *ходьба — хождение, учение — учеба, крепление — крепеж*.

2) Отвлеченный, субстантивированный признак (существительные, мотивированные качественными прилагательными): *смелость, храбрость, активность, радушие, глубина, синева, синь, белизна, горечь*; то же с оттенком интенсивности: *светлынь, теплынь*; ослабленности: *кислинка, хитринка*; отрицательной оценки: *субъективщина*. Синонимия: *злость — злоба, синь — синева, своенравность — своенравие, убогость — убожество*.

4. Соединительные значения

Соединительное словообразовательное значение — в сложных «соединительных» словах (так называемое *и-значение*): *светотень, лесостепь, лесотундра, овцебык, плащ-палатка, диван-кровать*. В Грамматике-80 сюда отнесены также *местком, стенгазета* и т. п., но тут лишь сумма значений объединенных слов, а не *и-значение*.

Нет *и-значения* и в большей части сложных существительных. Их словообразовательные значения можно рассмотреть на примере наименования лиц:

1) По действию (вторая часть сложения) и его прямому объекту (первая часть сложения), с двумя подтипами: а) по действию и прямому объекту, подвергающемуся действию: *водовоз, лесоруб, стеклорез, трубоклад, шерстовал, казнокрад, женоненавистник, честолобец, земледелец, знаменосец, орденосец*; б) по действию и его результату, продукту: *винокур, клеевар, мукомол, мыловар, сталевар, стеклодув, углезож, шаповал, маслобойщик, стихотворец, баснописец*.

2) По действию и его косвенному объекту со значением адресата, инструмента: *конькобежец, молотобоец, богомолец, губошлеп* (простореч., бран.).

3) По действию и его месту: *водолаз, домосед, мореплаватель*.

4) По действию и его признаку: *вольнодумец, краснобай* (разг.), *малOVER, скороход(ец), борзописец, скородум* и т. п.

5) По предмету и его признаку: а) по предмету, непосредственно не связанному с лицом: *краснодеревец* и *краснодеревщик*, *черноморец, краснознаменец, тяжеловесник, охотнорядец* и т. п. б) по предмету как принадлежности лица: *злOязычник, острослов, кривоножка, тяжеловес, черноризец, белоподкладочник*.

6) По предмету или признаку и его количественной характеристике: *пятиборец, двоеборец, одnogодичник, второгодник, первоклассник, первокурсник, первозрядник*; только по количеству: *двадцатипятидесятичник*.

7) По двум предметам или двум действиям: *лакокрасочник, стеклофарфорищик, навалотбойщик*.

8) По родовому названию лица и его уточнителю: *грузополучатель, грузоотправитель, квартиросъемщик, лесозаготовщик, домовладелец*.

Наиболее распространен первый тип образований. Он используется и в неличных сложных существительных: *ледокол, лесовоз, рудовоз, сенокос, сеновал*. Но среди неличных сложных существительных встречаются также наименования по действию и его субъекту: *ледоход, ледостав, снегопад, листопад, дождь, звездопад*.

§ 3. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В словообразовательных значениях имен прилагательных особенно заметно проявление взаимодействий значения производящих слов и формантов, как бы их произведение: образования с одним и тем же суффиксом, но от разных слов или, наоборот, от одного и того же производящего, но с разными суффиксами имеют разные словообразовательные значения. Например: а) *каменный* ('из камня'), *мясной* ('с мясом' или на «мясе»: *мясной бульон*), *пыльный* (покрытый пылью), *весенний* ('бывающий весной'), *стенной* ('который на стене') и т. п.; б) *каменный* — *каменистый* ('обильный камнями'), *мясной* — *мясистый* ('богатый, обильный мясом, мякотью'); *водный* (раствор, путь, пространство) — *водяной* (двигатель) — *водянистый* (суп) и т. п. Но отмечается и синонимия суффиксов, различающихся только дистрибуцией (сочетаемостью с производящими основами), например суффиксы со значением принадлежности: *отц-ов, брат-ник, отц-овский, помещич-ий*; со значением материала: *мед-н-ый, бронз-ов-ый, серебр-ян-ый, металл-ическ-ий*; или находящиеся в отношениях свободного варьирования: *планет-н-ый* — *планет-арн-ый, аромат-н-ый* — *ароматичн-ый, отц-ов* — *отц-овск-ий* и т. п.

Словообразовательные значения прилагательных, как и дру-

гих слов, выявляются через словообразовательные перифразы. Учитываются не только производящие слова (преимущественно имена существительные), но и слова (существительные), определяемые производными прилагательными, ср. *железный молот* 'из железа', *железная руда* — 'содержащая железо'; *железные мускулы*, *железная воля*, *железное здоровье* 'крепкое, твердое, напоминающее железо' (в последнем случае можно видеть частичную мотивацию или переосмысление, семантическое словообразование).

В. Н. Немченко в докторской диссертации⁶ выделил более тридцати основных и значительное количество частных словообразовательных значений отсубстантивных производных прилагательных (в скобках даем попутные замечания и комментарии):

1) Общее отношение к предмету: *лесной пожар*, *речная вода*, *полевые работы*, *зимние вечера*, *летняя жара* (в зависимости от значения производящего слова здесь просматриваются пространственные и временные значения);

2) Отношение принадлежности, индивидуальной и неиндивидуальной, — «принадлежащий» (перифраза с родительным прилагательным): *атаманов двор* ('двор атамана'), *бабушкино лицо*, *дочернины дети*, *заячья трусость*, *сыновье счастье*, *ольховая кора*, *некрасовские стихи*, *отцовский дом*, *отцовская забота* (оттенок качества: 'свойственная отцу, характерная для отца'), *комариный укус*, *соловьиное пение* (оттенок значения источника; в перифразе родительный субъекта: 'пение соловья');

3) Состоящий из... сделанный из...: *гранитные, базальтовые скалы*, *песчаный откос*; *каменный дом*, *кирпичная стена*, *жестяной подсвечник*, *металлические изделия*, *матерчатые чехлы*, *стерляжья уха*;

4) Содержащий, имеющий что-либо (перифраза с предложением с): *медная руда*, *грязная вода*, *извилистая река*, *кочкастая поляна*, *кудрявый парень*, *лысый стирик*, *рогатый скот*, *росяная трава*, *суковатая палка*, *усатый майор*, *эрудированный студент*, *ядовитая настойка/насмешка* (может быть, следовало бы разграничить внешние и внутренние приметы, ср. *суковатая палка* и *эрудированный студент*);

5) Имеющий что-либо в большом количестве или в большом размере: *зубастый*, *клыкастый*, *носатый*, *носастый*, *плечистый*, *каменистый*, *болотистый*, *лесистый*, *глинистый*; *скоростной* (полет);

6) Предназначенный (для...): *белужий невод*, *волчий капкан*, *книжный шкаф*, *детская коляска*, *детская поликлиника*,

⁶ Немченко В. Н. Словообразовательная структура отсубстантивных суффиксальных имен прилагательных в современном русском языке: Дис. докт. филол. наук. Горький, 1976. (Автореф. докт. дис. М., 1976.)

женская консультация, автомобильная дорога (разброс конкретных значений: книжный шкаф 'вместилище для книг', ср. женская консультация);

7) Находящийся, происходящий, проявляющийся где-либо: *алтайские горы, городской житель, доковый ремонт, лесная зелень, северные морозы;*

8) Находящийся... вблизи чего-либо: *астраханские степи, брянские леса, церковная площадь, заводской забор(?);*

9) Появляющийся со стороны чего-либо: *северный ветер, ленинградский поезд (но и направляющийся в Ленинград!), фланговый удар, столичный гость;*

10) Бывающий, происходящий когда-либо: *весенний дождь, летняя жара, зимняя стужа, утренняя прохлада, ночной бой, апрельское солнце, майская крапива;*

11) Действующий при помощи, на применении чего-либо: *газовая плита, электрическая бритва, нефтяной двигатель, тепловая электростанция, атомный ледокол, водяная/ветряная мельница;*

12) Осуществляемый с помощью чего-либо: *газовая сварка, машинное бурение, электрическое освещение (п. 12 и 11 близки между собой);*

13) Осуществляемый каким-либо способом: *групповые занятия, серийное производство, гнездовой посев;*

14) Проявляющийся в какой-либо сфере деятельности: *школьная практика, селекционная станция, ремонтные работы, хозяйственные заботы, политический работник;*

15) Осуществляемый по какому-либо случаю, по поводу: *праздничный обед, свадебное путешествие, выпускной вечер;*

16) Проявляющийся в каком-либо отношении: *культурный рост, бытовые потребности, экономическая целесообразность;*

17) Соответствующий чему-либо: *плановый ремонт, стандартный домик, традиционный тост;*

18) Защищающий от чего-либо: *дождевая куртка, мигреневый карандаш, оспенная прививка, противогриппозная сыворотка;*

19) Вызванный чем-либо, возникающий из-за чего-либо: *простудный кашель, дождевые лужи, радостные волнения ('вызванные радостью' и 'проявляющие радость');*

20) Осуществляемый из-за чего-либо, имеющий целью: *земельные тяжбы, нерестовые миграции. Здесь же указано сочетание социалистическая революция, но в нем отражена не только целевая, но и социально-качественная характеристика (большой семантический разброс).*

21) Связанный чем-то совместным: *школьные товарищи, фронтовые друзья, университетские коллеги;*

22) Касающийся чего-либо: *бытсвая повесть, музыкальная литература, мирный договор (цель?), любовные(ая) стихи/лирика;*

23) Изготовленный, встречающийся (очень разная характеристика!) в каком-либо виде: *кусковой сахар, брикетный торф, слоистый дым, перистые облака*;

24) Равный чему-либо (в единицах измерения): *дюймовый гвоздь, метровая линейка, литровая банка, секундная пауза*;

25) Длящийся какое-либо время: *месячный отпуск, минутное молчание, часовая беседа* (ср. п. 24 — *секундная пауза*);

26) Рассчитанный на какое-либо время: *годовой запас, месячный план, дневное задание, дневная норма*;

27) Проводимый, производимый за какой-либо период: *годовой доход, месячный отчет, курсовой/семестровый экзамен* (в п. 25—27 много общего (временная характеристика), но отношение ко времени разное: *месячный отпуск, месячный план, месячный отчет*);

28) Состоящий из... (характеристика групп лиц, животных, предметов): *бедняцкий класс, студенческая группа, конское стадо, воронья стая, березовые заросли, дождевые лужи(?)*, *смоляные капли*;

29) Похожие на... *нитчатые водоросли, пушистые ресницы, кровавое пламя, васильковые глаза, бархатистые волосы, мальчишеский вид*;

30) Имсущий форму чего-либо (по обобщенному названию этой формы): *круглый стол, квадратный стол, прямоугольная площадь, овальный диск*.

Отдельно приведены прилагательные в сочетаниях, являющихся, по существу, тавтологическими толкованиями производящих существительных: *вечер — вечерняя пора, утро — утреннее время, лето — летнее время, летняя пора, проселок — проселочная дорога, шелк — шелковая ткань, трава — травянистая растительность* и т. п.

Приставочно-суффиксальные (конфиксальные, циркумфиксальные) прилагательные выражают различные пространственные отношения: *заречный, предгорный, приусадебный, междугородный* и т. п. Образования с приставкой *без-* (*бес-*) характеризуют предметы по отсутствию, лишенности чего-либо (включая образное употребление): *безветренная погода, бескрайний, бездумный, бессловесный, бессердечный, бесстрашный*. Такие образования от названий частей тела — приставочно-бессуффиксальные: *безусый, безрогий, бесхвостый*, а также *безостый, безлистый*.

Словообразовательные значения отглагольных прилагательных описал Р. С. Манучарян:⁷ 1) такой, который склонен к действию (у автора сказано: «...к действию, названному производящей глагольной базой», — но это уже переход к лексическому значению прилагательных): *молчаливый* 'склонный к молчанию'

⁷ Манучарян Р. С. Словообразовательные значения и формы... С. 242—243.

(в толковании, перифразе указано лексическое значение, в которое входит словообразовательное значение 'склонный к действию'); 2) предназначенный для действия: *вязальный* 'предназначенный для вязания'; 3) вызывающий действие: *удивительный* 'вызывающий удивление'; 4) такой, который достоин действия: *показательный* 'достойный быть показанным (образцовый)'; 5) выражающий действие: *одобрительный* 'выражающие одобрение'; 6) способный производить действие: *горючий* 'способный гореть', *колющий* 'способный колоть, такой, который может уколоть'; 7) производящий действие: *блестящий* 'такой, который блестит', *чарующий* 'такой, который чарует'; 8) способный подвергаться действию: *обозримый* 'такой, который можно обозреть'; 9) такой, который подвергается действию: *употребительный* 'такой, который употребляется'; 10) такой, который подвергнут действию: *сушеный, вареный, жареный, соленый, квашеный*; 11) такой, каким сделался от действия: *горелый* 'сделавшийся таким от горения, в результате горения'.

§ 4. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ

Словообразовательные значения глаголов, как и других частей речи, делятся на значения внутреннего (внутриглагольного, преимущественно приставочного) и внешнего (транспозиционного) словообразования. Внутриглагольное словообразование создает в основном два типа словообразовательных значений: пространственные и аспектуальные (значения способов действия).

1. Пространственные значения

Пространственные словообразовательные значения глаголов можно представить на примере приставочных образований от глагола *лететь*. Исходное значение — однонаправленное движение (ср. *летать* — ненаправленное или разнонаправленное движение).

1) *прилететь*: 'летя (это далее указываться не будет, но всегда имеется в виду), оказаться в каком-либо месте, прибыть в какое-либо место' (оно может быть указано: *прилететь в Москву*, — но самим глаголом не требуется; при отсутствии указания места, предполагается место субъекта речи (место, где находится говорящий));

2) *у-лететь*: 'оставить данное место' (*улететь из Москвы*), антоним значения п. 1;

3) *под-лететь*: (1) 'приближение к предмету (ориентир)';
(2) 'движение под предмет';
(3) 'движение вверх, кверху'.

- 4) *до-лететь*: синоним к п. 3). (1), с большей близостью к предмету, допускающей контакт;
- 5) *от-лететь*: удаление от ориентира (антоним к п. 4);
- 6) *в-лететь*: движение внутрь предмета;
- 7) *вы-лететь*: движение изнутри предмета (антоним п. 6);
- 8) *вз-лететь*: (1) движение вверх, кверху (синоним 3.2);
(2) движение снизу вверх на предмет;
- 9) *с-лететь*: движение сверху вниз с предмета (анто-
ним п. 8);
- 10) *на-лететь*: (1) 'натолкнуться на предмет' (*налететь на столб*);
(2) 'покрыть поверхность предмета' (*пыль налетела на стол*);
(3) 'влететь в большом количестве' (*в комна-
ту налетели мухи, налетело много
мух*);
- 11) *за-лететь*: (1) движение за предмет (*залететь за дом*);
(2) внутрь ориентира — случайно, попутно,
ненадолго (ср. *зашел к приятелю, заехал
к родным, забежал домой*), нестрогий си-
ноним к 1, 6, 10 (3);
- 12) *пере-лететь*: (1) движение через предмет (сверху попе-
рек: *перелететь через крышу, через за-
бор, через сетку, через океан, ср. пе-
рейти через улицу*);
(2) движение с предмета на предмет (*пе-
релететь с дерева на дерево, с крыши
на забор*);
(3) движение далее ориентира, предела,
цели (ср. *перелет, антоним недолет*);
- 13) *про-лететь*: (1) движение через, сквозь предмст (*проле-
теть через всю страну, через туман, че-
рез окно*);
(2) движение мимо ориентира ('летя, мино-
новать': *пролететь мимо города, мимо
ворот*);
- 14) *об-лететь*: (1) движение вокруг предмета (*облететь го-
род, — вокруг города*);
(2) 'миновать как препятствие' (*облететь
гору, обойти лужу*);
- 15) *с-лететься*: движение с разных сторон в одну точку,
в один пункт (*слететься к реке, на озеро, в лес; ср. слет*);
- 16) *раз-лететься*: движение из одного пункта в разные сто-
роны (антоним п. 15).

Те же или другие приставки с другими производящими гла-
голами могут иметь и другие значения: *с-* — соединение (*сшить,
склеить, скрепить, соединить*); *раз-* — разъединение (антоним

к с-); *разрезать, разделить, разбить* (деструктивное значение — 'разрушение предмета'); *над-* 1) добавление (сверху): *надстроить*; 2) слегка: *надрезать*; *при-* — добавление: *пристроить, приварить*; *о-, об(о)-* — опережение: *обойти, обознать, оговорить* (заранее); *пере-* 1) заново, 2) слишком: *переписать, переделать* — *пересолить, пересушить*. Приставка *с-* в сочетании с кратными, неоднаправленными глаголами движения (*летать, ходить, ездить* и т. п.) вносит значение 'туда и обратно': *слетать в Москву* (ср. *улететь в Москву*), *сходить в магазин*. Это значение (с оттенком 'на время') с кратными глаголами может иметь и приставка *у-*: *Птицы на зиму улетают на юг (а весной возвращаются)*.

2. Временные значения («временные способы действия»)

Устоявшегося перечня способов действия и их названий нет. Наиболее отчетливо проявляются следующие значения (способы действия, далее — СД).

1) Начинательное значение (начинательный СД) — приставки *за-*: *заговорить, запеть, загреметь, заволноваться, заходить* (взволнованно заходил по комнате; глаголы движения — только кратные); *по-*: *побежать, полететь* (глаголы движения — только одинаправленные), *подуть, потечь*; *вз-*: *взмолиться, возгордиться, возненавидеть* (оттенок интенсивности);

2) Окончательное значение (окончательный, финитивный СД): приставки *до-, про-, пере-, от-*: *допеть* (до конца), *пропеть, перебродить, отгреметь* (*Отговорила роща золотая... Есенин*). В сочетаниях с личными существительными — оттенок утраты возможности продолжать действие: *отгулял, отбегал, отвоевал (свое), отвоевался*;

3) Значение предварения (заранее, с устремленностью в будущее): *предсказать, предугадать, предусмотреть, предполагать; заготовить, запасти, приготовить, припасти*;

4) Значение одновременности и сопроводительности (сопроводительный СД); обычно несов. вид (вторичная имперфективация с суф. *-ива-*): *подыгрывать, поддакивать, приговаривать* (*А Балда приговаривал с укоризной... Пушкин*);

5) Значения последования: *запить* (лекарство), *заесть, закусить* (другое значение: 'слегка');

6) Охват действием какого-либо промежутка времени: а) кратковременного, незначительного (ограничительный СД); приставка *по-*: *походить, полетать* (разнонаправленные глаголы движения), *поговорить, попеть, побеседовать, почитать; посидеть, подумать* (*Дождь покатал и прошел... Маяковский*); б) значительного периода (длительно-ограничительный СД), с приставкой *про-*: *проговорить* (всю ночь), *просидеть, прождать, проспать, промучаться, проходить* (глаголы движения —

только кратные; некротные глаголы движения: *проходить, пролетать* и т. п. — несов. вид с пространственным значением 'мимо');

7) Значение длительности, с оттенком а) интенсивности (длительно-интенсивный СД), префиксально-суффиксальные образования с приставкой *на-*: *названивать, настучивать, насвистывать*; б) смягчения (длительно-смягчительный СД), с приставкой *по-*: *посиживать, помалкивать, посвистывать*; ср. только смягчительный СД: *простирнуть*; в) многократность (суф. *-ива-/ыва-*): *хаживать, сиживать* (*Здесь барин сиживал один... Пушкин*), *говаривал* (только в форме прош. вр. устар.);

8) Кратковременность действия (приставки *вз-, при-*, суффикс *-ну-*): *всплакнуть, вздремнуть, взгрустнуть* (*...Ему взгрустнулось в тиши, — из песни*), *прихворнуть, присесть, прилечь*. Крайнее выражение кратковременности действия — однократность (однократный СД), суффикс *-ну-*: *толкнуть, махнуть, мигнуть, кивнуть*;

9) Повторность действия (заново): *перечитать* (еще раз), *перестроить* (заново), *перекипятить*. С этим значением связано значение поочередного охвата действием многих объектов, а также значение 'слишком' (одна и та же приставка *пере-*): *перечитать* (*все книги*), *пережарить* (*все котлеты*), *перечистить* (*все ножи и вилки*), *переженить* (*Пережешил детей, внучат... Грибоедов*). Значение 'слишком': *пересолить, пережарить, переварить, переохладить, перехвалить*;

10) Нерегулярная повторяемость действия (прерывистый СД): *позванивать, поглядывать, побаливать, поговаривать* (оттенок неинтенсивности, смягчительный СД);

11) Медлительность, неторопливость действия соединенные с внимательностью, тщательностью: *разглядывать, рассматривать; разгуживать* (только неторопливость), *обдумывать* (только тщательность).

3. Значения внешнего словообразования

А. Значения глаголов, образованных от существительных:

1) Производить действия, в которых проявляется род занятий, поведения, характер, какие-то особенности лица и т. п. (действие как проявление рода занятий и т. п.): *плотничать, столярничать, сапожничать, слесарить, директорствовать, шоферить, партизанить, княжить, царствовать, бездельничать, лодырничать, плутовать, тиранствовать, геройствовать, невеститься, женихаться, петушиться*;

2) Наделять, снабжать, покрывать, пропитывать, обрабатывать чем-либо: *меднить, серебрить, золотить, смолить, ваксить, цементировать, известковать, пудрить, солить, перчить, крахмалить, парить, коптить, пятнать, обсахарить, опушить, финансировать*;

3) Лишать, лишаться чего-либо: обезболить — обезуметь. Глаголы со значением 'лишить' и 'лишиться' различаются суффиксами -и(ть), -е(ть) соответственно, при общности приставки *обез-*; некоторые из них парные: *обезводеть/-ить, обезденежить/-ить, обезлесеть/-ить, обезлюдеть/-ить, обезножить/-ить, обезрыбеть/-ить*;

4) Действие ('обрабатывать' и др.) с помощью орудия; *боронить, косить, циклевать, фуговать* ('стругать фуганком'), *клеить, шнуровать, шлюзовать, прикрепить* (разг.), *пригвоздить, припиливать, прищипывать, прищипывать* (ослабление связи с цепь);

5) Действие, связанное со временем, имеющее определенное отношение ко времени: *днеть, ночевать, зимовать, сумерничать, полудничать*;

6) Создавать, издавать что-либо (в частности — звук): *гудеть, звенеть, греметь, шуметь, хрипеть, хрипеть, шипеть, свистеть, хрустеть; дымить, коптить* (лампа коптит), *пылить; копировать, ветвиться, кучиться, табуниться*;

7) Становиться как то, что (кто) обозначается производящим словом: *звереть, сатанеть, хаметь, деревенеть, каменеть, коченеть, лубенеть*;

8) Приобрести признак (глаголы на-еть), наделить признаком (глаголы на -ить) (есть сходства с п. 2,3): *осиротеть, осиротить, (о)вдоветь, омещаниться, жиреть, потеть, дуреть, заболотиться, (на)магнитить*;

Б. Значения глаголов, образованных от прилагательных:

Различаются два основных значения — приобрести признак и наделить признаком: *белеть — белить*. Глаголы со значением 'приобрести признак' характеризуются суффиксом -е-, глаголы со значением 'наделить признаком' имеют суффикс -и-, многие из них парные: *белеть/-ить, чернеть/-ить, синеть/-ить, темнеть/-ить, румянеть/-ить, желтеть/-ить, зеленеть/-ить, стареть/-ить, молодеть/-ить, полнеть/-ить, веселеть/-ить, грубеть/-ить, круглеть/-ить, пьянеть/-ить, тупеть/-ить* (тупить топор, топор тупеет; о человеке только тупеет), *охлаждать/-ить* и др.

Непарные со значением 'приобрести признак': *алеть, багрянеть, беднеть, богатеть, буреть, голубеть, грузнеть, грустнеть, густеть, добреть, дряхлеть, дурнеть, жаднеть, здороветь, криветь* (ср. *кривить*, парность разрушена), *коснеть, краснеть* (ср. *красить*), *леветь, лиловеть, лысеть, лютеть, мелеть* (ср. *мелить*, значения несоотносительные), *мрачнеть, мутнеть, нагнеть, неметь, новеть, плещиветь, плотнеть, подлеть, пошлеть, праветь* (ср. *править*), *прожнеть, редеть, ржаветь, робеть, розоветь, русеть, рыжеть, свежеть, сереть, сиветь, сизеть, скучнеть, слабеть, смелеть, смирнеть, суроветь, сыреть, сытеть, толстеть, трезветь, трухляветь, тучнеть, умнеть, хилеть, хмелеть, (о)хрометь, храбреть, худеть, черстветь, шалеть, юнеть, яснеть*; со значением

‘наделить признаком’: *ровнять, прямить, разнообразить, уточнить, повысить, укоротить, перегорчить, яровизировать*.

Глаголы на *-еть*, образованные от прилагательных со значением цвета, помимо значения ‘приобретать признак’, могут означать ‘обнаруживаться цветом’: *белеет, чернеет* (*Белеет парус одинокий... Лермонтов; Чернели избы здесь и там... Пушкин*). То же при постфиксе *-ся*: *белеется, чернеется*. Глаголы на *-ить* при наличии постфикса *-ся* становятся синонимичными глаголам на *-еть*: *стариться — стареть; веселиться — веселеть* (значения разные, но в пределах значений глаголов на *-еть*).

Значение ‘проявлять признак’ имеют и некоторые другие глаголы (не на *-еть*): *жадничать, лютовать, свирепствовать, фривольничать, хромать, усердствовать*.

В. Значения глаголов, образованных от числительных:

1) *делить(ся) на столько-то частей: двоять, двояться;*

2) *соединять в группы, состоящие из столько-то единиц: вздвоять, сдвоять;*

3) *увеличить во столько-то раз: удвоять, утроить, удесятерить.*

Г. Глаголы, образованные от междометий, означают ‘произносить междометие’: *ахать, охать*. Сходное значение у глаголов *акать, окать, икать* и т. п.

Аналогично могут быть рассмотрены и слова других частей речи. Словообразовательные значения многочисленны и разнообразны и с трудом поддаются четкому определению. Это связано, в частности, с тем, что они допускают разного рода обобщения или наоборот, дробления, например, значение деятеля (обобщение) может быть разделено на значение орудия (*выпрямитель*) и значение лица (*читатель*) и т. п. Во многих случаях трудно разграничить словообразовательное значение и лексическое значение слова. В целом это еще недостаточно разработанный раздел словообразования.

Глава 7

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА СЛОВ

§ 1. ТЕРМИНОЛОГИЯ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Словообразовательное гнездо — это (берем пока примерное определение) совокупность слов одного корня, например: *читать, чтение, читка, читатель, читательница, читальня, читальный, читательский, перечитать, прочесть, прочтение* и т. д. Такую совокупность слов называют по-разному, а общий компонент названий — гнездо — употребляется сверх того со многими другими уточнителями без достаточно четкого содержательного различия.

В общем, в одном и том же значении — «группа слов одного корня» (4-томный словарь) — употребляются термины: *гнездо* (общие толковые словари; словарь О. С. Ахмановой),¹ *гнездо слов* (словари Г. А. Нечаева, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, Ж. Марузо),² *гнездо родственных слов* (В. И. Кодухов),³ *семья слов* (Ж. Марузо).⁴ А основной термин этого ряда (*гнездо*) в пределах лингвистической терминологии известен также в сочетании с другими уточнителями: гнездо — лексическое, се-

¹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. С. 577, знач. 5; Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1957. С. 428, знач. 3 (оттепок); Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 3. М., 1954. С. 174, знач. 3 (оттепок); Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1975. С. 124, знач. 6; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 109.

² Нечаев Г. А. Краткий лингвистический словарь. Ростов н/Д, 1976. С. 38; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистической терминологии. М., 1976. С. 78—79; Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Пер. с франц. М., 1960. С. 140 (в статье: «Корень», параллельно: *семья слов*).

³ Кодухов В. И. Введение в языкознание. М., 1979. С. 257. Терминология здесь варьируется: *гнездо слов, гнездо родственных слов, гнездо однокоренных слов, словообразовательное гнездо*.

⁴ Марузо Ж. Словарь... С. 140. — Дополнительные термины (*гнездо производных слов* и др.) и литература см.: Исмеченко В. И. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985. С. 28—29.

мантическое, синонимическое, этимологическое, словарное, суффиксальное и др. Синонимическое гнездо — это, в общем, то же самое, что и синонимический ряд; лексическое и семантическое гнездо — то же самое, что лексико-семантическая, или тематическая, группа слов, лексико-семантическое поле. Как будто ясно также, что такое этимологическое гнездо, по связи с этимологией отмечается и у просто «гнезда слов»: «Семьей или гнездом называется группа слов какого-либо языка, происходящих от одного корня, если даже родство этих слов и не осознается носителями языка в более позднюю эпоху; решение вопроса о принадлежности слова к определенному гнезду зависит нередко от уровня этимологических разысканий».⁵ Словарное гнездо связывается более не со словом, а со словарем; а без учета такой связи это то же самое, что просто «гнездо (слов)»: «группа однокоренных слов, представленных в виде одной словарной статьи»;⁶ «группа морфологически (?) объединяющихся слов, представляемых в виде одной словарной статьи».⁷ Если же в этом термине главное — связь со словарем, то словарным гнездом будут и слова, объединяемые в одной словарной статье словаря-тезауруса, например (в пределах лингвистической терминологии) *преверб* — префикс, глагол, превербация (преверб — глагольная приставка, префикс — родовое понятие для преверба, глагол — целое для преверба как префикса, превербация — «операция» использования преверба)⁸ и т. п.

В условиях такой терминологической множественности и неупорядоченности терминам *гнездо* и *гнездо слов* надо предпочесть термин *словообразовательное гнездо (слов)*. Вполне отчетливо он представлен в Грамматике-80 (Т. 1. С. 134; в Грамматике-70 его еще не было), но в литературе он использовался и раньше (отмечен в Словаре Ахмановой, работах А. Н. Тихонова, В. И. Кодухова и других авторов).⁹

При определении словообразовательного гнезда нельзя ограничиться определениями, которые обычно давались «гнезду (слов)», условно говоря, до Грамматики-80: «группа однокоренных слов»,¹⁰ «группа слов одного корня»,¹¹ «группа слов

⁵ Андреев Н. Д. Примечание переводчика // Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов... С. 140.

⁶ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник... С. 396.

⁷ Ахманова О. С. Словарь... С. 109.

⁸ Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978. С. 140.

⁹ См., например: Кодухов В. И. Введение в языкознание...

¹⁰ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. С. 577; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник... С. 78.

¹¹ Словарь русского языка. Т. 1. С. 428; Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. С. 174.

одного и того же корня»,¹² «группа слов с общим корнем»,¹³ «группа слов, происходящих от одного корня»,¹⁴ — в этих определениях слабо отражена связь гнезда со словообразованием.

Такая связь прямо отмечена в определении Грамматики-80: «Словообразовательное гнездо — совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» (с. 134). Отмечает ее и А. Н. Тихонов: «Под словообразовательным гнездом понимается упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующаяся общностью корня». ¹⁵ Можно предпочесть второе определение, так как в нем сказано о самой производности (слов гнезда), а не только о мотивации, являющейся лишь семантическим показателем производности; да и «общность корня» лучше выражает соотношение слов гнезда, нежели «тождественность корня».

Но в обоих определениях есть очень спорный компонент — критерий упорядоченности совокупности слов в гнезде. Перед обсуждением этого критерия по существу можно отметить, что формулировка А. И. Тихонова и здесь заслуживает предпочтения: в ней отмечена объективная упорядоченность, заложенная в самом языке (совокупность слов, «упорядоченная отношениями производности»), а в формулировке Грамматики-80 просматривается субъективная, исследовательская упорядоченность: «совокупность слов, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации», — не «отношениями», а только «в соответствии с отношениями».

Но в целом критерий упорядоченности словообразовательного гнезда или вообще лишний, или, по крайней мере, излишне жесткий: упорядоченность слов в гнезде еще надо выявить (если следовать за А. И. Тихоновым) или выработать (если следовать за Грамматикой-80), но совокупность слов одного корня и без упорядочения составляет гнездо.

Связь гнезда с отношениями производности (словообразовательной мотивации) следует отразить не через критерий упорядоченности, а иначе: гнездо — совокупность слов, связанных, объединяемых отношениями производности (см. одно из имеющихся в литературе определений: «Словообразовательное гнездо — это совокупность однокоренных слов, связанных отношениями производности»). ¹⁶ Связь гнезда со словообразованием, вообще говоря, предопределена уже тем, что в гнезде слова одного корня и что само гнездо названо словообразователь-

¹² Нечасев Г. А. Краткий лингвистический словарь. С. 38.

¹³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 124.

¹⁴ Ахманова О. С. Словарь... С. 109.

¹⁵ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 36.

¹⁶ Балалыкина Э. А., Николаев Г. А. Русский словообразование. Казань, 1985. С. 147.

ным, но лучше все-таки подчеркнуть это специально, чтобы тем самым подчеркнуть и словообразовательную природу гнезда в целом.

Продолжая то, что отражено в определении и усиливая указание на связь словообразовательного гнезда со словообразованием, можно сказать еще, что словообразовательное гнездо—это суммарный результат словообразовательных процессов, начатых на базе исходного (корневого) производящего (составляющего вершину гнезда) и продолженных на базе его производных и производных всех последующих степеней производности, ставших производящими. Словообразовательных гнезд столько, сколько корневых слов, ставших производящими; к ним добавляются еще лишь гнезда на базе связанных корней, а также однословные гнезда (см. § 3, п. 3).

Далее следует отметить, что словообразовательное гнездо — одна из форм организации производных слов, словообразовательного материала в целом. Другими формами такой организации служат способы словообразования и особенно словообразовательные типы. Словообразовательные гнезда и словообразовательные типы связаны между собой отношениями прогивопоставленности (можно сказать, что это «обратные» величины): в гнезда объединяются слова с одним, общим корнем и какими угодно разными аффиксами, а в типы — слова с одним и тем же аффиксом и какими угодно разными корнями, например наименования лиц по местности с суффиксом *-ц(ы)*, в ед. ч. *-ец*: *ленинградцы, новгородцы, астраханцы* и т. п. Строгость этого соотношения (противопоставленности, оппозиции) нарушается лишь тем, что в типах учитывается значение (общность словообразовательного значения слов), а в гнездах нет, просто общность слов по одному корню. Поэтому необходимо (система требует) ввести еще одно понятие — совокупность слов по аффиксу безотносительно к значению, например все существительные с суффиксом *-тель* — личные, предметные, вещественные и др.: *читатель, выключатель, проявитель* и т. п. Такие аффиксальные совокупности слов можно назвать аффиксальными гнездами. Они и составят строго «обратную» величину словообразовательным гнездам. Точнее: словообразовательные гнезда будут иметь две разновидности — корневые словообразовательные гнезда и аффиксальные словообразовательные гнезда.

Мысль о двух разновидностях словообразовательных гнезд высказана В. И. Кодуховым: «Словообразовательные гнезда бывают двух видов — гнезда однокоренных (родственных) слов и гнезда тематических словообразовательных рядов. Например, слова *белый, белок, белить, белизна* и т. п. образуют гнездо родственных слов. Напротив, существительные *ткач, возжак, продавец, владелец, выдумщик, подписчик, точильщик, воспитатель, болтун, игрок, пастух* образуют словообразовательный

тематический ряд, поскольку все они являются отглагольными и имеют словообразовательное значение лица». ¹⁷ Второй вид словообразовательного гнезда не имеет здесь формального единства, в него объединены слова с разными суффиксами. ¹⁸ Для оппозиции с корневыми гнездами требуется единство аффикса: гнезда по данному корню — гнезда по данному аффиксу.

Ниже будут рассмотрены лишь корневые словообразовательные гнезда. Аффиксальные (префиксальные и суффиксальные) гнезда представлены (в принятых ограничениях полно и систематично) в «Словаре морфем». ¹⁹

§ 2. ГНЕЗДОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

Корневые (а также аффиксальные) гнезда — одна из форм организации и обобщения словообразовательного материала. Словообразовательный материал может быть организован и обобщен также по способам словообразования, по словообразовательным типам и т. п. (сопоставительный обзор разных форм организации материала см. в Заключении).

Обращение к гнездам при характеристике словообразования, можно сказать, совершенно необходимо и целесообразно. Понятно поэтому, что первый собственно словообразовательный словарь русского языка построен по гнездам, хотя словообразовательный словарь не обязательно должен быть гнездовым. Но к гнездам обращались и при семантической характеристике слов, поэтому толковые словари нередко составлялись по гнездовому принципу.

Гнездовая организация слов в словарях имеет в русской лексикографии давнюю традицию. Но случилось так, что гнездовой способ расположения слов был использован сначала в толковых словарях, где он менее пригоден, нежели в словообразовательных словарях, которые, напротив, начали свою историю без гнезд.

Первый фундаментальный толковый словарь русского языка — «Словарь Академии Российской» (СПб., 1789—1794, шесть частей, более 43 000 слов) — вышел с гнездовым расположением слов; но во втором издании (СПб., 1806—1822) этот словарь был представлен уже «по азбучному порядку». По гнездам был составлен «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1863—1966). Элементы гнездового принципа использованы также в 17-томном словаре (т. 1, 2 и 3) и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (во всех изданиях).

О гнездовом расположении слов в толковых словарях писали много, пре-

¹⁷ Кодухов В. И. Введение в языкознание. С. 257.

¹⁸ Так же представлено «суффиксальное гнездо» в диссертации П. Б. Штерн: Штерн П. Б. Структура суффиксального гнезда. Автореф. канд. дис. Киев, 1971. — Но понятие (и термин) «суффиксальное гнездо» следует поддержать: это частный случай аффиксального гнезда.

¹⁹ Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986. Разделы: Префиксальная часть (с. 419—576); Суффиксальная часть (с. 579—822). — Префиксы и суффиксы представлены лишь на уровне морфем, без сведения их в морфемы.

имущественно в критическом плане. Своеобразный итог этому, с явными элементами, однако, переходящих требований момента, «злобы дня», подведен в Предисловии к четвертому тому 17-томного словаря: «Прежде всего устраивается система гнездового расположения слов, как явно мешающая справочной цели издания. Недостатки гнездового расположения слов в толковом словаре стали очевидны уже после завершения издания „Словаря Академии Российской 1789—1794 гг.“. Поэтому, окончив работу над словопроизводным словарем и выпустив его в свет, Российская Академия приступила сразу к работе над вторым академическим словарем. Это второе издание порывало с системой гнездования и выходило с 1806 по 1822 г. под наименованием „Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный“. Новая попытка применения В. И. Далем в его „Толковом словаре живого великорусского языка“ этого несовершенного способа размещения слов встретила резкие и справедливые осуждения критики. Возврат к гнездовому расположению слов в Академическом словаре в сороковые годы двадцатого века может быть понят в связи с путаницей и неразберихой в языкознании, порожденными „ловым учением“ о языке акад. Н. Я. Марра... В четвертом, как и в последующих томах, слова располагаются в алфавитном порядке. Несмотря на «злобу дня», объективность этой оценки гнездового принципа применительно к толковым словарям сохраняется и теперь.

Первый словообразовательный словарь — «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи (Волгоград, 1961, 2-изд. — М., 1964) — не гнездовой, а чисто алфавитный. Но словарь З. А. Потихи, вопреки названию, оказался не словообразовательным, а лишь «морфемным» (С. Г. Бархударов).²⁰ Собственно словообразовательные словари А. И. Тихонова — Школьный словообразовательный словарь русского языка (М., 1978) и Словообразовательный словарь русского языка (т. 1—2. М., 1985) — последовательно гнездовые. Но и в словообразовательном словаре гнездовая организация слов не является обязательной или единственно возможной. Строго говоря, словообразовательный словарь должен строиться не по гнездам, а по словообразовательным парам, не по алфавиту исходных производящих — вершин гнезд, а по алфавиту производных слов. Словообразовательные гнезда лишь обобщают словообразовательный материал и вскрывают (или демонстрируют) словообразовательную историю слов. В целях обобщения словообразовательного материала могут быть использованы также словообразовательные типы, характеризующие не только формальную, но и семантическую сторону словообразования. Но типы пока еще недостаточно разработаны. Поэтому гнездовые словообразовательные словари, тоже обладающие большой информативностью, пока безусловно предпочтительны.

Гнезда в имеющихся толковых и словообразовательных словарях по составу заметно различаются. Возьмем гнездо с вершиной ГОСТЬ (в некоторых словарях это гнездо разделено на несколько гнезд):

1) Словарь Академии Российской (ч. II, СПб., 1790) (с прописной буквы даются слова, которые в Словаре выставлены в новую строку, с абзаца):

ГОСТЬ — гостек, гостя, гостейка, Гостебник, Гостьба, Гостбище, Гостеприимство, Гостеприимству, Гостеприятие, Гостеприимный, гостеприимчив, Гостинник, Гостиница, Гостинец, гостинчик, Гостинный, Гостинный двор, Гостиная, Гостиное, Гошу, Гошение, Загашиваюсь, Отгашиваю. Нагостить, нагоститься, Погостить, Разгоститься, Угощаю («подчую, довольствую гостей»), Угощение («гостей приятие...»).

²⁰ Бархударов С. Г. Введение // Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964.

2) Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка (Т. 1. М., 1955):

ГОСТЬ — гостек, гостик, гостенек, гостинце, гостыще, гостья, гостюшка, гостейник, гостея, гостейка, гостилка, гостейничать, гостить, гашивать, гостевать, гоститься, гошение, гостины, гостба, гостешба, гостбище, гостинство, гостеба, гоститель, -ница, гостильщик, -щица, гостеблик, гостбник, гостиный, гостинодворец, гостиное, гостейное, гостиная, гостипец, гостинка, гостиница, гостиница, гостиничный, гостинник, гостинщик, гостеприимство, гостеприимный, гостеприимец, гостеприимствовать, гостинодворский

(приставочные образования на своих алфавитных местах).

3) Словарь современного русского литературного языка (Т. 3. М., 1954); шесть статей:

ГОСТЕПРИИМНЫЙ, гостеприимство, гостеприимно; ГОСТИНЕЦ, гостинчик, гостинка; ГОСТИНИЦА, гостиничный, гостиник; ГОСТИНЫЙ, гостиная (суш.), гостинодворец, гостинодворский; ГОСТЬ, гостек, гостенек, гостья, гостюшка и гостюшка, гостевой; ГОСТИТЬ, гоститься, гашивать, гостевать, гошение.

(приставочные образования находятся вне гнездовых томов словаря).

4) Ожегов С. И. Словарь русского языка (10-е изд. М., 1975) — семь статей-гнезд, отдельно приставочные:

ГОСТЕПРИИМНЫЙ, гостеприимство, гостеприимно; ГОСТИНАЯ; ГОСТИНЕЦ, гостинчик; ГОСТИНИЦА, гостиничный; ГОСТИНЫЙ, гостиный двор; ГОСТИТЬ, гашивать; ГОСТЬ, гостья; УГОСТИТЬ, угощать; УГОСТИТЬСЯ, угощаться; УГОЩЕНИЕ (и с другими приставками).

5) Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка (М., 1978):

ГОСТЬ — гостек, гостья, гостюшка, гостюшка, гостинец, гостинчик, гостевой, гостиный, гостиная (суш.), гостиница, гостиничный, гостевать, погостевать, гостить, загоститься, нагоститься, погостить, прогоститься, угостить, угоститься, угощать (1), угощать, угощаться (2), угощение.

6) Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка (М., 1985) — четыре гнезда:

ГОСТЬ — гостек, гостенек, гостья, гостюшка, гостюшка, гостинка, гостевой, гостиный, гостиная (суш.), гостинодворец, гостинодворский, гостевать, загостеваться, погостевать, гостить, гоститься, гашивать, гошение, выгостить, выгоститься, выгашиваться, выгашивать, загоститься, загашиваться, погоститься, нагоститься, отгостить, отгоститься, отгашиваться, перегостить, погостить, прогостить, прогашивать, гостеприимный, гостеприимнейший, нагостеприимнейший, гостеприимно, негостеприимно, гостеприимность, негостеприимность (1), гостеприимство, негостеприимство (1), негостеприимный, негостеприимно, негостеприимность (2), негостеприимство (2), прегостеприимный, прегостеприимно; ГОСТИНЕЦ — гостинчик; ГОСТИНИЦА — гостиник, гостиничный; УГОСТИТЬ — угоститься, угощать (1), угощать, угощаться (2), угащивать, угащиваться, угощение, угоститель, угостительный, разугостить.

Гнезда по словарям оказались различными. Это может быть связано с различием в объеме самих словарей, с разрывом во времени их составления, с различиями в принципах гнездования слов и с целями и задачами словарей.

Различия, связанные с объемом словарей, демонстрируются гнездами в 17-томном словаре и в Словаре Ожегова. Общее объемное соотношение их примерно 1 : 2 (57 и 120 тыс. слов),

поэтому многих слов, указанных в гнездах 17-томного словаря, нет в соответствующих гнездах второго словаря: *гостинка* (при *гостинец*), *гостиник* (при *гостиница*), *гостинодворец*, *гостинодворство* (при *гостиный двор*), *гостевать*, *гощение*, *гоститься* (при *гостить*), *гостек*, *гостенек*, *гостюшка*, *гостьюшка* (при *гость*) и т. п.

На этом же основании различаются гнезда двух словарей А. Н. Тихонова. Многие различия объясняются временем составления словарей: между Словарем Академии Российской (1790 г.) и Словообразовательным словарем (1985 г.) временной разрыв около 200 лет, после выхода Словаря В. И. Даля прошло более 100 лет, поэтому десятки слов этих словарей современными словарями уже не фиксируются: *гостьба*, *гостьбище*, *гостебник*, *гостеприятие*, *гостиное*, *гостея* и т. п.

Но еще в большей степени все это объясняется различиями в подходе к гнездам, в принципах объединения слов в гнезда: если 17-томный словарь (как и Словарь Ожегова) ориентируется в основном на «небольшие гнездовые группы» (т. I. С. VII) и допускает разного рода «отступления от полного гнездования слов» (с. XI), то Словообразовательный словарь и Школьный словообразовательный словарь А. Н. Тихонова содержат, в принципе, полные словообразовательные гнезда (различие лишь в объеме включенной в них лексики); гнезда в Словаре Академии Российской и в Словаре Даля строятся с уклоном в этимологию — гнезда в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова обостренно синхронные, поэтому от гнезда ГОСТЬ отделены гнезда с вершинами ГОСТИНЕЦ, ГОСТИНИЦА, УГОСТИТЬ (в Школьном словообразовательном словаре все они, однако, объединены с гнездом ГОСТЬ). Этим же объясняется выделение в отдельное гнездо СТОЛЯР (ср. *стол*), ПЕРСТЕНЬ (ср. *перст*), ДНЕВАЛЬНЫЙ (ср. *день*, *днeвать*) и т. п. Напротив, в Словаре Академии Российской в гнезде ГОД указаны даже слова *погода*, *негодяй*, *гожусь*, *угодить* и т. п., этимологические связи между которыми почти утрачены.

§ 3. ТИПОЛОГИЯ КОРНЕВЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД

Типология словообразовательных гнезд может быть построена на разных основаниях: 1) по частям речи исходных, вершинных слов, 2) по объему, количеству слов в гнезде, 3) по структуре, строению гнезда.

1. Типы гнезд по частеречной принадлежности вершинных слов

Все слова русского языка — это слова определенных частей речи, поэтому все характеристики слов непременно связаны с частями речи, не могут быть оторваны от них. Это относится и к характеристике словообразовательных гнезд. И это всегда

имелось в виду: гнезда в соответствии с частеречной принадлежностью их вершинных слов делятся на именные — субстантивные и адъективные, на глагольные, наречные и т. д. Разрабатываются конкретные показатели такой характеристики гнезд.²¹ Встает вопрос и о количественной характеристике частеречного распределения их, но до самого последнего времени это оставалось на уровне предположений и примерных подсчетов. С выходом «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова такая характеристика гнезд может получить более строгие, а в известном смысле и исчерпывающие показатели, так как этот словарь по своему словнику — самый полный словарь современной русской лексики: в нем зафиксировано больше слов, чем в каком-либо ином современном словаре, — «около 145 000 слов», как сказано на титульном листе (т. 1), а более точно — 144 152 слова (= 12 542 исходных, вершинных слова, 126 034 производных слова и 5576 «одиночных» слов), тогда как в 17-томном словаре — лишь 120 480 слов, в Обратном словаре 1974 г. — 121 532 слова.

В Словаре имеется сводная таблица количества гнезд по частям речи их вершинных слов (без учета одиночных слов). Эти данные были использованы при характеристике словообразовательного потенциала частей речи. Здесь частично воспроизведем их в новом аспекте.

По количеству формируемых гнезд части речи располагаются в следующем порядке: 1) имена существительные, 2) глаголы, 3) имена прилагательные, 4) наречия, 5) междометия, 6) звукоподражания (группа слов вне частей речи), 7) местоимения, 8) имена числительные, 9) слова других частей речи (служебные слова и прочие). Гнезда субстантивные, глагольные и адъективные вместе составляют почти 98% (соответственно: 70,95, 19,25, 7,50%). Представленное расположение частей речи по количеству формируемых ими словообразовательных гнезд в целом совпадает с порядком расположения частей речи по количеству слов в их составе (на первых пяти местах стоят те же самые части речи), но процентное соотношение их иное: существительные — 46,35%, глаголы — 30,71, прилагательные — 20,40, наречия — 1,59% (по Обратному словарю русского языка). Уже в этом проявляется специфика словообразовательной характеристики частей речи и их связи со словообразовательными гнездами. Еще более эта специфика проявляется в так называемом словообразовательном потенциале слов по частям речи (среднее количество слов в гнезде по частям речи вершинных гнезд см. гл. 5).

²¹ Белокриницкая С. С. Классификация словообразовательных гнезд от непронизованных имен существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972; Смирнова Г. А. Типология отадъективных гнезд // Аспекты лингвистического анализа. М., 1974.

2. Типы гнезд по объему (количеству слов)

Полных и даже сколько-нибудь систематичных данных по объему гнезд пока нет. При наличии «полного» словообразовательного словаря, такие данные сравнительно легко получить, но это все-таки еще задача будущего. А пока можно обсудить лишь вопрос о минимальном и максимальном составе гнезд. Максимальный состав словообразовательных гнезд может быть выявлен исключительно эмпирически: никаких оснований для теоретического исчисления максимума состава гнезд нет. Данные, близкие к максимуму, А. Н. Тихонов приводит в статье «Основные понятия словообразования» при Словообразовательном словаре: «Большие гнезда (макрогнезда) включают сотни, нередко по 400—500 и более образований: *ходить* — 470, *вести* — 507, *два* — 547, *нести*... — 541, *половина* — 587 и т. д.» (с. 40). Судя по концовке — «и т. д.» — предельный максимум еще не определен.

Вопрос о минимальном составе гнезд в значительной степени, если не полностью, теоретический. Обычно считается, что минимальный состав гнезда — два слова: корневое производящее и единственное производное при нем. Так считает и автор Словообразовательного словаря: «В простейших гнездах (микрогоздах), кроме исходного слова, — только одно производное слово: *мензурк(а)* — *мензуроч-н-ый*...» (с. 40).

Есть, однако, основания полагать, что минимумом гнезда является одно слово — корневое, не проявившее словообразовательной активности и не ставшее производным. Это не противоречит общему определению гнезда как совокупности слов одного корня: одно слово — частный случай совокупности слов. Можно провести аналогию с математическим понятием множества: выделяются одноэлементные (одночленные) и даже пустые множества. Есть аргументы (анalogии) и лингвистического порядка — соотношение 1:1 между низшими и высшими языковыми единицами: однозвучные слоги (*о-а-зис*), односложные слова (*дом*), односложные предложения (*Ночь. Мороз...*), однофразовые тексты, например пословицы: *Без труда не вынешь и рыбку из пруда*; в генеалогической классификации родственных языков есть «группы» и «ветви» языков, представленные одним языком: в семье индоевропейских языков, например, наряду с многочисленными ветвями — славянские, романские, германские языки — есть ветви из одного языка: армянский язык, греческий язык. Однословные гнезда в литературе уже отмечались: «Минимальным гнездом является гнездо из одного слова».²²

Гнезда-слова в Словообразовательном словаре гнездами не

²² Гвинзбург Е. Л. Исследование структуры словообразовательных гнезд // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 150

считаются, и все «одиночные слова» приведены особым списком в качестве приложения к словарю. Их состав, как и критерий их отбора, пуждается в специальном обсуждении, равно как и критерий отбора и состав исходных, вершинных слов в гнездах: не все они, кажется, безусловно корневые, например *невпроворот*, *незапамятный*, *осточертенеть*, *умозрение* и т. п. (среди одиночных слов), *гостинец*, *угощать*, *дневальный*, *столяр* и т. п. (среди вершинных слов). Но это вопрос особый. А пока на основе материалов этого Словаря можно сказать, что по составу гнезда находятся в пределах от 1 до 500—600 слов. В зоне малых и средних гнезд (до некоторого X-слового гнезда) количественные типы гнезд идут без разрывов (количество слов в соседних гнездах «монотонно» возрастает на единицу); в зоне больших и сверхбольших гнезд имеются, вероятно, разрывы, подобно тому, как существуют разрывы в реальной представленности слов с постепенно нарастающей частотностью в зоне высокочастотных слов. Все это подлежит еще выявить.

3. Структурные типы гнезд

По структуре (строению) словообразовательные гнезда делятся на пять типов (пятый тип с внутренними, структурными же разновидностями):

1) гнезда-слова (более точное название: гнезда — одиночные слова): корневые (непроизводные) слова, не проявившие словообразовательной активности и не ставшие производящими, результат (следствие) того, что словообразование не состоялось, не проявилось. Условное обозначение — (.). Примеры (по Словообразовательному словарю А. Н. Тихонова): *авеню*, *анчар*, *аллюр*, *апломб*, *арена*, *баста* (ср., однако, *бастовать*), *возмездие* (ср. *мзда*), *вокруг* (ср. *круг*), *вперекор* (ср. *наперекор*, *корить*), *всуе* (ср. *суета*), *гвалт*, *дека*, *динар*, *досье*, *кошара*, *кредо* и т. п. (в Словаре таких слов — 5576);

2) гнезда — пары слов: корневое производящее и его единственное производное (———) результат замкнутого, одноактного словообразования: *автохтон* — *автохтонный*, *баллистика* — *баллистический*, *ракурс* — *ракурсный*, *ранг* — *ранговый*, *реликт* — *реликтовый*, *руина* — *руинный*, *реплика* — *реплицировать*, *рассусоливать* (!) — *рассусоливание*, *субстрат* — *субстратный*, *субститут* — *субституция* и т. п.;

3) гнезда — цепи (цепочки) слов (цепочечные гнезда) — результат последовательного словообразования: единственное производное исходного слова (производное первой степени производности) становится производящим для единственного же производного второй степени производности, и т. д. (———) *бусы* — *бусина* — *бусинка*; *свиль* (спец.) — *свилеватый* — *свилеватость*; *рифли* — *рифленый* — *рифленость* (не учтено — *рифление*);

4) гнезда — пучки (или — веера) слов (веерные гнезда) — результат параллельного словообразования: от исходного производящего образуется несколько (два и более) производ-

ных первой степени производства (): дискретный —

дискретность, дискретно; *взбалмошный* (!) — *взбалмошность*, *взбалмошной*; *розга* — *розгач*, *розговый*; *саквояж* — *саквояжник*, *саквояжный* и т. п.;

5) гнезда-деревья, комплексы цепочек и вееров слов (комплексные гнезда) — результат последовательного и параллельного словообразования, с двумя (при минимальном составе) структурными разновидностями: а) цепочно-веерные гнезда

(), б) вееро-цепочечные гнезда (): а) *зей-*

гер (спец.) — *зейгеровать* — *зейгерование*, *зейгеровицк*; *дне-вальный* (! Ср. *день*, *днеть* и др.) — *днеть* — *днетьство*, *отднеть*; б) *саранча* — *саранчук*, *саранчовый* (прил.) — *саранчовые* (сущ.); *сатурация* (спец.) — *сатурационный*, *сатуратор* — *сатураторный* (не учтено: *сатураторицк*, профес.); *сессия* — *сессионный* (—*сессионно*), *меж-сессии-онн(ый)*.

В системе структурных типов словообразовательных гнезд центральное место принадлежит цепочечным и веерным гнездам: они имеют специфическую, отчетливо дифференцированную, самодовлеющую структуру. Другие типы гнезд не обладают такой самостоятельностью: комплексные гнезда являются результатом объединения цепочек и вееров, а гнезда — пары слов являются как бы недоразвитыми цепочками или веерами (гнезда-слова — недоразвитые гнезда-пары). Но в количественном отношении преобладают периферийные типы над центральными: всего гнезд (с учетом «одиночных слов») — 18 118, в их числе 1) гнезда-слова — 5576 (30,75%); 2) гнезда — пары слов — 2982 (16,45%); 3) гнезда-цепочки (цепочечные гнезда) — 410 (2,25%); 4) гнезда-веера (веерные гнезда) — 2276 (12,65%); 5) гнезда-деревья (комплексные гнезда) — 6874 (37,9%).

§ 4. ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ ГНЕЗД

Структурные типы словообразовательных гнезд различаются составом и отношением к внутреннему развитию.

1. Состав гнезд

В составе отдельных структурных типов гнезд, как и в составе гнезд в целом, можно различать минимум и максимум

бавление слова к цепочечному или к веерному гнезду или переводит его в новый тип (*комплексное гнездо*), или оставляет его в прежнем типе, лишь увеличивая его объем, т. е. результат может быть двоякий, но не обязательно «внешний»: ((3)

(. — . — . — .) + 1 → или (— — —), или (. — . — .);

(4) (. — .) + 1 → или (. — . — .), или (. — . — .);

5) добавление слова к комплексному гнезду оставляет его в том же типе, лишь увеличивая его объем и/или изменяя его структурную разновидность — результат опять, как в п. 1, единственный, но уже только «внутренний», без перевода гнезда в новый тип.

В структурных типах словообразовательных гнезд обнаруживаются, таким образом, многообразные различия. В качестве дополнительной иллюстрации этого приведем структурные типы и подтипы 5-словных гнезд.

Словообразовательные гнезда объемом в пять слов (1+4) могут быть трех типов — цепочечные, веерные и комплексные с их семью подтипами:

1) цепочечные гнезда:

(. — . — . — . — .) *веред — вередить — развередить — развередивать — развередиваться; джинго — джингоизм — джингоист — джингоистский — джингоистски;*

2) веерные гнезда:

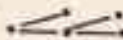

барон — баронесса, баронство, баронет, баронский; бизон — бизониха, бизоний, бизоновый, зубробизон; зарцевать — зарцевание, загарцевать, погарцевать, прогарцевать;

3) комплексные гнезда: (1)

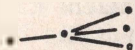

башмак — башмачок, башмачный, башмачник — башмачница; верезжать — верезжание, заверезжать, верезг — верезгливый;

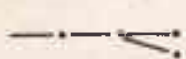
(2) *вития — витийствовать (1), витийство — витийственный, витийствовать (2);*

(3) *вспыхнуть — вспыхивать — вспыхивание, вспышка — фото-вспышка;*

(4) *всюду — отовсюду, повсюду — повсюдн(ый) — повсюдность;*

(5) *аргумент — аргументировать — аргументироваться, аргументирование, аргументация;*

(6) *манси — мансеец — мансийка, мансийский — мансийски;*

(7) *иначе — иначить — переиначить (переиначивание) — переиначиваться, переиначивание.*

§ 5. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ

Совокупность слов одной степени производности или, что то же самое, совокупность производных слов при общем производящем (т. е. производные слова верных гнезд или верные части комплексных гнезд) интерпретируются как словообразовательные парадигмы (Е. А. Земская,²³ А. Н. Тихонов²⁴ и др.). С этим можно согласиться: производные одной степени производности находятся в сопоставимых отношениях с их общим производящим, а через него — и между собой, и эти отношения можно признать парадигматическими, проще — синонимичными. Но если есть отношения парадигматические, то тем, видимо, и синтагматические отношения. Их усматривают и словообразовательных цепочках: «Совокупность производных, упорядоченных так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей, называется словообразовательной цепью (или цепочкой)... Она демонстрирует синтагматические отношения между однокоренными словами... «...структура словообразовательного гнезда определяется след-

²³ Современный русский язык / Под ред. В. А. Божовича. М., 1972.

²⁴ См., например: Тихонов А. Н. Семантическое гнездо слов и словообразовательное гнездо // Труды. Новая серия. Вып. 200. Словообразование. Самарканд, 1972.

²⁵ Современный русский язык / Под ред. В. А. Божовича. М., 1981. С. 221 (автор раздела — Е. А. Земская).

ношением единиц двух планов — синтагматического и парадигматического. В синтагматическом плане словообразовательное гнездо представляет собой совокупность словообразовательных цепочек...»²⁶ и еще: «словообразовательная цепь» — «важнейшая синтагматическая единица в структуре гнезда».²⁷

С такой интерпретацией словообразовательных цепочек согласиться никак нельзя. Она основана, кажется, на каком-то недоразумении: авторов, по-видимому, гипнотизируют употребляемые при этом термины или образные выражения, типа «словообразовательные ряды», «словообразовательные цепи» (ведь синтагматические отношения слов отмечаются именно в «цепях», правда не в словообразовательных, а в речевых), «оси» — вертикальные и горизонтальные, расположение словообразовательных цепей в строчку («горизонтальная ось»), а словообразовательных «парадигм» (пучков или вееров) — в столбик («вертикальная ось»). Расположение единиц «столбиком» иногда включается даже в дефиницию или характеристику парадигматики: «включение их (единиц. — А. М.) в ряды „по вертикали“ — столбики...» (Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь-справочник... С. 268). Но это чисто внешние приметы и аналогии. Ареной проявления синтагматических отношений слов служат «цепи», но цепи речевые, а не словообразовательные; речевая цепь — явление синтаксиса, а не словообразования, тогда как словообразовательно цепи слов, напротив, явление не речевое, а языковое, системное, парадигматическое. Словообразовательные связи слов всегда, во всех случаях — при параллельном словообразовании (словообразовательные пучки или веера слов) и при последовательном словообразовании (словообразовательные цепочки слов) — системные, парадигматические отношения; их элементы (производящие слова и производные, в частности) объединяются (противопоставляются и т. п.) только в системе, в языковом сознании носителей языка, а не в речи. Это, следовательно, типично парадигматические отношения, при которых «единицы языка объединяются... в сознании пользующегося языком, несмотря на невозможность реального их объединения в акте речи (О. С. Ахманова. Словарь... С. 310). Производящее и производное можно поставить в синтагматическую связь, например, в словосочетании *писать письмо*, но слова *писать* и *письмо* синтагматически связаны здесь не как производящее и производное, а как глагол, обозначающий действие, и существительное, обозначающее предмет, продукт этого действия; *писать письмо* синтагматически то же самое, что *писать заявление*, *писать статью*, *заметку* и т. п., — словообразование, словообразовательные пары и цепочки тут ни при чем.

²⁶ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь... Т. 1. С. 41.

²⁷ Там же. С. 44.

Речевая цепь — форма реализации синтагматических отношений слов. Синтагматические отношения единиц «ниже» слова — морфем, слогов, звуков речи — реализованы в самом языке, до его речевого употребления, в составе более крупных единиц: звуки в составе слогов, слоги и морфемы — в составе слов. В обоих случаях — синтагмы слов в речи, синтагмы дословных единиц в слове — характеризуются линейным расположением («горизонтальная ось»); линейность (а также бинарность и непосредственная связь) — общая характеристика синтагматики в целом: синтагматические отношения реализуются в линейном расположении единиц в составе готовых языковых объединений (слогов, морфем, слов) или в составе речевых произведений. В словообразовании этому общему критерию синтагматики соответствуют не «цепи» или «цепочки» производных слов при последовательном словообразовании, а сами производные слова: производные слова — это синтагмы входящих в их состав морфем (внутренние синтагмы).

Таким образом, если и в словообразовании есть парадигмы и синтагмы, то синтагмами являются сами производные слова, а все словообразовательные совокупности слов — словообразовательные пары, цепочки, веера и словообразовательные гнезда в целом — не что иное, как словообразовательные парадигмы, парадигмы разного состава и вида, гнездо, например, особенно комплексные гнезда, — «большая» словообразовательная парадигма. Это отмечается и в представленных уже в литературе определениях словообразовательных парадигм: «Слова, имеющие общий корень и живые смысловые связи, составляют словообразовательное гнездо (парадигму)».²⁸

§ 6. УПОРЯДОЧЕНИЕ СЛОВ В КОРНЕВЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗДАХ

Как было отмечено ранее, упорядочение слов в гнезде вводится даже в общее определение гнезда. Но если для самого гнезда упорядоченность, видимо, безразлична (совокупность однокоренных слов и без упорядочения составляет гнездо), то при обзоре гнезд, их состава и т. п. упорядочение слов крайне необходимо. Оно проводится, однако, по-разному: чисто внешне (только графически), по алфавиту, по частям речи, по степеням производности и т. п. И техника упорядочения оказывается разной, поэтому и ее приходится учитывать.

Далее приводятся несколько примеров предложенных в литературе приемов организации корневых гнезд.

В толковых словарях слова внутри гнезд формально могут

²⁸ Тихонов А. Н. Семантические связи слов... С. 279. — Но известны и прямые противопоставления парадигмы и гнезда: Клобукова Л. П. Словообразовательное гнездо и словообразовательная парадигма // Русский язык в школе. 1983. № 5.

быть упорядочены по алфавиту, по частям речи производных слов (а в пределах частей речи — по алфавиту), по словообразовательным и семантическим связям и т. п. Строгих и единых правил нет. В 17-томном словаре оговорено лишь, какие производные указываются в гнездах, возглавляемых словами разных частей речи: «При основном слове — имени существительном помещаются... а) производные имена уменьшительного, ласкательного, уничижительного и увеличительного значения... *домик, садик* при *дом, сад*... б) имена... означающие детенышей животных и молодых животных... *львенок* при *лев*... в) имена... означающие единичные предметы... *жемчужина* при *жемчуг*... г) имена... с собирательным значением... *студенчество* при *студент*... д)... *учительница* при *учитель*... е) *каменищик*... при *камень*...» и т. п. (т. 1. С. VIII). Далее охарактеризованы гнезда при других исходных словах — именах прилагательных, глаголах, именах числительных, местоимениях, междометиях.

В литературе по словообразованию и в словообразовательных словарях в основу упорядочения слов в гнездах кладутся словообразовательные связи и степени производности. В качестве примеров можно привести «большое гнездо» Л. В. Успенского, «ориентированные графы» Л. Н. Засориной, Р. Абдуллаева, Е. Л. Гинзбурга, иллюстративное гнездо Е. А. Земской, гнезда из словарей А. Н. Тихонова.

«Большое гнездо» Л. В. Успенского представлено в виде неориентированного графа (схема 1)²⁹ с чисто внешним упорядочением элементов в интересах компактного размещения записи. Производные слова разделены на все имеющиеся в них морфемы (за исключением инфинитивного показателя *-ть*), что выходит за пределы собственно словообразования.

Графы Л. Н. Засориной и Е. Л. Гинзбурга ориентированы, но по-разному. Л. Н. Засорина свой граф определяет так: «Для записи структуры Д-гнезда (деривационного гнезда. — А. М.) используется ориентированный граф, узлы которого занимают дериваты, а ребра отражают Д-отношения (деривационные отношения. — А. М.). Общее направление деривации задается от корня, соответственно вершины дерева-графа к его узлам» (схема 2).³⁰ Граф Л. Н. Засориной конкретизировал в материале Р. Абдуллаев (схема 3).³¹ Основной объект ориентации — части речи производных слов. В принципе такая же ориента-

²⁹ Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л., 1962. С. 269 (фрагмент).

³⁰ Засорина Л. Н. Генеративное словообразование и семасиология // Актуальные проблемы русского словообразования. Вып. I. Самарканд, 1972. С. 66.

³¹ Абдуллаев Р. Деривационно-семантические модели имен прилагательных с формантом *-ск-* в русском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1978. С. 14 (фрагмент).

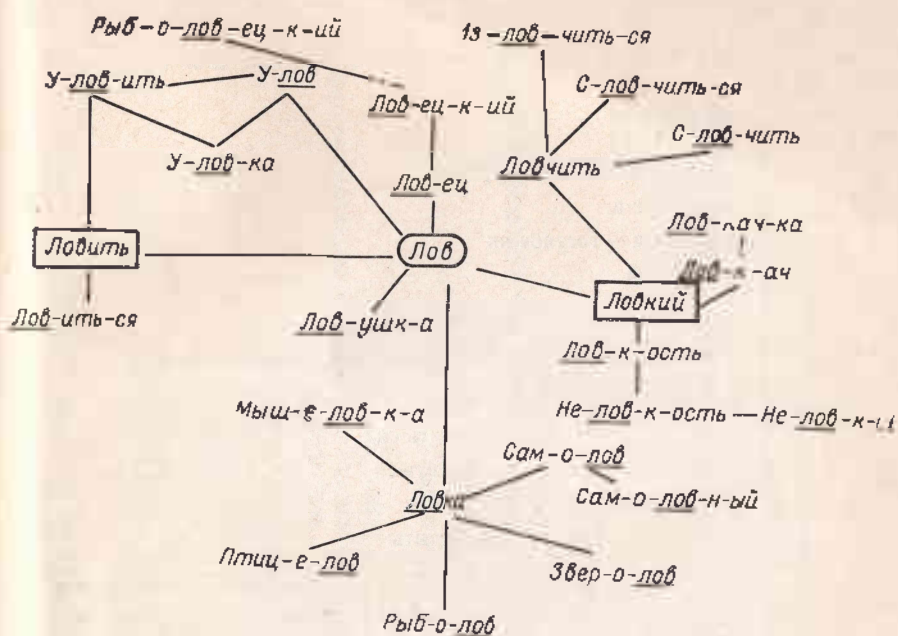

Схема 1

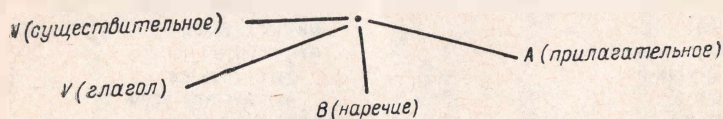

Схема 2

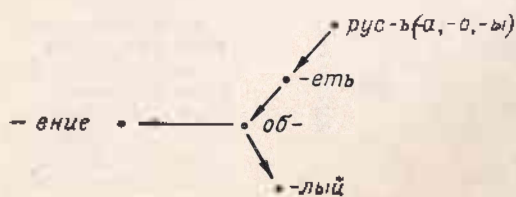

Схема 3

Гнездо ГОСТЬ

а) Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978.

ГОСТЬ →		гос-т-ёк			
		гос(т'й-а) → гос(т'й-у)шк-а			
		гост-юшк-а			
		гост-инец → гостинч-ик			
		гост-ев-ой			
		гост-ин(ый) →		гостин-ая, сущ.	
				гостин-иц(а) → гостинич-ный	
		гост-ева-ть →		по-гостевать	
				за-гостить-ся	
				на-гостить-ся	
		гост-и-ть →		по-гостить	
				про-гостить	
		у-гостить →		угостить-ся → угощ-а-ться	
				угощ-а-ть → угощать-ся	
угощ-ени(й-э)					

б) Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. С. 404:

гост-ёк	по-загоститься
гост-енёк	на-гостить-ся
гост-й(а)	от-гостить
гост-й-ушк-а	отгостить-ся
гост-юшк-а	отгащ-ива-ться
гост-инк-а	пере-гостить
гост-ев-ой	по-гостить
гост-ин(ый)	про-гостить
гост-ин-ая, сущ.	прог-ащ-ива-ть
гостин-о-двор-ец	гост-е-приним-н(ый)
гостин-о-двор-ск-ий	гостеприимн-ейш-ий
гост-ева-ть	наим-гостеприимнейший
за-гостевать-ся	гостеприимн-о
по-гостевать	не-гостеприимно
гост-и-ть	гостеприимн-ость
гостить-ся	не-гостеприимность
гащ-ива-ть	гостеприим-ств-о
гощ-ений-е	не-гостеприимство
вы-гостить	не-гостеприимн(ый)
выгостить-ся	негостеприимн-о 2
выгащ-ива-ться	негостеприимн-ость 2
вы-гащ-ива-ть	негостеприимн-ств-о 2
за-гостить-ся	пре-гостеприимн(ый)
загащ-ива-ться	прегостеприимн-о

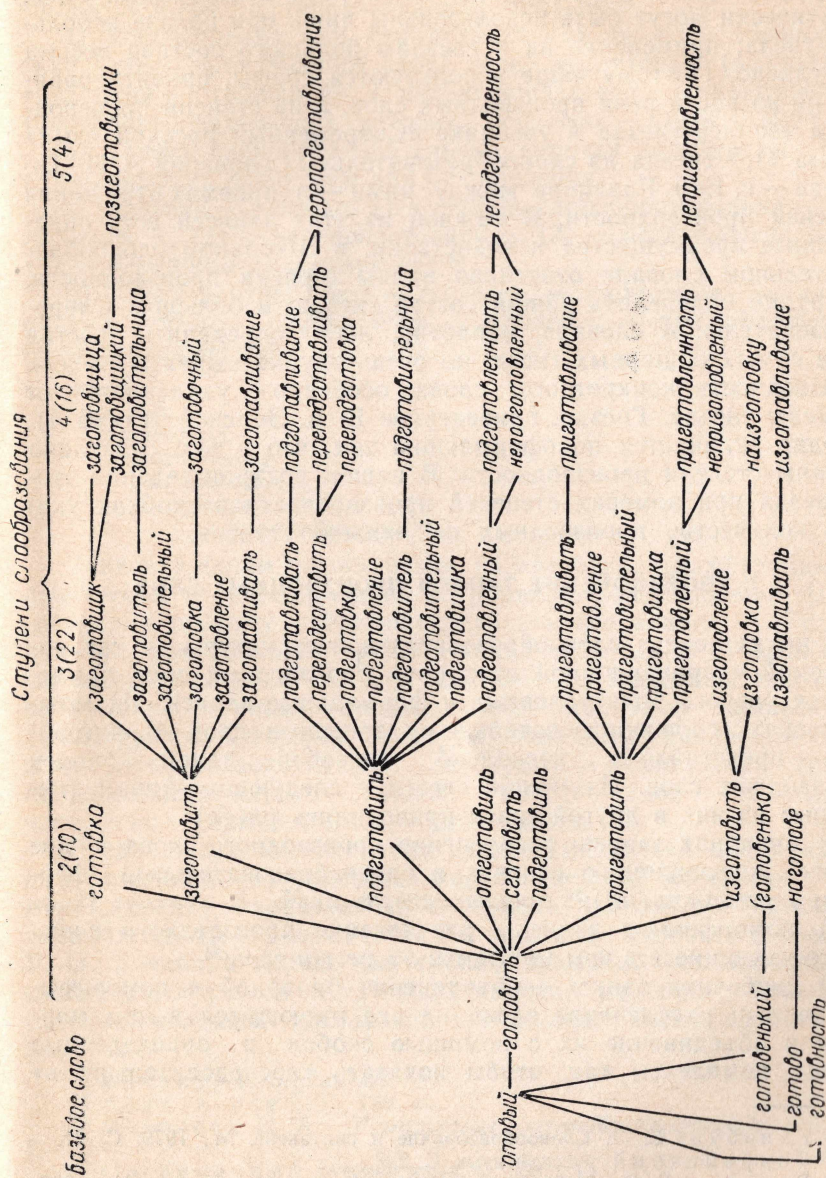

Схема 4

ция, но с другой пространственной направленностью использована в графах гнезд у Е. Л. Гинзбурга.³²

Графы, ориентированные на части речи производных слов, практически могут быть использованы лишь при показе небольших гнезд; применение их к гнездам большого состава весьма затруднено. Поэтому чаще используются графы, ориентированные не на части речи производных слов, а на степени производности (запись гнезда в учебнике «Современный русский язык» (схема 4),³³ гнезда из словообразовательных словарей А. Н. Тихонова — с. 190). Различие между ними — в приемах отражения степеней производности. В каждой из этих записей есть определенные преимущества и недостатки: в Школьном словообразовательном словаре отчетливо видны степени производности, но трудно определить общий состав гнезда; в большом Словообразовательном словаре, напротив, легко определить состав даже самых обширных гнезд, но очень трудно выявить степень производности конкретного слова, особенно — удаленного от вершины гнезда. Гнездо, приведенное Е. А. Земской (схема 4), выгодно отличается по оформлению тем, что в нем отчетливо указаны степени производности. В нашем воспроизведении этого гнезда при номерах степеней производности в скобках указано количество производных на каждой ступени.

§ 7. УПОРЯДОЧЕНИЕ ЗАПИСИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

В целях показа словообразовательной структуры (и так называемой «дери́вационной истории») производных слов применяются разного рода условные и формальные записи. Их можно назвать словообразовательными записями слов. В литературе представлено несколько способов такой записи производных слов. Их можно свести к следующим типам (некоторые из них в другой связи приводились ранее):

1) бинарная запись: расчленение производного слова на две части — производящую основу и словообразовательный формант: *блужда-ющ(ий)*;³⁴ *производственн-ик*.³⁵

2) поморфемная запись — расчленение производного слова на все имеющиеся в нем морфемы: *за-мест-и-тель*.³⁶

3) скобочная запись — объединение бинарной и поморфемной записи: расчленение слова на все имеющиеся в нем морфемы и объединение их с помощью скобок в определенные группы, комплексы так, чтобы показать «последовательность»

³² Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979. С. 31.

³³ Современный русский язык. С. 238.

³⁴ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1956. С. 441.

³⁵ Бархударов С. Г. Введение // Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964. С. 13.

³⁶ Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. С. 95.

(Г. О. Винокур) их присоединения на разных ступенях производности — образования данного производного слова и всех его словообразовательных предшественников: <{[(с-берег)-а]-тель}-ск>-ий;³⁷ {[(производ)-ств]-ени}-ик;³⁸

4) «реляторная» или «аппликативная» запись — символическая запись производного слова через «реляторы» (показатели «реляции» — отношений), с целью показа его «деривационной» (словообразовательной) истории: *осушение* — $OR_3R_1R_1R_2$;³⁹

5) записи словообразовательных цепочек производных слов с бинарным их членением или без членения:

а) *готовый* — *готовить* (1-я ступень словообразования) — *подготовить* (2) — *переподготовить* (3) — *переподготавливать* (4) — *переподготавливание* (5);⁴⁰

б) *клей* → *кле(й)-и-ть* → *с-клеить* → *скле-ива-ть* → *склеивать-ся*; *ход-и-ть* → *при-ходить* → *приход-о* → *приход-ова-ть* → *за-приходовать*;⁴¹

в) *ходить*
 при-ходить
 приход(-о)
 приход-ова-ть
 за-приходовать
 заприходованя-ый
 не-заприходованный.⁴²

Записи в целом сопоставимы, но авторские иллюстрации их, лексически не совпадающие, затрудняют сопоставление. Целесообразно поэтому продемонстрировать все записи на одном примере, взятом из материалов какой-либо одной из записей и спроецированном на все другие. Более показательны здесь слова высокой степени производности, например *пренесочно* (фиксируется 17-тмным словарем, Обратным словарем и большим Словообразовательным словарем) — слово 7-й степени производности: *нести* — *снести* — *сносить* — *снос* — *сносный* — *несносный* — *пренесносный* — *пренесочно*.

О скобочных записях надо сделать несколько дополнительных замечаний: а) исходный нерасчлененный морфемный элемент (корень) и конечный словообразовательный показатель записываются то в скобках, то без или вне скобок: в записи Г. О. Винокура корень без скобок, конечный показатель — в скобках, а в записи С. Г. Бархударова, наоборот, корень в скобках, конечный показатель вне скобок. Более логична за-

³⁷ Винокур Г. О. Там же.

³⁸ Бархударов С. Г. Там же.

³⁹ Соболева П. А. Исследование словообразовательной системы. С. 158.

⁴⁰ Современный русский язык. С. 238.

⁴¹ Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978. С. 573. — Нулевой аффикс не указан.

⁴² Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь... Т. 1. С. 10. — Нулевой аффикс не указан.

пись Г. О. Винокура; б) словоизменительные морфемы (окончания и суффиксы) принято брать в отдельные круглые скобки, вне зависимости от скобок, использованных в словообразовательной части слова; в) количество, форма, порядок следования (ранжировка) скобок: в записях Г. О. Винокура использованы скобки четырех видов — круглые, квадратные, фигурные и ломаные (углом). С их помощью можно записать большую часть производных слов, до четвертой степени производности включительно, но для записи слов более высокой степени производности их недостаточно. Слово *пренесносно* имеет 7-ю степень производности, потребуются, следовательно, еще три вида скобок или другие знаки в функции скобок. В целом можно предложить к использованию следующую систему скобок (знаков) в порядке от «младших» (внутренних) к «старшим» (внешним): 1) круглые скобки: $()$, 2) косые: $//$, 3) прямые, иначе — квадратные: ${}[]$, 4) двойные квадратные (с двойными вертикальными линиями): $\square \square$, 5) фигурные: $\{\}$, 6) ломаные: $\langle \rangle$, 7) скобки-кавычки: " " ⁴³

В формальных записях производных слов, вообще говоря, должны быть обозначены и нулевые словообразовательные аффиксы (*звать* — *зов-ø*, с учетом нулевого окончания — *зов-ø(ø)*), а также «снятые» аффиксы — аффиксы, использованные на определенной ступени производности и опускаемые на последующей, например: *снести* — *снос-и(ть)* — *снос*. С учетом «снятого» суффикса *-и-*, нулевого словообразовательного аффикса и нулевого окончания слово *снос* в формальной записи должно иметь следующий вид (снятые суффиксы берем в $*...*$): *с-нос*и*-ø(ø)*. Показ нулевых и «снятых» аффиксов (формантов) особенно необходим в скобочных записях, в значительной степени ориентированных на показ словообразовательной истории записываемого производного слова (прямо ориентированы на «деривационную историю» реляторные записи).

Формальные записи слова *пренесносно*;

- 1) бинарная запись: *пренесносно-о*;
- 2) поморфемная: *пре-не-с-нос-н-о*;
- 3) скобочная (с учетом «снятых» и нулевых аффиксов): $\langle \text{пре-}\{ \text{не} \square [/ (\text{с-нос}) * \text{-и} / \emptyset] \text{-н} \square] \rangle \text{-о}$;
- 4) реляторная: $OR_1R_1R_1R_2R_3R_3R_4$;
- 5) записи словообразовательной цепи с целью показа последнего ее звена:

а) по Е. А. Земской: *нести* — *снести* — *сносить* — *снос* — *сносный* — *несносный* — *перенесносный* — *перенесносно*;

⁴³ В математике, математической логике, в структурной лингвистике применяются также записи с использованием только круглых скобок. При этом надо следить, чтобы количество открывающих скобок (слева от центра) и количество закрывающих (справа) было одинаковым. Так можно записывать и производные слова, например, *бродяжничество*: $(((\text{брод-яж})\text{-ничи})\text{-ество}(\emptyset))$. Такие записи трудны для чтения.

б) по А. Н. Тихонову (Школьный словообразовательный словарь): нести → — с-нести → снос-и-ть → снос-ѳ(ѳ)⁴⁴ → снос-н-(ый) → не-сносный → пре-несносный → пренесносн-о;

в) по А. П. Тихонову (Словообразовательный словарь):

нести

с-нести

снос-и-ть

снос-ѳ)ѳ (у автора нулевые аффиксы не указаны)

снос-н(ый)

не-сносный

пре-несносный

пренесносн-о.

Приведенные записи кратко можно охарактеризовать так: 1) бинарная запись в полной мере отражает словообразовательную природу каждого данного производного слова (в этом ее безусловное достоинство), но оставляет без внимания его деривационную историю, степень производности, — в этом ее определенный недостаток; 2) поморфемная запись смазывает собственно словообразовательный аспект явления, подменяя его «составом» слова, и лишь примерно намечает словообразовательную историю и степень производности, так как количество аффиксов не всегда соответствует количеству словообразовательных «шагов»; 3) скобочная запись все это может отразить достаточно наглядно, но громоздко и запутанно, особенно если показывать нулевые и «снятые» форманты; 4) реляторная запись прямо ориентирована на «деривационную историю» производного слова, но отражает ее (через индексы реляторов) лишь на уровне частей речи; 5а) в записи Е. А. Земской словообразовательная история производного слова отражается с точностью до конкретного слова, но без выделения словообразовательного форманта; 5б—в) в записях А. Н. Тихонова словообразовательный процесс отражается с точностью до непосредственных составляющих — производящей основы и форманта, но лишь на каждой ступени производности в отдельности (все предшествующие членения «снимаются»). Если брать только само производное слово, то запись А. Н. Тихонова совпадает с бинарной записью. Предпочтения заслуживают бинарная и скобочная записи.

⁴⁴ У автора нулевой формант и нулевое окончание не указаны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В общей характеристике словообразования (у автора — «вводные замечания о словообразовании»), Л. А. Булаховский писал: «Область словообразования — одна из наиболее творческих, наименее замкнутых в грамматике языка», поэтому «овладеть словообразовательной структурой языка можно... только шаг за шагом усваивая каждое отдельное слово».¹ Теперь на первый план выдвигаются закономерности, типизированность и системность словообразования. По-видимому, нельзя преувеличивать и абсолютизировать ни ту, ни другую сторону или особенность словообразования: в нем есть и типизированное, и индивидуальное, которое надо усваивать «шаг за шагом», каждое слово в отдельности. Возьмем как пример образования на базе глагола *менять* и его непосредственных производных:

При- став- ки	Глаголы	Образования				Вид	Другие образования
		на	-ся	-ние	-а	-Ø	
	менять	+	—	+	—	—	Мен-к-а, меня-л(а) мен-ов-щик (2) меня-ль-щик меня-ль-ный
в-	вменить	+	+	—	—	-ять	
вы-	выменить	+	—	—	—		
	выменять	+	—	—	+	-ивать	
за-	заменить	+	+	+	—	-ять	заменитель в-замен не-замен-им(ый)
	заменять (пачин.)						
из-	изменить I	+	+	—	—	-ять	не-измен-н(ый) по-изменить
	изменить II	—	—	+	—	-ять	измен-щик, -щиц(а) измен-ник, -ниц(а)

¹ Булаховский Л. А. Курс литературного языка: В 2 т. Т. 1. Киев, 1952. С. 127 и 130.

на-	намснять	—	—	—	—	-ивать	
об-	обменять	+	—	+	+	-ивать	обмен-щик
	обменить	+					
от-	отменить	+	+	+	—	-ять	
перс-	переменить	+	—	+	—	-ять	перемен-н(ый)
по-	поменять	+	—	—	—	—	
под-	подменить	+	—	+	+	-ять	подмен-щик
						-ивать	
про-	променять	+	—	+	+	-ивать	
раз-	разменять	+	—	—	+	-ивать	
с-	сменить	+	+	+	—	-ять	
						-ивать	
	сменять	+	—	—	—	—	

Приведенный материал дает возможность отметить:

1) На базе глагола *менять* широко реализовано внутреннее (внутриглагольное) приставочное словообразование: занято 13 приставок, но приставки *вз-*, *до-*, *над-*, *пре-*, *пред-*, *у-*, несомненно глагольные, оказались неиспользованными. Кроме того, глагол *вменить/-ять* претерпел опрощение и с глаголом *менять* семантически уже не соотносится; образование *изменить/-ять*, по-видимому, омонимично (омонимы *изменить* I и *изменить* II отмечены в 4- и 17-томном словарях; в Словаре под ред. Ушакова — многозначность), и *изменить* в значении 'предать' (*изменить родине, другу, изменить в любви*) не имеет отчетливой связи с *менять* (в Словообразовательном словаре этот омоним, как и глагол *вменить/-ять*, даны в самостоятельных гнездах).

2) Почти полностью реализовано постфиксальное (возвратное) внутриглагольное словообразование, однако и здесь есть отход от общего правила: нет образований на *-ся* от *наменять* и от *изменить* в значении 'предать'.

3) Сов. вид в приставочных глаголах оформляется большей частью формами на *-ить*, несов. вид — на *-ять*, но есть и сов. вид на *-ять*: *поменять*, *разменять*, при этом глагол *поменять* не имеет несов. вида, а при *разменять* несов. вид на *-ивать*. Есть параллельные образования сов. вида на *-ить* и *-ять*, но только с приставкой *с-* они дают разные значения: *сменить что* (= *переменить: сменить обувь, белье и т. п.*) и *сменять что на что* ('произвести обмен': *сменять кукушку на ястреба* — пословица); из параллельных образований *выменить* — *выменять*, *обменить* — *обменять* в 4-томном словаре только образования на *-ять*.

4) Отглагольные существительные на *-ние*, *-а* и *-о* обозначают отвлеченное действие и, как правило, находятся в дополнительном распределении: где представлено одно из них, там нет двух других, например *мена* (нет *-ние* и *-о*), *размен* (нет *-ение* и *-а*), *вменение* (нет *-а* и *-о*); *изменить* ('переменить') — только *изменение*, *изменить* ('предать') — только *измена*. В Словообразовательном словаре приведены параллельные образования: *замена* и *заменение*, *отмена* и *отменение*, *смена* и *сменение*, — по образования на *-ение* в 4-томном словаре не отмечены.

ны. Из образований *промена* и *промен* в этом словаре только *промен*. И лишь *подмен* — *подмена* отмечается всеми словарями как равнозначные образования.

5) Прочие образования реализованы непоследовательно: *заменитель*, *переменный*, *меняла*, *меняльщик* и т. п.; *изменщик*, *-щица*, *изменник*, *-ница* только при *изменить* в значении 'пре-дать'.

Таким образом, действительно многое надо познавать «шаг за шагом», но, как и писал Л. А. Булаховский, «повысить свое чутье к словообразовательным элементам, наблюдая... отложившиеся в языке группы, конечно, возможно».² В этом и состоит смысл словообразовательных исследований.

Словообразовательный материал чрезвычайно обширен, но он поддается разного рода обобщениям.

Исходную единицу словообразовательного уровня языка и словообразовательного анализа составляет производное слово. Производных слов десятки тысяч: в гнездах Словообразовательного словаря их зафиксировано 126 034. Производное слово само по себе, взятое в изоляции, обнаруживает свою производность смутно, требуется словообразовательный анализ, — необходимы сопоставления его с другими словами. Такие сопоставления возможны лишь в словообразовательных парах: производное слово и его производящее. Словообразовательная пара (*аппарат* — *аппаратчик* и т. п.) — это то языковое пространство, в котором осуществляется весь словообразовательный процесс и создаются все его проявления: все основное в характеристике словообразования можно вывести из анализа словообразовательных пар. Но никакого обобщения словообразовательного материала словообразовательные пары, по существу, не дают, так как словообразовательных пар столько же, сколько производных слов: каждое производное имеет свое производящее, образуя с ним словообразовательную пару.

Обобщения словообразовательного материала можно достигнуть на другой основе. Имеется несколько оснований для такого обобщения, начиная с наиболее крупных и широких:

1) По частям речи — а) производящих слов, б) производных слов. Частей речи в русском языке (в традиционном их понимании и исчислении) — десять. Если бы производные и производящие слова распределялись по частям речи равномерно, то получились бы равные, но все-таки очень крупные группы слов, в среднем, если исходить из состава Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова, по 12 600 слов в каждой. Фактически же части речи представлены весьма неравномерно и в словарном составе языка, и в словообразовательном материале, в производящей и производной его части. Распределение словарного состава современного русского языка по

² Там же. С. 130—131.

частям речи в целом (применительно к общеупотребительной лексике) известно (см. гл. 5, § 3, 4). Применительно к словообразовательному материалу таких данных (в систематическом выражении) пока нет. Выявлено лишь распределение по частям речи вершин гнезд, т. е. исходных, корневых производящих (гл. 5, § 4). Количественные соотношения между частями речи в общем словарном составе языка и в словообразовательном материале в основном совпадают (на первом месте имена существительные, далее глаголы и прилагательные и т. д.), но конкретные выражения этих соотношений в указанных двух сферах расходятся: первое место имен существительных в роли вершин гнезд проявляется отчетливее, резче, нежели в общем словарном составе. Но по среднему количеству слов в гнездах (в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова это не совсем точно определено как «словообразовательный потенциал» частей речи) соотношение частей речи иное (гл. 5).

Полное распределение по частям речи производных и производящих слов должно быть еще выявлено.

2) По способам словообразования. Способов словообразования, по имеющимся перечням, около 20—25. Если бы производные слова распределялись по способам словообразования равномерно, то в каждом способе было бы до 5000 производных. Но и здесь равномерности нет, а действительное распределение производных по способам их образования пока не выявлено. На основе общих представлений можно отметить преобладание суффиксации и префиксации; нулевая суффиксация (безаффиксный способ) им явно уступает.

3) По формантам, словообразовательным средствам. В Грамматике-80 учтено около 850 «морфов» словообразования — префиксальных (87), суффиксальных (529), суффиксоидных (155) и прочих (т. 1. С. 754—762). В среднем на один словообразовательный аффикс может прийти до 120—130 производных слов. О количестве словообразовательных аффиксов есть и другие данные.³ Действительное распределение производных по конкретным аффиксам неизвестно; есть данные по приставкам, но, видимо, лишь в функции морфем, а не словообразовательных средств.

Совокупности слов с общим аффиксом (в целом — как морфемой, и отдельно — как формантом) составят аффиксальные гнезда слов, отличные от корневых гнезд (совокупности слов одного корня). Аффиксальные гнезда (аффиксы как морфемы) и корневые гнезда — «обратные величины»: корневые гнезда — совокупность слов одного корня с какими угодно разными аффиксами, аффиксальные гнезда — совокупность слов с общим

³ Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986: префиксы (префиксальные морфы) — 73 (с. 1125), суффиксы (суффиксальные морфы) — 577 (с. 1126—1128).

аффиксом (например, слова с суффиксом *-ость*) и какими угодно разными корнями.

Аффиксальные гнезда могут быть собраны в словари, подобные словарям корневых гнезд. Но аффиксальные гнезда пока не составлены, и словарей таких нет (см., однако, сн. 3).

4) По словообразовательным значениям. Количество словообразовательных значений не выявлено даже в примерном выражении, поэтому ничего более конкретного по такому распределению (обобщению) производных слов сказать пока нельзя. Конкретизировать это распределение можно лишь относительно предыдущего распределения, по формантам: в одном направлении словообразовательных значений больше, чем формантов (есть форманты многозначные), в другом — меньше (есть равнозначные форманты). Может оказаться, что в среднем их количества равны.

5) По словообразовательным типам. Количество словообразовательных типов также пока не определено. Некоторое представление об этом можно составить на основе Грамматики-80: словообразовательный материал в ней организован именно по типам; какого-либо подсчета количества типов в самой Грамматике-80 не ведется, но на основе ее материалов такой подсчет возможен. Предварительные и примерные результаты дает подсчет количества словообразовательных параграфов, — каждый из них отведен, как правило, отдельному типу. Таких параграфов около 830, но в 25—30 из них приведены значительные группы аффиксов, образующие небольшие группы слов или даже «единичные слова».

Количество словообразовательных типов можно определить через соотношение с количеством формантов и количеством словообразовательных значений: словообразовательных типов больше, чем словообразовательных формантов, так как типы характеризуются единством значения, а форманты могут быть многозначными; и больше, чем словообразовательных значений, так как одно и то же значение может быть выражено разными формантами (значения — «многоформенные»), а типы характеризуются единством форманта. В формальной записи это можно выразить так: *форманты* <типы> *значения*. Количество словообразовательных типов можно определить как произведение количества формантов на среднее количество их значений.

6) По корневым словообразовательным гнездам. Корневые гнезда на материале словарного состава современного русского языка уже составлены и собраны в словарь (А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. т. I—II. М., 1985). В этом словаре 12 542 корневых гнезда. Средний лексический состав гнезд — 10 слов. Но гнезда не равновелики: от 2 слов (однословные гнезда, гнезда-слова, в гнездовую часть Словаря не введены) — до 500—600 (в гнезде ПОЛОВИНА —

587 слов). Гнездовое (по корням) обобщение производных слов самое мелкое из всех рассмотренных.

Возможны и другие формы организации и обобщения словообразовательного материала, например по словообразовательному потенциалу производящих, по разным характеристикам «конечных» производных и др. Словообразовательная характеристика языка, таким образом, весьма широка и многообразна, она, по существу, неисчерпаема.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СХЕМА ОПИСАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА В ГРАММАТИКЕ-80

1. Часть речи производных (в Грамматике-80 «мотивированных») слов:
 - 1) имена существительные (например *испытать — испытатель*, § 211),
 - 2) имена прилагательные (*настух — настухов*, § 611),
 - 3) глаголы (*гость — гостить*, § 794),
 - 4) парения (*привычный — привычно*, § 977),
 - 5) числительные (*четыре — четверо*, § 1033, но в отличие от частей речи, указанных в п. 1—4, не «словообразование», а только «словообразовательная структура числительных», с. 411; то же применительно к частям речи, указываемых в последующих п.),
 - 6) местоименные слова (*где — кое-где*, § 1038),
 - 7) экспрессивные частицы, междометия, изолированные формы изменяемых слов (*спасибо — спасибочко*, прост., § 1040).
2. Способы словообразования, например, образование существительных:
 - 1) суффиксальные существительные (*испытать — испытатель*, § 211),
 - 2) префиксальные существительные (*город — пригород*, § 487),
 - 3) префиксально-суффиксальные существительные (*снег — подснежник*, § 517),
 - 4) существительные адъективного склонения (*взрослый*, прил. — *взрослый*, суш., § 544),
 - 5) сложные существительные (*водогрязелечебница*, § 550),
 - 6) аббревиатуры (ГОСТ, § 588),
 - 7) сращение существительных (*ничегонеделание*, § 591).
3. Часть речи производящих («мотивирующих») слов, например, суффиксальных существительных:
 - 1) существительные, мотивированные глаголами (*испытать — испытатель*, § 211),
 - 2) существительные, мотивированные прилагательными (*тайный — тайник*, § 285),
 - 3) существительные, мотивированные существительными (*орех — орешник*, § 330),
 - 4) существительные, мотивированные числительными (*семь — семерка*, § 441),
 - 5) существительные, мотивированные наречиями и предлогами (*сообща — сообщество*, *перед — предок*, § 445).
4. Словообразовательное значение, например у суффиксальных существительных, мотивированных глаголами:
 - 1) существительные со значением 'носитель процессуального признака': *испытать — испытатель* (§ 211),

2) существительные со значением отвлеченного процессуального признака: *наказать — наказание* (§ 257).

5. Словообразовательное средство (формант), например суффиксальные существительные, мотивированные глаголами, со значением 'поситель процессуального признака' (лица и орудия действия):

суффикс **-тель**: *испытать — испытатель* (§ 211), а также суффиксы: **-ник**: *шутить — шутник* (§ 212), **-щик**, **-чик**: *регулировать — регулировщик, летать — летчик* (§ 213), **-льщик**: *носить — носильщик* (§ 214), **-льник**: *будить — будильник* (§ 215), **-ец**: *жать — жнец* (§ 216), **-лец**: *жить — жилец* (§ 217), **-ак**: *черпать — черпак* (§ 218), **-ач**: *ткать — ткач* (§ 219), **-ун**: *ворчать — ворчун* (§ 220), **-ок**: *сидеть — седок* (§ 221), **-арь**: *печь — пекарь* (§ 222), **-аль**: *строгать — строгаль* (§ 223), **-атор**: *организовать — организатор* (§ 224), **-ор**: *инструктировать — инструктор, суфлировать — суфлер* (§ 225), **-ант/-ент**: *адресовать — адресант, абонировать — абонент* (§ 226), **-ат**: *делегировать — делегат* (§ 227), **-лк(а)**: *мять — мялка* (§ 228), **-ловк(а)**: *заводить — заводилка* (§ 229), **-л**: *сидеть — седло* (§ 230), **-к(а)**: *сторожить — сторожка* (§ 231), **-аг(а)/-яг(а)**: *бродить — бродяга, -ак(а)*: *служить — служака* (§ 232), **-ух(а)**: *стрепать — стрепуха* (§ 234), **-х(а)**: *прясть — пряжа* (§ 235), **-ш(а)/-уш(а)**: *крыть — крыша, волочь — волокуша* (§ 236), **-ул(я)**: *дразнить — дразнюля* (детская речь), **-ей(а)**: *жать — жнея* (§ 238), **-ний(е)**: *послать — послание* (§ 239), **-н(я)**: *квасить — квашня* (§ 240), **-льн(я)**: *читать — читальня* (§ 241), **-ищ(е)**: *зимовать — зимовище* (§ 242), **-ниц(а)**: *бить — бойница* (§ 243), **-ень**: *плести — плетень* (§ 244), **-нь**: *дать — дань* (§ 245), **-й(е)**: орфогр. **-ье**: *зимовать — зимовье* (§ 246), **-ыш**: *обирать — обориш* (§ 247), **-ин(а)**: *морищить — морищина* (§ 248), **-ив(о)**: *топить — топиливо* (§ 249), **-к(и)**: *очистить — очистки* (§ 250), **-лк(и)**: *носить — носилки* (§ 251), **-имость**: *успевать — успеваемость, решиться — решимость* (§ 252), **-енность**: *договориться — договоренность* (§ 253), **-тость**: *спеться — спетость* (§ 253), **-ух**: *пасти — пастух* (§ 254), **-атай**: *ходить — ходатай* (§ 254), **-с(а)**: *плакать — плакса* (§ 254), **-тельница**: *полоскать — полоскательница* (§ 254) и др., в частности в единичных существительных: *до-яр, торз-аш, пас-тырь, команд-ир, суд-ья, влад-ыка, нолок-ита, хан-уга, тороп-ыга, гул-ена, быва-льщина, ступ-ень, куп-ель, кач-ели, ход-ули, щуп-альце, мет-ла, фикс-аж, поли-тура, черт-еж, пес-ня, пес-нь* (§ 255).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

буд. вр. — будущее время
виин. — виинительный
дат. — дательный
деепр. — деепричастие
ед. ч. — единственное число
жен. р. — женский род
знач. — значение
им. — именительный
мн. ч. — множественное число
муж. р. — мужской род
накл. — наклонение
нареч. — наречие
наст. вр. — настоящее время
несов. — несовершенный
обл. — областное
ок. — около
повел. — повелительное

предл. — предложный
прим. — прилагательное
простор. — просторечное
пр. вр. — прошедшее время
род. — родительный
СД — способы действия
скл. — склонение
след. — следующее
совр. — современный
сов. — совершенный
спряж. — спряжение
ср. р. — средний род
суф. — суффикс
сущ. — существительное
уменьш. — уменьшительное
устар. — устарелое (слово)

ИСТОЧНИКИ

- Грамматика-52 — Грамматика русского языка. М., 1952.
Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
Грамматика-80 — Русская грамматика. М., 1980.
Обратный словарь — Обратный словарь русского языка. М., 1974.
Словарь Ожегова — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1975.
Словарь Ахмановой — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Словарь под ред. Д. Н. Ушакова — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
Словарь Даля — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978—1980.
Словообразовательный словарь (А. Н. Тихонова) — Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
Школьный словообразовательный словарь — Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978.
4-томный словарь — Словарь русского языка: В 4 томах. М., 1957—1961.
17-томный словарь — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1948—1965.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	3
§	1. Исходное определение словообразования	—
§	2. Объект и задачи словообразования (дериватологии)	4
§	3. Место словообразования в системе языка и языкознания	5
§	4. Общая характеристика словообразовательного анализа языка	7
§	5. Словообразование и другие стороны (аспекты) языка	11
	Глава 1. Основные явления и понятия словообразования	15
§	1. Производное слово	—
§	2. Непроизводное (корневое) слово	17
§	3. Производящее слово	18
§	4. Словообразовательная пара	20
§	5. Степени производности	21
§	6. Словообразовательное гнездо	—
§	7. Словообразовательное средство (формант)	23
§	8. Способ словообразования	24
§	9. Словообразовательное значение	25
§	10. Словообразовательный тип	29
§	11. Словообразовательное толкование производных слов. Словообразовательная перифраза	30
§	12. Выводы	34
	Глава 2. Словообразовательная морфемика	36
§	1. Общие замечания	—
§	2. Морфемы как значимые части слова	37
§	3. Типы морфем	41
§	4. Семантика морфем (общая характеристика)	46
§	5. Переходные, функционально смешанные морфемы. Квазиморфемы (субморфы)	48
§	6. Количественная характеристика морфем	50
§	7. Морфология морфем	51
	1. Морфемы и ударение	—
	2. Фонетическая (звуковая) структура морфем. Длина морфем	52
	3. Слоговое строение морфем	55
	4. Фонологические (морфонологические) варианты морфем	57
	А. Чередования согласных	63
	Б. Чередования гласных	67
	В. Некоторые обобщения	68

§ 8.	Морфемы и части речи	69
1.	Корни	—
2.	Префиксы (приставки)	70
3.	Суффиксы	72
4.	Постфиксы (собственно постфиксы)	—
5.	Окончания	73
§ 9.	Морфемный состав слов (предварительные замечания)	—

Глава 3. Словообразование и смежные с ним явления. Общая характеристика словообразования

§ 1.	Основной характер словообразования	—
§ 2.	Словообразование и словоизменение (формообразование)	77
§ 3.	Образование слов и их словообразовательный генезис («деривационная история» слов)	84
§ 4.	Словообразование и морфемный состав слов	87
§ 5.	Синхрония и диахрония в словообразовании	97
§ 6.	Словообразование и этимология	105

Глава 4. Способы словообразования 110

§ 1.	Общие замечания	—
§ 2.	Обзор способов словообразования	111
1.	Аффиксация — образование простых производных слов	—
А.	Простая аффиксация	—
Б.	Комбинированная аффиксация	115
2.	Сложение — образование сложных слов	117
3.	Аббревиация и аббревиация со сложением — образование сокращенных и сложносокращенных слов	118
4.	Транспозиция — образование омонимов к уже существующим словам	120
§ 3.	Количественная характеристика способов словообразования	121
§ 4.	Основосложение или словосложение?	123
§ 5.	Семантический способ словообразования	128
§ 6.	Так называемое обратное словообразование	131

Глава 5. Словообразование и части речи 136

§ 1.	Общие замечания	—
§ 2.	Внутреннее и «внешнее» словообразование по частям речи	137
§ 3.	Слова по частям речи в функции производящих (частеречное соотношение производящих и производных)	140
1.	Имена существительные как производящие слова	—
2.	Имена прилагательные как производящие слова	143
3.	Имена числительные как производящие слова	144
4.	Местоимения как производящие слова	145
5.	Глаголы как производящие слова	146
6.	Наречия как производящие слова	149
7.	Незапамятные слова как производящие	—
§ 4.	Количественные соотношения производящих по частям речи	150

Глава 6. Словообразовательные значения 153

§ 1.	Общие замечания	—
§ 2.	Словообразовательные значения имен существительных	155
1.	Предметно-характеризующие значения	—
2.	Модификационные значения	159
3.	Транспозиционные значения (синтаксическая деривация)	160
4.	Соединительные значения	—
§ 3.	Словообразовательные значения имен прилагательных	161
§ 4.	Словообразовательные значения глаголов	165

1. Пространственные значения	165
2. Временные значения («временные способы действия»)	167
3. Значения внешнего словообразования	168

Глава 7. Словообразовательные гнезда слов	171
---	-----

§ 1. Терминология. Определение. Общая характеристика	—
§ 2. Гнездовая организация словообразовательного материала	175
§ 3. Типология корневых словообразовательных гнезд	178
1. Типы гнезд по частеречной принадлежности вершинных слов	—
2. Типы гнезд по объему (количеству слов)	180
3. Структурные типы гнезд	181
§ 4. Характеристика структурных типов гнезд	182
1. Состав гнезд	—
2. Внутреннее развитие (и разновидности) гнезд	183
§ 5. Словообразовательные парадигмы	185
§ 6. Упорядочение слов в корневых словообразовательных гнездах	187
§ 7. Упорядочение записи производных слов	192
Заключение	196
Приложение. Схема описания словообразовательного материала в Грамматике-80	202
Принятые сокращения	203
Источники	204
Оглавление	205

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

\$

ИБ № 2854

Александр Иванович Моисеев

**Основные вопросы словообразования
в современном русском литературном языке**

Редактор *А. П. Башмакова*
Художественный редактор *В. В. Пожидаев*
Обложка художника *В. А. Тюлюкина*
Технический редактор *Е. Г. Учаева*
Корректоры *Н. М. Каплинская, Г. Н. Гуляева*

Сдано в набор 15.04.87. Подписано в печать 22.07.87. М-39209. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13.
Усл. кр.-отг. 13,19. Уч.-изд. л. 14,13. Тираж 10 350 экз. Заказ № 101. Цена 45 коп.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова, 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва ЛГУ им. А. А. Жданова, 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.